

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (18)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2015**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (18)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2015**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования
Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГБОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жириков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

ответственный секретарь

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГБОУ ВО МГПУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Разумовский И.В.</i> Что такое «внутренняя колонизация»? Историографический аспект проблемы	8
<i>Карезина И.П.</i> История образования Русской Православной миссии в Пекине	19
<i>Алигаджиева З.А.</i> Пережитки домонотеистических верований в похоронной обрядности у аварцев-андалальцев	31
<i>Перевозников А.А.</i> Велосипед в среде столичных жителей: направления деятельности московских велосипедных организаций в конце XIX века.....	38

Всеобщая история

<i>Васин И.В.</i> Классический полис в системе греческих объединений V–IV вв. до н.э.	44
<i>Крыкин С.М.</i> Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре	57
<i>Войтенко А.А.</i> Некоторые особенности восприятия пространства в коптских монашеских житиях	67
<i>Фурцев Р.В.</i> Развитие политических отношений между Миланом и империей в период правления Фридриха III	77
<i>Аверин С.В.</i> Индийские войска на фронтах Второй мировой войны: историографический обзор.....	85
<i>Коньков Д.С.</i> Великобритания — это не Европа: образ Древнего Рима в образовательной политике ЕС и Великобритании.....	95

Критика. Рецензии. Публицистика

Тутерина В.К. Рецензия на монографию: Brian Glyn Williams. The sultan`s raiders. The military role of the Crimean tatars in the Ottoman Empire. Washington, D.C. Published in the United States by The Jamestown Foundation. 2013. V, 62 p. 104

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2015, № 2 (18)..... 108

Требования к оформлению статей..... 110

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Razumovskiy I.V.</i> What is the «Internal colonization?» Historiographical Aspect of the Problem.....	8
<i>Karezina I.P.</i> The History of Foundation of Russian Orthodox Mission in Beijing.....	19
<i>Aligadzhieva Z.A.</i> The Remnants of Pre-monotheistic Beliefs in Funeral Rites at Avars-andalalts.....	31
<i>Perevoznikov A.A.</i> Bicycle in the Milieu of Town-dwellers: the Directions of Activity of Moscow Bicycle Organizations at the End of XIX th century.....	38

General History

<i>Vasin I.V.</i> The Classical Polis in the System of Greek unions of the V–IV Centuries BC.....	44
<i>Krykin S.M.</i> Terracotta “Thracian Horsemen” in Bospor.....	57
<i>Voytenko A.A.</i> Some Features of the Spatial Perception in Coptic Monastic Lives.....	67
<i>Furtsev R.V.</i> Development of Political Relations between Milan and the Empire during Period of the Reign of Frederick III.....	77
<i>Averin S.V.</i> Indian Troops on WWII Fronts: Historiographical Review.....	85
<i>Konkov D.S.</i> Great Britain is not Europe: Image of the Ancient Rome in Educational policy of EU and Great Britain.....	95

Criticism. Reviews. Publicism

Titerina V.K. Review of the Monograph: Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders. The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington, D.C. Published in the United States by The Jamestown Foundation. 2013. V, 62 p. 104

**«MCTTU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies»,
2015, № 2 (18) 108**

Style Sheet..... 110

История России: с древнейших времен до 1917 года

И.В. Разумовский

Что такое «внутренняя колонизация»? Историографический аспект проблемы

В статье интерпретируется сложное понятие — «внутренняя колонизация». Как термин, «внутренняя колонизация», в основной своей сути, означает сельскохозяйственное освоение территорий страны. Как явление, «внутренняя колонизация» включает в себя комплекс экономических, социальных, политических и культурных процессов, специфично проявившихся в историческом опыте России.

Ключевые слова: «внутренняя колонизация»; колониализм; колония; историография.

Итак, когда мы говорим о «внутренней колонизации», то в первую очередь имеем в виду экономическое освоение территорий. В исторической литературе значительно расширен этот первоначальный смысл характеристикой социальных и культурных последствий колонизации, взаимоотношений «колонизаторов» и коренных народов. Рассмотрим посвященные этой проблеме выводы известных ученых. Таковы задачи статьи.

Главным, если не сказать единственным на данный момент исследователем этого процесса в контексте рассматриваемой теории является американский филолог и историк, профессор Кембриджского университета Александр Маркович Эткинд. Начиная с 2012 года А.М. Эткинд в своих статьях и работах проводит взаимосвязь «внутренней колонизации» с культурой, приводит различные трактовки и примеры определения этого понятия. А.М. Эткинд отмечает, что особенность России в освоении территорий — это слияние метрополии и колонии в одном государстве. Выделяя экономический аспект как основополагающую причину колонизации, специалист приходит к выводу, что эта «колонизация» к тому же приводила к насилию над населением, а освоения территорий практически не происходило. Как следствие названных процессов, появлялись участки неравномерного развития территорий. Что касается понятия «внутренняя колонизация», то А.М. Эткинд объясняет его как «применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства» [7: с. 12].

Ни один из ведущих российских историков рубежа XIX–XX веков не употреблял термин «внутренняя колонизация» при рассмотрении внутренней политики России. Применительно к истории России направляющую идею «внутренней колонизации» задал Август фон Гакстгаузен, прусский политический деятель. Посетив в 1843 году Россию, он писал: «В России происходит не колониальная экспансия, а, скорее, внутренняя колонизация, которая стала важнейшим предметом всей внутренней политики и экономики этой империи» [10: с. 91]. Спустя четыре года, в 1847 году, Гакстгаузен продолжил свою идею на тему колонизации России: «На внутреннюю колонизацию Российской империи должна быть направлена вся энергия правительства» [7: с. 58]. Прусский политик, делая такие выводы, опирался на выводы российских чиновников, которые обращались к данной проблеме, чтобы объяснить переселение российских крестьян на окраины империи, в основном на юг и в Сибирь, а в дальнейшем и в Среднюю Азию [7: с. 58].

В отечественной историографии не использовался термин «внутренняя колонизация». Он был заменен на очень близкий по значению — «самоколонизация». Выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) в середине XIX века, когда Российская империя осваивала Северную Америку и вела «Большую игру» с Англией в Средней Азии, использовал понятие «внутренней колонизации» для объяснения социально-политической ситуации в империи. Он видел в опыте российской колонизации одну из существенных причин устойчивости крепостного права. Историк отмечал, что крепостничество искусственно тормозило колонизацию, закрепляя население на тех местах, где оно первоначально оседало, ограничивая переселение на более выгодные, с экономической точки зрения, территории. Таким образом, колонизация в крепостнической среде обуславливала низкую плотность населения на огромных пространствах России [6]. С.М. Соловьев не выделял хронологических рамок колонизации, придерживаясь принципа «не делить, не дробить русскую историю».

Проблемы российской колонизации затронул Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876), выделив ее экономический аспект, а именно — развитие пушного и рыбного промыслов на колонизируемых территориях. «Пушная» колонизация подразумевала добычу шкур зверей. Их интенсивное истребление вывело русских в Сибирь, на Дальний Восток и Аляску, которые в конечном итоге были колонизированы. «Рыбная» снабжала Центральную Россию [10: с. 98]. Следовательно, «внутреннюю колонизацию», по Щапову, лоббировали экономические интересы частных лиц, принадлежавших в своем большинстве к крестьянской прослойке населения.

Более развернутую характеристику процессов «внутренней колонизации» мы находим в трудах В.О. Ключевского (1841–1911). «История России, — писал он, — есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией» [3]. В.О. Ключевский указывал, что переселения (а для В.О. Ключевского переселения — это основной метод колонизации) обширно начали происходить после отмены

крепостного права. Историк указывает и основные места переселений: Новороссия, Кавказ, Волга, Каспий, но в большинстве своем переселения шли за Урал и в Сибирь [3]. Так, он выделяет основную роль Окско-волжского междуречья. Именно здесь, по мнению В.О. Ключевского, образовался центр расселения — «сборный пункт переселенческого движения», где «сходились колонисты и отсюда расходились в разных направлениях» [3]. Описание переселений позволило ему доказать значение географического фактора в истории колонизации. Военная колонизация, по В.О. Ключевскому, обуславливала защиту как переселенцев, так и самих «колонизаторов», так как их политика предполагала и военное закрепление России на новых территориях [3]. Ключевский выделял и другие типы колонизаций, например, монастырскую. Ее смысл сводился к следующему. Уходя в отшельничество, монахи, обычно в глуши и безлюдных местах, осваивали монастыри, вокруг которых росли новые поселения, и их жители осваивали прилегающие территории. Именно здесь происходило слияние крестьянской и монастырской колонизаций. Пример такого взаимодействия В.О. Ключевский видел в истории Троице-Сергиева монастыря [3]. В.О. Ключевский первым дал периодизацию российской колонизации как социальной миграции населения: «Я делю нашу историю на отделы или периоды по наблюдаемым в ней народным передвижениям» [3]. Всего их четыре. На первом этапе (VIII–XIII вв.) «масса русского населения сосредотачивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками с историческим водным продолжением — линией Ловать — Волхов. Господствующий политический факт периода — политическое дробление... Экономическая деятельность — торговля. На втором этапе (XIII – сер. XV в.) «главная масса русского населения является на верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной... на княжеские уделы. Господствующий политический факт — удельное дробление. Экономика — сельское хозяйство». На третьем этапе с половины XV века до второго десятилетия XVII века «основная масса русского населения из области Верхней Волги растекается на Юг и Восток по донскому и средневолжскому чернозему, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы Верхнего Поволожья» [3]. Политически население объединяется под властью московского государя. Господствующий политический факт — государственное объединение Великороссии; экономика — земледелие и сельское хозяйство [3]. И, наконец, четвертый этап. Он длился с начала XVII до половины XIX века. «Русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского до Черного, до Кавказского хребта, до Каспия и Урала, Юг и Восток за Кавказ, Каспий, Урал. Политическое устройство — объединение. Экономика — земледелие, впоследствии ставшее крепостничеством» [3]. В.О. Ключевский резюмирует: в истории колонизации России всего четыре периода: Днепровский, Верхневолжский, Великорусский и Всероссийский [3].

Последователи В.О. Ключевского — Павел Милуков, Михаил Покровский выделяли множество способов колонизации России: «свободную колонизацию», которую вели крепостные, дезертиры, сектанты; «военную колонизацию», как

результат военных компаний (присоединение Средней Азии); «монастырскую колонизацию» и «казацкую» [7: с. 101]. Систематизировав все известные позиции, эти историки доказывали цивилизационную миссию России на просторах Евразии.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — политический деятель, историк и публицист в своем многотомном труде по российской истории отмечал, что для процесса колонизации новых земель необходимо массовое насилие для подчинения захваченных территорий. Исходя из этого Милюков детально изучил народы, которые были ассимилированы или уничтожены русскими в процессе их колонизации. Милюков отмечал, что идея колонизации являлась основополагающей в истории России. «Колонизация России русским племенем совершалась на всем протяжении русской истории и составляет одну из самых характерных черт ее» [7: с. 103]. Милюков выделял «фактор народонаселения», отмечая, что для России, по сравнению с Европой, характерен очень низкий уровень благосостояния колонизационного населения. Демографические процессы, как в России, так и в Европе, Милюков рассматривал в «совокупности и обусловленности этнографического состава населения и колонизации» и считал необходимым учитывать время заселения. Он подчеркивал, что все эти процессы в России заметно запаздывали по сравнению с похожими процессами в Европе. Основными направлениями колонизации Милюков называет север и юго-восток России. Отрицательными последствиями колонизационного процесса в России Милюков считал непрерывное перемещение русского народа, мешавшее росту плотности населения, что вредило экономическому развитию страны [6]. История колонизации рассматривалась Милюковым разделенной на четыре этапа: племенной, государственной (через раздробленность), самодержавной (сильный покоряет слабого), государство принимает форму военно-национального. Показательно, что историк придерживался идеи «разорванных концов и начал исторического развития» [6].

Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — российский историк-марксист, объяснял любое историческое событие с классовых позиций. В колонизаторской политике романовской России на Кавказе, в Сибири и Средней Азии Покровский видел причину экономической отсталости России [10: с. 103]. Колонизации, как явлению естественному и не регулируемому государством, он не придавал какого-либо значения.

Сибирские исследования колонизации были популярны в обществе под названием «Сибирское областничество», существовавшем с середины 1850-х годов до начала XX века. Важными представителями этого общества были Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Николай Наумов и др. «Областники» выступали в защиту коренных народов Сибири от колониального гнета, рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России¹. Следующий виток исследований проблемы «внутренней колонизации»

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 23.11.2014).

начался после революционных событий 1917 года, которые сильно повлияли на школу Ключевского. Наиболее известный представитель этого периода — Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936). Стоит сразу подчеркнуть, что термин «колонизация», который употребляет М.К. Любавский, не нес такого негативного оттенка, который будет введен позже, с распространением термина «империалистическая» колонизация. М.К. Любавский употреблял термин «колонизация» в значении «расселение», «освоение территорий». Таким образом, для М.К. Любавского «колонизация» — это процесс не завоевания, а присоединения, вкуче с хозяйственным освоением [4]. М.К. Любавский понимал «колонизацию» как освоение земель и указывал, что основная часть территорий Российской империи была колонизирована путем освоения земель крестьянами-земледельцами, методом «народной колонизации». Колонизация у Любавского также связана с переселениями, которые организовывали различные социальные круги: от церкви до землевладельцев. Эта идея перекликается с мыслью В.О. Ключевского о взаимодействии крестьянской и монастырской колонизации. По М.К. Любавскому, государство участвует в колонизации после того, как произошло первоначальное освоение земель, развивая эти территории экономически и политически, тем самым продолжая колонизацию [4]. Важнейшей составляющей процесса колонизации у М.К. Любавского является адаптация. Этот процесс сводился к тому, что вновь освоенное пространство адаптировалось политически, культурно, социально под однородное имперское пространство. Присоединяя территории и осваивая их, русские адаптировали приобретенные социальные пространства «под себя». Таким образом происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод их из разряда «этнокультурные» в разряд «государственные». Однако не все территории империи были колонизированы именно так. Например, Финляндия, Польша, Прибалтика были подчинены, как особые территории с подчинением, подобному имперскому принципу. Но М.К. Любавский находит пример такой территории — Украина [4]. Главный вывод, который делает М.К. Любавский: колонизация, как форма расселения, формирует государственную территорию Российской империи. Матвей Кузьмич одним из первых дал развернутую периодизацию российской колонизации по географическому принципу. Первые шаги русской колонизации начались в VII–IX веках, когда славяне начали процессы освоения территорий на юге России. В конце IX – начале X века славяне расселяются в Восточной Европе. Процессу колонизации русских на юге помешала угроза кочевников, которые проживали в этих местах в конце IX–X и XI веках. Расширение славянской колонизации в Поволжье и в бассейне реки Оки началось во второй половине XII века. В XII – начале XIII века русская оседлость перемещается на юг. Также в этот период наблюдается внутреннее размещение русского населения по занятым территориям. В XIII–XIV веках на Русь обрушились татарские погромы, которые сильно повлияли на колонизацию, население оказалось

закреплено на старых местах. «Татары задержали окраинное русское население, если не всё, то значительную часть его, на прежних местах... Часть русского населения они даже вытягивали из прежних пределов оседлости в более южные местности... Часть населения перемещалась в Карпаты, так как они являлись естественным укрытием от кочевников» [5]. Отдельно М.К. Любавский дал периодизацию колонизации Пермской и Печорской земель. Так, начало колонизации — образование новых уездов на Печоре — началось в начале XVII века, а в конце XVII столетия продолжилось раскольничьей колонизацией [5]. В первой половине XVI века русская колонизация развивалась на территориях Казанского царства [5]. В первой половине XVII века в Закамских землях началась монастырская, вольная и крестьянская колонизация. Во второй половине XVII века к ним добавилась еще и военно-служилая [5]. В 80-х годах XVII века шла колонизация Нижнего Поволжья. К концу XVII века в этом регионе появляются первые поселки [5]. Раскольничья колонизация продолжилась во время правления Екатерины II (1762–1796). В Самарской области колонизационные процессы начались с 1835 года [5]. Колонизация Астраханских земель Поволжья происходила и шла преимущественно силами казацких отрядов [5]. Колонизационные процессы шли и в царствование Михаила Федоровича (1613–1645), преимущественно в степной Украине, а начиная с XVII века началась земледельческая колонизация региона [5]. Казацкая колонизация успешно проходила на Дону, Урале и Приднепровье. Тут М.К. Любавский выделяет два этапа. Первый проходил в первой половине XVI века и характеризовался возникновением поселений казаков на Дону. Второй период (50–60-е гг. XIX в.) характеризовался переселением людей в районы Дона [5].

М.К. Любавский, говоря о колонизации Сибири, выделяет в ее освоении два больших периода. Первый (XVIII – нач. XIX в.) характеризовался ослаблением правительственной колонизации. Была с размахом начата ссыльная колонизация, а также вольная, начавшиеся в XVIII веке. Второй период — с начала XIX века до освобождения крестьян в 1861 году. В первой половине XIX века продолжалась колонизация Сибири ссыльными, по причине приговоров мещанских и крестьянских обществ, а уже во второй половине XIX века колонизация Сибири приняла государственный характер. Имперское правительство начало целенаправленную переселенческую политику в Сибирь, но также сохранялась и вольная колонизация сибирского региона [5].

Отметим, что абсолютно все территории, которые отечественные исследователи изучали как объект российской колонизации, уже входили в состав Российской империи. Этими территориями являлись: Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Кавказ, Польша, Прибалтика, Финляндия и Украина. Причем две последние территории отнести к статусу объектов внутренней колонизации можно с оговорками, а скорее всего и исключить.

Отдельно стоит сказать о колониальной политике России на Аляске. Главным исследователем этой проблемы являлся Н.Н. Болховитинов. Колонизационные

процессы в этом регионе начались после возвращения Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Прибыв с большим грузом мехов и пушнины, экспедиция вызвала интерес у камчатских промышленников, купцов и казаков. Впрочем, первый шаг был сделан еще до возвращения Второй Камчатской экспедиции сержантом охотского порта Емельяном Басовым, к которому впоследствии присоединился купец Серебрянников. Совершая свои промысловые экспедиции, купцы осваивали артели, которые станут проводником колонизации на Аляску. К 1747 году были организованы уже четыре промысловые компании, а к 1750 году окончательно сложилась компанейская организация промыслов. Команды промысловиков комплектовались в основном жителями Вологодской губернии и Сибири. Начиная с 1751 года русские проникают на Андреяновские, Лисьи острова и полуостров Аляску. Со второй половины XVIII века основной промысловой зоной русских становятся Алеутские острова. Начиная с 1750-х годов русские промышленники совершили более 50 экспедиций на острова северо-запада Тихого океана. Но восстание алеутов остановило продвижение, экспедиции продолжились в 1764 году. Русские старались привести в подчинение местных коренных жителей. Так, на острове Кадьяк русские повсеместно вступали в конфликты с местным населением. В итоге к началу 1780-х годов Алеутские острова были полностью открыты русскими и освоены. В 1780 году усилиями компании Голикова-Шелихова русскими был колонизирован остров Кадьяк, здесь была заложена гавань. Именно с этого острова началась колонизация Русской Америки. Шелихов настаивал на основании постоянных поселений русских на открытых территориях и завоза населения. К концу XVIII века Шелихов передал дела колоний А.А. Баранову. Сам Шелихов умер в 1795 году, а дела по управлению колоний взяла на себя его жена Наталья Алексеевна. С этого времени в России зарождается идея закрепить открытые земли за Россией. Так, иркутский генерал-губернатор Якоби приказал правителю Северо-Восточной компании Деларову закрепить побережье Аляски за Российской империей именными табличками «Земля Российского Владения». В итоге за Россией были закреплены территории побережья северо-запада Америки. Русские исследуют территорию от р. Юкон на севере до р. Медной на востоке. А на юго-востоке Аляски началось создание многочисленных русских поселений. Апогеем русской колонизации стало создание в 1799 году Российско-американской компании (РАК) [1].

Российско-американская компания была образована 8 (19) июля 1799 года и сочетала в себе экономические, политические, социальные и культурные функции. В некотором роде государство в государстве. Создание РАК не привело к гуманизации колонизации, наоборот, насилие над индейцами продолжалось [2]. В самих же русских колониях царил жесткая эксплуатация как индейцев со стороны промышленников, так и самих промышленников со стороны колониальной администрации [2].

Во время деятельности РАК компания предпринимала попытки расширения своих владений. Так, в 1812 году русскими в Калифорнии был заложен форт Росс, ставший самой южной колонией русских в Америке. Только здесь можно было

развить сельское хозяйство, что с успехом и делалось русскими для снабжения своих колоний на Аляске. На самом полуострове развить сельское хозяйство не удалось [2]. Помимо этого, какое-то время российский флаг веял над Гавайскими островами, причиной этому была так называемая авантюра доктора Шеффера [2].

Начиная с 2000-х годов проблема «внутренней колонизации» получила широкое дискуссионное развитие в многочисленных статьях российских исследователей. В связи с этим выделим статью новосибирского учителя истории А.С. Хромых. В статье «К вопросу о применении понятий “колонизация” и “фронтир” в изучении истории Сибири» автор, разбирая понятия «колонизация» и «фронтир», старался объяснить на их основе процесс вхождения Сибири в состав России. Исследователь приходит к выводу, что понятие «фронтир», выдвинутое в 1893 году американским историком Ф. Тернером, более применимо к истории США, в то время как понятие «колонизация» более подходит к российским реалиям. Помимо этого, А.С. Хромых отмечает, что в ходе исследований были выделены два концептуальных понятия: «колонизация» и «освоение», причем под первым термином понималось подчинение территорий (колоний) интересам центра, а под вторым — открытие территорий и их сельскохозяйственное освоение. Также важно отметить, что американские исследователи не применяли отечественное понятие «колонизация» к своим реалиям, в то время как и российские исследователи не применяли термин «фронтир» к российским историческим процессам. Но главное, что объединяет два этих термина — американский «фронтир» и российская «колонизация», так это то, что они пытаются объяснить схожие явления присоединения, заселения и освоения территорий, но с той лишь разницей, что применяются эти объяснения конкретно для двух стран — России и США [9]. Д.И. Олейников в историческом обзоре процессов колонизации отмечает, что применение теории «фронтир» является не только американским явлением, а распространяется и на европейские страны, включая Россию².

Исследования проблемы «внутренней колонизации» продолжились во второй половине XX века, но в довольно специфической форме в работах зарубежных исследователей. Термин «внутренняя колонизация» стали применять многие социологи для объяснения внутренних проблемных процессов в Европе и США. Выделим некоторые выводы. Французский философ, теоретик культуры и историк, Мишель Фуко в своих лекциях использовал понятие «внутренняя колонизация». Его применение было вызвано объяснением процесса того, как колониальные модели власти перемещаются обратно с Востока на Запад [8]. Также Фуко, говоря о колонизации, выделял две ее стороны: активную и пассивную. Процесс колонизации делится на: «активную сторону» — кто завоевывает, и «пассивную сторону» — кого завоевывают [8]. Именно основываясь на этих двух принципах, Фуко объясняет все внутренние процессы

² URL: <http://te.zavantag.com/docs/2598/index-27265.html> (дата обращения: 10.11.2014).

в государстве. Американский исторический социолог Майкл Хечтер использовал концепцию «внутренней колонизации» при изучении геополитических отношений на Британских островах, остановив свое внимание на взаимоотношениях Уэльса и Великобритании. Пересматривая концепцию колонизации, Хечтер нейтрализовал географическое расстояние между колонизаторами и колонизованными. Эта позиция раньше выделяла особенность британского колониализма. Решающим доводом в исследовании Хечтера стали этнокультурные различия между метрополией и колонией — а как вариант, и между англичанами и валлийцами [7: с. 20].

Итак, в статье была предпринята попытка дать характеристику сложному понятию и процессу «внутренней колонизации». Развернутую периодизацию российской колонизации первым обозначил В.О. Ключевский, но более подробно осветил ее М.К. Любавский. Кроме того, российские историки дали типологию колонизации. Применительно к России исследователи выделяли: «свободную колонизацию», «военную колонизацию», «монастырскую колонизацию» и «казацкую колонизацию». Тем самым выделив основные слои населения, которые участвовали во «внутренней колонизации» России. Экономический аспект колонизации затрагивали в своих работах Щапов и Любавский, причем последний выделял и стихийную колонизацию славян под давлением степных кочевников, которые повлияли на неравномерное расселение русского населения, тем самым создав преграду для полновесного экономического развития отдельных территорий России. Любавский выделял роль географического фактора в колонизации. Так, расселение славян, а затем и крестьян зависело от тех или иных природных факторов — лесов, гор, болот. При сравнении мнений историков отметим, что все они по-разному видели суть и причины колонизационных процессов в России. Так, Соловьев считал, что колонизацию плодородных земель России тормозило крепостное право. Щапов выделял роль экономических причин колонизации. Он считал, что именно хищническое истребление животных двигало колонистов на Восток. Ключевский полагал, что дальнейшее усиление переселений и тем самым и колонизации было связано с отменой крепостного права.

Отрицательные следствия колонизации в России наглядно показал Покровский, представитель марксистской исторической школы. На основе колонизаторской политики России в Средней Азии, Сибири, на Кавказе он сделал вывод, что покоренные — «колонизированные» народы, в своем социально-экономическом развитии заметно остановились. Что касается колонизационных процессов, то Покровский считал их естественными, не зависящими от государственной политики.

Надо сказать, что абсолютно все территории, которые отечественные исследователи изучали как объект российской колонизации, уже входили в состав Российской империи: Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Кавказ, Польша, Прибалтика, Финляндия и Украина. Причем две последние территории отнести

к статусу объектов внутренней колонизации можно с оговорками, а скорее всего и исключить.

Достаточно глубоко освещена история колонизации Северо-Восточной России (Н.Н. Болховитинов). К настоящему времени доказано, что огромная работа по управлению и колонизации этой далекой территории осуществлялась именно Российско-американской компанией.

Термин «внутренняя колонизация» стал применяться многими социологами для объяснения внутренних социальных процессов в странах Западной Европы и США (Фуко, Хечтер).

Литература

1. *Болховитинов Н.Н.* История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. Т. 1: Основание Русской Америки, 1732–1799. М.: Международные отношения, 1997. 479 с.
2. *Болховитинов Н.Н.* История Русской Америки, 1732–1867: в 3 т. Т. 2: Деятельность Российско-американской компании, 1799–1825. М.: Международные отношения, 1999. 472 с.
3. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций М: ОЛМА-ПРЕСС–Образование, 2004. 277 с.
4. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до начала XX века. М: МГУ, 1996. 688 с.
5. *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читанный в Московском университете в 1908 г. — 9 акад. ч. [1909].
6. *Сидоренко О.В.* Историография IX – начало XX вв. Отечественной истории: учеб. пособие. Владивосток: ДВГУ, 2004. 299 с.
7. Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
8. *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанный в коллежде Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
9. *Хромых А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-ов III региональной молодежной науч. конф. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 109
10. *Эткнд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

References

1. *Bolxovitinov N.N.* Istoriya Russkoj Ameriki, 1732–1867: v 3 t. T. 1: Osnovanie Russkoj Ameriki, 1732–1799. M.: Mezhdunarodny' e otnosheniya, 1997. 479 s.
2. *Bolxovitinov N.N.* Istoriya Russkoj Ameriki, 1732–1867: v 3 t. T. 2: Deyatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii, 1799–1825. M.: Mezhdunarodny' e otnosheniya, 1999. 472 s.
3. *Klyuchevskij V.O.* Russkaya istoriya. Polny'j kurs lekcij M: OLMA-PRESS–Obrazovanie, 2004. 277 s.
4. *Lyubavskij M.K.* Obzor istorii russkoj kolonizacii s drevnejshix vremen do nachala XX veka. M: MGU, 1996. 688 s.

5. *Lyubavskij M.K.*. Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizaciej. Kurs chitannyj v Moskovskom universitete v 1908 g. — 9 akad. ch. [1909].

6. *Sidorenko O.V.* Istoriografiya IX – nachalo XX vv. Otechestvennoj istorii: ucheb. posobie, Vladivostok: DVGU, 2004. 299 s.

7. Tam vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii: sb. st. / Pod red. A. E'tkinda, D. Uffel'mana, I. Kukulina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 960 s.

8. *Fuko M.* Nuzhno zashhishhat' obshhestvo. Kurs lekcij, pročitannyj v kollezhde Frans v 1975–1976 uchebnom godu / Per. s fr. E.A. Samarskoj. SPb.: Nauka, 2005. 312 s.

9. *Xromy'x A.S.* K voprosu o primenении ponyatij «kolonizaciya» i «frontir» v izuchenii istorii Sibiri // Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy' i perspektivy': sb. mat-lov III regional'noj molodezhnoj nauch. konf. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2009. S. 109

10. *E'tkind A.M.* Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 448 s.

I.V. Razumovskiy

What is the «Internal colonization?» Historiographical Aspect of the Problem

In the article the author interpreted complex concept — «internal colonization». As the term «internal colonization», in the main essence means agricultural development of the territory of the country. As a phenomenon, «internal colonization» includes a range of economic, social, political and cultural processes, specifically manifested in the historical experience of Russia.

Keywords: «internal colonization»; colonialism; colony; historiography.

И.П. Карезина

История образования Русской Православной миссии в Пекине

В статье обрисован исторический контекст учреждения Русской Православной миссии в Пекине (кон. XVII – нач. XVIII в.), сопоставлены декларируемые цели и тайные ожидания русского правительства, касающиеся ее деятельности. Рассмотрение процесса образования Миссии вписано в контекст истории развития русско-китайских отношений и вызовов времени, перед которыми оказались обе державы в данный временной период.

Ключевые слова: Русская Православная миссия в Пекине; православие в Китае; русские миссионеры; русско-китайские отношения; албазинцы; Лифаньюань.

По официальной версии Русская Православная миссия, учрежденная российским правительством в Пекине в 1715 году, не преследовала цели христианизировать Китай. Она была создана для духовного окормления небольшой общины — потомков русских военнопленных, оказавшихся в Китае в результате военных действий 1860-х годов в Приамурье. Их принято называть албазинцами, однако А.Р. Артемьев на основании документов показал, что большую часть пленных взяли в других местах [4]. Они были включены в состав 17-й роты 4-го отряда желтого окаймленного знамени маньчжурского восьмизнаменного войска и поселены в северо-восточной части Пекина в переулке Хуцзяцзюань. Им выделили под часовню буддийскую кумирню, куда они поместили привезенную из Албазина икону св. Николая. Пекинцы именовали эту часовню Лоча-мяо, что можно перевести двояко: «Русский храм» или «Храм демонов» (*лоча* — китайская транскрипция санскр. *ракшас*, «демон»; так называли в то время русских жителей Приамурья). Когда известие о часовне дошло до митр. Тобольского Игнатия, он в 1695 году послал в Пекин священника Григория и дьякона Лаврентия, отправив с ними антиминс, святое миро и церковную утварь для освящения храма. Храм был освящен во имя Софии — Премудрости Божией, но сохранил за собой и название Никольской церкви. (В дальнейшем, в 1730 г., церковь была разрушена землетрясением до основания, но вскоре вновь построена и освящена 5 августа 1732 г. начальником 2-й миссии, архим. Антонием Платковским (†1746), в честь Успения Божией Матери [1: с. 248].) В этом храме на великой ектении возносилось прошение за китайского императора, членов его семьи и придворных. Однако это еще не была миссия как таковая. Собственно, для «духовного окормления русских военнопленных» достигнутого было вполне достаточно, и если преследовать

лишь такую цель, то на этом можно было бы и остановиться. Но Петр I не желал останавливаться.

В 1698 году Андрей Андреевич Виниус, думный дьяк, сообщил Петру I о двадцати новокрестившихся в Пекине, а также об указе китайских властей «к Сибирскому архиерею, чтобы, сыскав удобных свя[щенников] ученых мужей для проповеди туда и крещения послал...» [10: с. 694]. В ответ последовали такие распоряжения Петра: «И то дело зело изрядно; только для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, а также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там подобает попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы через некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епани» [10: с. 253–254] (здесь имеется в виду изгнание миссионеров из Японии в 1639 г. — *И.К.*).

Опасения Петра вызвать гнев местных начальников комментариев не требует, а на упоминании об иезуитах следует остановиться отдельно. С одной стороны, Петр был хорошо информирован о влиянии иезуитов при Цинском дворе, но с другой — у него сложились несколько искаженные представления об их предпочтениях: иезуиты всячески желали наладить хорошие контакты с русскими. Однако осуществлению этих планов препятствовал целый ряд политических обстоятельств. Русский царский двор в основном получал информацию о положении дел при цинском дворе от послов, возвращавшихся из Китая.

Первое добравшееся до Пекина посольство Ивана Петлина (1618) провело взаперти на посольском дворе всего четыре дня и вынуждено было вернуться на родину ни с чем, так как не имело при себе подарков, без которых невозможно было получить аудиенцию императора.

Следующее русское посольство, возглавляемое Федором Исаковичем Байковым, прибыло в Пекин 3 марта 1655 года. Однако, несмотря на подарки для императора и пышную свиту, и на этот раз посольству пришлось удалиться ни с чем в сентябре того же года. Одной из причин неудачи миссии было незнание членами посольства маньчжурского или китайского языка. Переговоры велись через двойной перевод: сначала на монгольский, а затем на русский [12: с. 20]. Но главной проблемой явились требования китайского церемониала, по которым посол должен был совершить ритуальное троекратное поклонение императору — *коу тоу*. Католические миссионеры исполняли этот ритуал, понимая, что он имеет не религиозный, а чисто гражданский характер. В случае с русским послом все обстояло иначе: он усматривал в этом акте нарушение заповеди «Господу Богу поклоняйся и Ему одному служи». Поэтому Байков наотрез отказался исполнить это требование, чем настроил против себя весь двор. Ситуация осложнялась тем, что посланный Байковым для извещения о прибытии посольства тобольский татарский голова Петр Ярышкин сам сказался послом и выполнил церемонию. Поэтому Байкова упрекали следующим образом: «От вашего де великого государя приезжал прежде тебя

посол Петр Ярыжкин, а сказывался тот посол Петр Ярыжкин у своего великаго государя первой человек, да и тот де повеление все творил нашева царя...» [12: с. 33]. К тому же 17 июля 1655 года, во время пребывания Байкова в Пекине, туда же прибыло голландское посольство во главе с Джоном Ньюхофом (*John Nieuhof*). Голландцы были согласны выполнить все необходимые формальности, поэтому симпатии двора были на их стороне. Что же касается пребывавших тогда в Пекине четырех иезуитов, то их предпочтения были на стороне русского посольства. Нидерланды к тому времени были протестантской страной и, кроме того, их мощь как морской державы неуклонно росла. Поэтому иезуиты всячески содействовали русским и стремились чинить препятствия голландцам, преследуя при этом двоякую цель: с одной стороны, не допустить на территорию Китая протестантских проповедников, с другой — оказав услугу русскому государю, добиться от него в дальнейшем позволения на сухопутный проезд в Китай по территории России. Поэтому отцы «решили не оставлять никакого средства неиспользованным» [6: с.133]. В то время как Адам Шалль (*Adam Schall*) и Жан Валеа (*Jean Valleet*) убеждали императора Шуньчжи в воинственности голландцев и лояльности москвитян, португальские отцы Людовик Булио (*Ludovico Buglio*) и Габриэль де Магальяэш (*Gabriel de Magalhães*) пытались подкупить китайских чиновников. Однако все эти старания не увенчались успехом, так как голландцы начали использовать подкуп еще в Кантоне, и подкупленные по пути следования китайские чиновники подкупали, в свою очередь, столичных, которые и без того были настроены против русского посольства в связи с церемониальным вопросом. В конце концов Байков, пробыв в Пекине несколько месяцев, был вынужден отправиться на родину ни с чем. О его беспокойстве по поводу провала посольства свидетельствует тот факт, что он взял у представителя голландского посольства письмо, подтверждающее его пребывание в Пекине, чтобы смягчить гнев царя Алексея Михайловича.

Новое русское посольство было организовано и тщательно подготовлено в 1675 году. Во главе его был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. Однако и у этого посольства возникли непреодолимые трудности с переводом, и после многократных попыток найти общий язык цинские чиновники приставили к посольству в качестве переводчика иезуита Фердинанда Вербиста (*Ferdinand Verbiest*). Хорошо зная китайский, он мог общаться со Спафарием на латыни, что значительно облегчило переговоры. Но проблема китайских церемоний опять оказалась непреодолимой. Помимо *коу-тоу*, русские послы отказывались исполнять церемонию вручения подарков в том виде, в котором она существовала веками, ибо она соответствовала даннической концепции Китая по отношению к соседним государствам, считавшимся варварскими. Сопровождавшие посольские дары грамоты не столько переводились, сколько переписывались таким образом, что подаркам придавалось значение дани китайскому императору. Спафарий

не мог на это пойти и стал настаивать на изменении церемонии. Он требовал, чтобы грамоту его государя приняли с надлежащими почестями, как послание могущественного властителя. Наконец, была специально разработана церемония с компромиссами с обеих сторон. Спафарий выполнил *kou-tou*, а император в это время был закрыт экраном. Письма и подарки русского посольства были приняты с демонстрацией почтительности, ответные дары Спафарий принимал стоя. С помощью Вербиста, который имел большое влияние на императора Кан-си, позднее состоялась даже частная аудиенция с императором, однако тот отказался писать русскому царю по форме, на которой настаивали Спафарий и Вербист, так что послание русского царя так и осталось без ответа. Распродав привезенные товары по довольно низкой цене, посольство 1 сентября 1676 года покинуло Пекин.

Во время пребывания Спафария в Пекине Вербист всячески выказывал лояльность и почтение русскому императору и сообщал его послу много ценной информации, включая военную: он предупредил Спафария о планах маньчжур завоевать крепости Албазин и Нерчинск. Впоследствии это подтвердилось самым печальным образом, когда Албазин был захвачен и Россия потеряла Приамурье. Тогда почему же Петр испытывал по отношению к пекинским иезуитам недоверие и опасения? Похоже, что послы, возвращаясь на родину после неудачных миссий и опасаясь гнева государя, были склонны объяснять свой провал в том числе и «кознями иезуитов». Кроме того, при дворе русского государя голландцы были в большом фаворе, что затрудняло иезуитам снискать доверие царя. Существовало, по всей вероятности, и такое опасение, что во время путешествия по России — а ведь путь пролегал через огромные территории — иезуиты будут заниматься шпионажем в пользу Китая, собирая географическую, промышленную и фискальную информацию, чтобы снискать благоволение цинского двора. Так или иначе, Петр предпочел действовать осмотрительно.

Анализируя действия русских послов при китайском дворе, необходимо учитывать специфику нужд Российского государства в сравнении и с чаяниями других западных держав и с условиями непосредственных соседей Китая в восточном регионе. Даннический взгляд китайского государства на международные отношения несколько не мешал контактам с Китаем представителям других государств и племен, так как на деле это не накладывало на «данников» никаких обязательств. Говоря современным языком, это была чисто пропагандистская схема для внутреннего использования. Посольства прибывали ко двору китайского императора с целью получить право торговли на территории Китая. Они традиционно сопровождались дарами, призванными знаменовать статус представляемого государства или племени. При этом представители посольств получали ответные дары, которые по ценности превосходили преподнесенные ими, исходя из представления, что более могущественный государь одаривает щедрее. Но главное — «данническое» государство получало разрешение торговать на территории Китая, что было, безусловно,

выгодно соседям могущественной империи, которые сами находились на более низкой ступени развития. При этом данническое государство не теряло своей независимости: туда не ставились китайские чиновники, отсюда не требовалось пополнения в китайскую армию и т. д. В свою очередь, Китай, не испытывая нужды в торговле с соседями, укреплял свои представления об императоре — Сыне Неба и могущественнейшем властителе мира. Что касается представителей стран Западной Европы, то они не стремились к установлению дипломатических отношений с Китаем; их целью была торговля и проповедь, поэтому и они легко принимали условия китайского двора.

В случае России дело обстояло совсем иначе. В середине XVII века миграционный поток русских поселенцев из центральных, северо-восточных районов России и из Сибири продвигался все далее на Восток к тихоокеанскому побережью и в бассейн реки Амур. Таким образом, разрастающиеся границы Российской империи вплотную подошли к границе Цинской империи, и возникла необходимость установления дипломатических контактов.

Посольству Спафария пришлось действовать в особо тяжелых условиях, так как эвенкийский князь Гантимур, живший на р. Наун (Нонни), в 1655 году принял российское подданство и в 1667 году со всем своим родом переселился в пределы Российской империи [12: с. 22]. Маньчжурское правительство называло его перебежчиком и не раз требовало от сибирских воевод вернуть его на территорию Маньчжурии, в чем неизменно получало отказ. Нарастал территориальный конфликт, поэтому традиционные воззрения Китая на своих соседей как на представителей диких народов никак не могли удовлетворять целям российского правительства, стремящегося к установлению равноправных дипломатических отношений. И хотя условия Нерчинского договора (1689) были навязаны России в результате военной агрессии со стороны маньчжурского правительства, он явился первым равноправным договором Китая с западным государством. Однако именно в силу несовершенства Нерчинского договора территориальные разногласия продолжали возникать снова и снова, делая очевидной обеим сторонам необходимость учреждения некоего дипломатического института. Но, как ясно из вышеизложенного, созданию такого института препятствовало расхождение на уровне парадигм в области международного права: концепция равноправных соседей, отстаиваемая Россией, и данническая концепция, лелеемая Китаем.

В этих условиях Миссия стала решением, удовлетворившим обе стороны. Учрежденная в 1715 году, она выполняла дипломатические функции вплоть до 1861 года, когда в Китае появилось русское посольство. Отмечается, что Миссия являлась единственным иностранным институтом в столице Китая до середины XIX века.

Следует задаться вопросом, каков был механизм создания компромисса. Российская сторона совершала активные действия, стремясь учредить свой институт на территории Китая. Китайская сторона на правах хозяина чинила

препятствия одним инициативам партнера и допускала другие. Поэтому целесообразно рассматривать, каковы были изначальные притязания российского престола, с одной стороны, и империи Цинов, с другой, и как те и другие трансформировали друг друга в условиях вызовов времени.

Первая миссия была официально учреждена в 1715 году [9], последняя — двадцатая — окончила свое существование в 1954 году в результате ликвидации ее советским правительством и передачи территории Миссии советскому посольству. Состав Миссии полностью менялся в среднем через десять лет. В него в основном входили:

- глава миссии в сане архимандрита;
- 1–3 (в разные годы) иеромонаха;
- 1–2 иеродиакона;
- причетники.

Помимо того, к Миссии прикомандировывались врач, пристав и несколько учеников. Последние занимались изучением китайского и маньчжурского языков, а также сбором сведений о малоизвестной тогда стране — географических, исторических, этнокультурных и пр.

Первая Миссия во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) была принята в Китае с особым вниманием и почетом. Главе Миссии было пожаловано звание мандарина 5-й степени, священнику и диакону — мандаринов 7-й степени, учеников причислили к сословию солдат. Каждому члену Миссии было выделено казенное жилье и назначено жалование, а через каждые три года выделялись средства на покупку платья. Таким образом, цинское правительство официально принимало членов Миссии к себе на службу. Правовая основа существования Миссии была регламентирована в 1727 году пунктом 5-м Кяхтинского договора. В 1858 году был составлен Тяньцзиньский трактат, по которому члены Миссии освобождались от государственной службы, а китайское правительство — от расходов, связанных с содержанием членов Миссии. С российской стороны действия членов Миссии определялись Инструкциями, составленными Коллегией иностранных дел и Синодом. Инструкция состояла из 11 пунктов и с некоторыми изменениями повторялась до начала XIX века.

В исторических архивах России содержится недостаточно сведений об отправке первой Миссии в Китай, и связано это в первую очередь с тем, что в то время еще не существовало центрального учреждения, ведавшего церковными делами. Поэтому долгое время у историков даже не существовало единого мнения о дате прибытия Миссии в Пекин и дате кончины арх. Илариона. Только исследование петербургского востоковеда Т. Пан (2000 г.) позволило четко определить, что Миссия прибыла в Пекин 30 апреля 1715 года, а годом смерти возглавлявшего ее архимандрита следует считать 1717-й, возможно, 14 октября [9].

Как бы то ни было, арх. Иларион хорошо вел дела Миссии, устроил «правильное и стройное богослужение, чем привлекал в православную церковь не только албазинцев, но и других язычествующих жителей Пекина» [1: с. 73].

В Миссию ежемесячно приезжал представитель императора Кан-си справиться о здоровье начальника и о нуждах Миссии. Однако тяжелые условия жизни в Китае и раздоры между членами Миссии подорвали здоровье архимандрита. В 1717 году он скончался. В том же году Пекин покинули четверо причетников и иеродиакон, и таким образом, в Пекине остался лишь иеромонах Лаврентий, трое причетников и четверо учеников, которым и предстояло работать в Китае до прибытия 2-й Миссии. Помимо сложностей, возникших у оставшихся миссионеров, такое сокращение личного состава вызвало недовольство китайских властей. Недоразумение объяснялось тем, что, приняв членов Миссии на службу и распределив по тем или иным сословиям (манدارинов и солдат), цинское правительство воспринимало их как своих подданных. Впоследствии пунктом 5 Кяхтинского договора (1727) было специально оговорено, что члены Миссии не имеют права покидать Пекин или приезжать туда раньше срока. Уже 2-я Миссия, во главе с арх. Антонием Платковским, добилась отмены практики ранжирования членов Миссии по китайским сословиям. В 1737 году Агент лоренц Ланг договорился с китайской стороной, чтобы членам Миссии не давали никаких чинов и признавали их только служащими Лифаньюаня — китайского министерства иностранных дел [3]. Но вопрос свободного въезда в Пекин и отъезда из него решил лишь Тяньцзиньский договор 1858 года.

Мы начали с утверждения, что Миссия не имела цели христианизировать Китай — такова была официальная версия. В отечественной научной литературе из издания в издание кочует мнение, что якобы миссионерские притязания Российской империи в Пекине были скромны и ограничивались окормлением небольшой общины русских военнопленных. Действительно, миссионеры не распространяли проповедь за пределы русской общины, и даже внутри нее справлялись с задачей поддержания христианства довольно плохо. Однако это было вызвано не отсутствием стремления российского правительства христианизировать Китай, а условиями жесткой антихристианской политики, проводимой Цинами.

Об изначальных миссионерских планах России в отношении Китая недвусмысленно свидетельствует указ Петра I от 18 июня 1700 года, в котором, в частности, говорится: «А для утверждения и приумножения в православную христианскую веру и проповеди святого евангелия в тех идолопоклонных народах (имеются в виду китайцы. — *И.К.*), так же для приведения ясачных народов в веру христианскую и святое крещение... великий государь... указал писать к киевскому митрополиту, чтоб он... искал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков доброго и ученаго и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы божиею помощию исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго бога» [11: с. 50]. Предполагалось также выбрать двух-трех молодых иноков, чтобы те овладели китайским и монгольским языками и, живя

в Китае, осуществляли там богослужения и проповедь, «чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести к тому святому делу (курсив мой. — И.К.) и к российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных» [11: с. 52].

Как видим, миссионерские планы Российской империи простирались куда дальше окормления небольшой группы православных воинов в Пекине. Однако зачем это было нужно Петру, если известно, что его вряд ли можно назвать равноапостольным или даже просто благочестивым царем? Приведенный документ разрешает это недоумение, ясно демонстрируя, что миссионерское рвение Петра объясняется экономическими, коммерческими интересами.

Изначально функции христианизации Китая были возложены на Тобольскую кафедру. Когда же в Пекине удалось учредить Российскую православную духовную миссию, Петр, воодушевленный успехом, предпринимает попытку основать там епископию, что повысило бы статус Миссии и позволило бы рукополагать духовенство из числа местного населения. По сообщению члена IV миссии иеромонаха Феодосия (Сморжевского) и начальника VIII миссии архимандрита Софрония (Грибовского), вернувшийся из Пекина иерод. Филимон распространил молву, что император Кан-си готов принять крещение в Греко-Российской церкви [2: с. 77]. Разумеется, эти сведения были далеки от действительности. Император Кан-си благоволил к христианам, в 1692 году издал указ о терпимости к христианству, несколько женщин из императорской фамилии были крещены. Но Кан-си имел более тесный контакт с католическими миссионерами, и указанные крещения состоялись по латинскому обряду. К тому же время не стояло на месте, и в начале XVIII века отношения китайского двора и Ватикана резко обострились из-за «спора о ритуалах», достигнув наивысшего накала к 1720 году [8]. Может быть, выводы иерод. Филимона были основаны на рассуждении, что, поссорившись с католиками, Кан-си обратится к Православной церкви.

Существует и другая версия касательно причин совершенной попытки. А.В. Ломанов считает, что она была основана скорее на слухах «об успехах иезуитов, якобы уже уговоривших императора Кан-си принять крещение по католическому обряду» [7: с. 333], и имела целью своевременно упрочить позиции православия на территории Китая.

Не исключено также, что сыграл свою роль фигурализм, присущий христианскому сознанию. Миссионеры, крестя влиятельных мужчин и женщин в далеких странах, часто давали им при крещении имена Константин и Елена — в память императора Константина, сделавшего христианство официальной религией Римской империи, и его матери. Активно покровительствуя христианству на протяжении своего правления, Константин сам принял крещение лишь незадолго до смерти. Вполне вероятно, что такого же деяния ожидали и от императора Кан-си.

Наиболее подробное описание усилий по учреждению пекинской епископии содержится в «Краткой истории Русской православной миссии в Китае»

архимандрита Авраамия (Часовникова) (1864–1918)¹. При подборе кандидатуры епископа выбор пал на о. Иннокентия, закончившего Киевскую духовную академию и в числе других монашествующих вызванного для пополнения только что основанной тогда Невской лавры. Здесь он вскоре был назначен флотским обер-иеромонахом. 14 февраля 1721 года новоучрежденный Св. Синод запрашивал государя, посвятить ли иером. Иннокентия архиереем Иркутским и Нерчинским и отделить ли от сибирской епархии. Петр не решился на такой шаг: «В архиереи посвятить, но лучше б без титула городов, понеже сии города порубежные к Хине, чтобы иезуиты не перетолковали инако и бедства б не нанесли». 5 марта 1721 года иером. Иннокентий был хиротонисан во епископа с титулованием Переяславльского. 19 апреля того же года святитель выехал из Петербурга. Св. Синод сопроводил его инструкцией скрывать на территории Китая свой архиерейский сан, а в случае возникновения вопросов говорить, что лишь уполномочен рукополагать во священники в случае смерти кого-либо из находящихся в составе Миссии [7]. 2 сентября 1722 года епископ добрался до Иркутска, откуда немедленно было послано письмо с испрошением дозволения китайских властей следовать дальше. Однако пограничные власти мешкали с передачей письма в Пекин. Вследствие этого русский торговый агент Ланг, который 17 июля 1722 года должен был покинуть Пекин, возвратился в Селенгинск, где в это время находился еп. Иннокентий, не привезя с собой ответа насчет перемены Русской духовной миссии. Вместо этого Пекин прислал грамоту, в которой говорилось, что, пока монгольские беглецы не будут разысканы и выданы Китаю, о приеме епископа Иннокентия не может быть и речи. Вопрос о «перебежчиках» постоянно становился причиной трений между двумя государствами, являясь, в свою очередь, следствием несовершенства Нерчинского договора и отсутствия четко регламентированных международных отношений.

В декабре 1722 года скончался император Кан-си, и в начале 1723 года на престол вступает его наследник — 45-летний Юн-чжэн. В отличие от отца, Юн-чжэн относился к христианству резко отрицательно, и в стране начались преследования христиан. Однако по поводу Российской православной миссии он отправляет в Селенгинск посольство, желая использовать этот вопрос в качестве разменной карты в споре о перебежчиках. В донесении Св. Синоду от 14 августа 1724 года еп. Иннокентий сообщает, что агент Ланг «довольно изволил говорить о том, дабы приняли мене в Пекин... и что духовное дело к беглецам не надлежит» [5: с. 29]. Но договоренность вновь не была достигнута.

28 января 1725 году скончался император Петр I. Извещая все иностранные державы об этом событии, императрица Екатерина I повелела агенту

¹ Зачислен в состав 18-й миссии указом № 2970 Св. Синода от 15 июня 1898 г. Составлением «Краткой истории...» занимался в последний период жизни по поручению главы Миссии архим. Иннокентия (Фигуровского), восстанавливая документы, уничтоженные в 1900 г. В наст. вр. его очерк опубл. в сб.: Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. М. – СПб., 2006.

Лангу уведомить о том и китайский двор, с обещанием в скорейшем времени отправить в Пекин полномочного министра для принесения новому императору поздравления в связи с восшествием на престол. В 1725 году с этой миссией был отправлен в Китай гр. Савва Владиславович Рагузинский. 4 августа Св. Синод дал следующее определение: «Ежели препятствия никакого со стороны китайской не воспоследует, со оным графом ехать туда обретающемуся в Сибирской губернии, и Иркутском монастыре, Иннокентию, епископу переславскому. А ежели св. архиерея туда не допустят, то ехать с ним, графом, онаго Иркутскаго монастыря архимандриту Антонию Платковскому» [5: с. 30]. В Китай был пропущен только Рагузинский, и лишь там вопрос решился окончательно в пользу присылки в Миссию Антония (Платковского). Отказ принять еп. Иннокентия объяснялся именно его высоким саном: «...архимандрит и священники в Пекин приняты будут, а епископ никогда не допустится» [5: с. 31].

Еп. Иннокентий остался в Иркутске управлять епархией, скончался 26 ноября 1731 года. 28 октября 1808 года его мощи были обретены нетленными. Он прославлен в лике святых и считается небесным покровителем Православной миссии в Китае [5: с. 31].

Подведем итоги. Данное исследование позволяет скорректировать расхожее представление, что якобы русское правительство не имело планов христианизации Китая и учредило Российскую Православную миссию в Пекине лишь для окормления группы русских военнопленных. О миссионерских планах Петра I говорят не только изложенные им в указе от 1700 года соображения, но и ряд активных действий, предпринятых с целью учредить на китайской территории православную епископию. Однако Петром двигали не столько благочестивые намерения принести народу Китая слово божие, сколько соображения коммерческого порядка, а также дипломатический тупик, в котором оказались оба государства в условиях обострения пограничного вопроса. Последнее обстоятельство вынудило цинское правительство пойти на небывалые для Китая нововведения в области международных отношений — сначала по настоянию русского посла Милеску Спафария был изменен ритуал приема посольства иностранного государства, затем заключен Нерчинский договор, явившийся для Китая первым равноправным международным договором, и, наконец, образована Русская Православная миссия в Пекине, долгое время остававшаяся единственным иностранным учреждением на территории Цинской империи. Однако, будучи заинтересовано в Миссии как дипломатическом канале, цинское правительство было против распространения христианской проповеди в Китае и по этой причине не допустило установления на территории Поднебесной православной епископии, которая могла бы послужить важным фактором распространения православия среди местного населения. Таким образом, первоначальные миссионерские планы русского государя были блокированы маньчжурским правительством. Поэтому на протяжении долгого времени члены Миссии были вынуждены ограничить свою деятельность окормлением небольшой русской общины, службой в Лифаньюане и сбором сведений о стране своего пребывания.

Литература

1. *Адоратский Н.* Отец Иакинф Бичурин. Исторический этюд. Православный собеседник. Казань, 1886. № 2–6.
2. *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Магистр. дис. Странник. Казань, 1887 (апрель – май).
3. *Андреева С.Г.* Российская (Православная) Духовная Миссия в Пекине и ее роль в истории русско-китайских отношений (1715–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Деп. в ИНИОН РАН 18.06.2009, № 60754. М., 2001. 192 с.
4. *Артемьев А.Р.* О формировании русской православной диаспоры в Китае. ДВО РАН, Владивосток // URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/1-1-0-55>.
5. Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. М. – СПб.: Альянс – Архео, 2006. 217, [1] с.: [24] л. ил.
6. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. М: КРАФТ+ ИВ РАН, 2001. 256 с.
7. *Ломанов А.В.* Российская духовная миссия в Китае. Духовная жизнь Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М.: Восточная литература, 2007. С. 332–352.
8. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. С. 189–198.
9. *Пан Т.А.* Архимандрит Иларион (Лежайский) и первая Пекинская духовная миссия (1717–1729 гг.) // Исторический вестник. М.–В., 2002. № 2 (6). С. 196–202.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого: сб. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1887. 991 с.
11. Русско-китайские отношения в XVIII веке. 1700–1725. Материалы и документы. Т. 1. М., 1978. 704 с.
12. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.

References

1. *Adoratskij N.* Otecъ Iakinfъ Bichurin. Istoricheskiy e'tyud. Pravoslavny'j sobesednik. Kazan', 1886. № 2–6.
2. *Adoratskij N.* Pravoslavnaya missiya v Kitae za 200 let ee sushhestvovaniya. Magistr. dis. Strannik. Kazan', 1887 (aprel' – maj).
3. *Andreeva S.G.* Rossijskaya (Pravoslavnaya) Duxovnaya Missiya v Pekine i ee rol' v istorii russko-kitajskix otnoshenij (1715–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Dep. v INION RAN 18.06.2009, № 60754. M., 2001. 192 s.
4. *Artem'ev A.R.* O formirovanii russkoj pravoslavnoj diaspori' v Kitae. DVO RAN, Vladivostok // URL: <http://ostrog.ucoz.ru/publ/1-1-0-55>.
5. Bej-guan'. Kratkaya istoriya Rossijskoj duxovnoj missii v Kitae / Sost. B.G. Aleksandrov. M. – SPb.: Al'yans – Arxeo, 2006. 217, [1] s.: [24] l. il.
6. *Dubrovskaya D.V.* Missiya iezuitov v Kitae. M: KRAFT+ IV RAN, 2001. 256 s.
7. *Lomanov A.V.* Rossijskaya duxovnaya missiya v Kitae. Duxovnaya zhizn' Kitaya: e'nciklopediya: v 5 t. T. 2. M.: Vostochnaya literatura, 2007. S. 332–352.
8. *Lomanov A.V.* Xristianstvo i kitajskaya kul'tura. M.: Vostochnaya literatura, 2002. S. 189–198.
9. *Pan T.A.* Arximandrit Ilarion (Lezhajskij) i pervaya Pekinskaya duxovnaya missiya (1717–1729 gg.) // Istoricheskiy vestnik. M.–V., 2002. № 2 (6). S. 196–202.
10. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo: sb. T. 1. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. 991 s.

11. Russko-kitajskie otnosheniya v XVIII veke. 1700–1725. Materialy' i dokumenty'. T. 1. M., 1978. 704 s.
12. *Skachkov P.E.* Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya. M., 1977. 505 s.

I.P. Karežina

The History of Foundation of Russian Orthodox Mission in Beijing

In the article the author outlines the historical context of establishment of the Russian Orthodox mission in Beijing (the end of 17th – the beginning of the 18th century). The declared purposes and the secret expectations of the Russian government concerning its activity are compared. Consideration of process of formation of Mission is entered in a context of history of development of the Russian-Chinese relations and challenges of time, before which the two powers in a given time period appeared.

Keywords: Russian Orthodox mission in Beijing; orthodoxy in Beijing; Russian missionaries; Russian-Chinese relations; Albazins; Lifanyuan.

З.А. Алигаджиева

Пережитки домонотеистических верований в похоронной обрядности у аварцев-андалальцев¹

Статья посвящена исследованию пережитков домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев. Изучение так называемого «народного ислама», в котором причудливо переплелись в одну синкретическую религию остатки домонотеистических верований и мусульманские религиозные установления, представляет важный теоретический и практический интерес в плане воссоздания более полной картины духовной культуры этноса. Необходимость всестороннего изучения в наши дни того или иного этноса с учетом экологических, культурно-традиционных и этнокультурных факторов диктуется и объективными процессами: вымыванием, забвением отдельных элементов быта и духовной культуры под натиском процессов урбанизации, стандартизации и глобализации. Исследование традиционных религиозных верований, отражающих специфику духовной культуры отдельного этноса, в этой связи представляется актуальным и целесообразным, вытекающим из необходимости изучения закономерностей развития предшествовавших культурных форм в сравнении и во взаимосвязи с политическим и социально-экономическим состоянием современного общества.

Ключевые слова: аварцы; верования; обряды; ритуал; похороны.

Несмотря на более чем пятивековое исповедание аварцами-андалальцами ислама, а ранее и христианства, в их традиционном быту и культуре продолжали устойчиво сохраняться пережитки предшествовавших религиозных форм. Они органически вошли в идеологию и культуру практикуемого аварцами ислама, образовав синкретическую форму так называемого «бытового», или «народного» ислама.

Похоронные обряды наиболее консервативны из всех обрядов семейного цикла. У андалальцев похоронные обряды проводились в соответствии с мусульманскими религиозными установками. Поэтому основной задачей в связи с этим является выявление домонотеистического пласта.

По сведениям информаторов, наряду с реальными приметами, свидетельствующими о приближении смерти, широкое распространение в прошлом имели верования о том, что определенные сны предвещали близкую кончину

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

человека. Например, верили, что если во сне увидеть выпавший коренной зуб, голого человека, сырое мясо, белый материал, разрушенный угол или развалившуюся крышу своего дома, то в семье будет покойник.

В селах Кулла, Салта: если при трапезе еда выпадала изо рта, это считалось предвестием смерти. Для предотвращения зловещего знамения выпавшую еду кидали через левое плечо со словами: «Тушман хвайги!» («Пусть враг умрет!»)².

Нельзя было перешагивать через ноги лежащего человека — жизнь будет короткая. Если даже перешагнули, надо было три раза перешагнуть в обратную сторону (села Шангода, Чох). В селении Согратль существовала примета, что если мужчина пройдет между двух рядом стоящих женщин, то жизнь у него будет короткой (ПМА 1: тетр. 1, 2). В селении Шулани: если со скалы упадет камень — кто-то умрет (ПМА 2: Магомедова)³.

Имелись у андалальцев и свои представления о легкой и тяжелой смерти. Хорошей считалась смерть, когда человек не мучался, не находился долго в постели, не причинял неудобства близким, не был в тягость. И как это нередко бывало, тяжелая и легкая смерть ставились в прямую зависимость от качеств человека: грешника настигала трудная смерть, и, наоборот, благочестивый человек умирал легко и быстро.

Существовало также поверье, что умирающий скорее умрет, если родители его выйдут из комнаты. К умирающему ребенку, чтобы облегчить его страдания, подносили что-нибудь из его одежды.

Сразу же после смерти родные и близкие откладывали все дела и находились в доме покойного в течение всех похорон и поминок. В дом покойного на процедуру соболезнования приходили все односельчане, жители соседних сел. Один из родственников назначал молодых мужчин, пришедших на соболезнование, на рытье могилы.

В комнате, где лежал покойный, завешивали зеркало, зажигали светильник. Свет в комнате горел три дня и три ночи, то есть все то время, пока душа умершего, как считалось, находилась в доме.

Вскоре после смерти покойника обмывали, причем умершего мужчину обмывали только мужчины, а женщину — женщины. Женщины-обмывальщицы должны были быть «чистыми», поэтому это дело поручалось пожилым женщинам. Использованную воду выливали в укромное место, следя, чтобы она не попала на кожу человека. Для нанесения вреда эту воду давали пить своим недругам (села Чох, Ругуджа и др.: ПМА 1: тетр. 1, 2).

Существовало поверье, что если мыло, которым мыли покойника, дать в руки злобному, скандальному мужу, то он переменится в лучшую сторону

² Полевые материалы экспедиции автора в села Кулла, Салта, Шангода, Чох, Ругуджа, Шулани, Куяда, Салта, Кудали Гунибского района Республики Дагестан, май 2012 (тетради 1, 2). Далее — ПМА 1.

³ ПМА 2 — Полевые материалы экспедиции автора в Гунибский район Республики Дагестан, август 2012 года (информанты: А.А. Магомедова, 1952 г. р.; З.Р. Махмудова, 1944 г. р.; У.К. Магомедханова, 1939 г. р.).

(село Ругуджа). В селе Кулаб иголкой, которой зашивали саван покойного, прокалывали одежду ребенка, чтобы его не сглазили; иголку с оставшейся ниткой тайно бросали в стакан с алкогольным напитком и давали пить «пьющему», чтобы тот перестал пить (село Чох); оставшуюся нитку на иголке завязывали на руке ребенка, чтобы его не сглазили (село Шангода); такую иголку носили при себе мужчины, чтобы им во всем везло (село Хиндах) (ПМА 1: тетр. 1, 2).

Одежду, которая была на покойнике, стирали и хоронили, читая при этом молитвы (село Куяда); жгли (село Согратль); стирали и раздавали сиротам (село Шангода); одежду покойного отдавали человеку, которого при жизни ценил покойный (село Ругуджа) (ПМА 1: тетр. 1, 2).

После обмывания умершего заворачивали в саван (мусру) в несколько — от трех до девяти — слоев. Для савана обычно использовали бязь или даже ткань из волокон конопли.

У некоторых андалальцев (села Обох, Куяда) умерших юношу или девушку обряжали в нарядную одежду и украшения, что противоречит нормам ислама. Г.Ф. Чурсин писал об аварцах: «Если умирает невеста, недавно вышедшая замуж, ее хоронят в нарядной свадебной одежде со всеми украшениями, с какими она пришла в дом мужа...» [5: с. 33].

Тело следовало как можно скорее предать земле. Поспешность захоронения покойного объяснялась тем, что, по верованиям дагестанцев, земля якобы «плачет» по умершему человеку, а мертвый требует захоронить его в землю [2: с. 59].

Боязнь души или духа умершего, способного, в представлениях андалальцев, нанести вред живым или унести их души с собой, принято было объяснять также отношение живых к умершему, вообще ко всему мертвому. Особенно андалальцы опасались покойников, которые отличались при жизни алчностью и злостью, так как существовало убеждение, что душа такого человека непременно заберет души нескольких оставшихся родственников и соседей. Широко распространенным поверьем не только у андалальцев, но и у многих народов Кавказа было убеждение, что увидеть во сне умершего — дурная примета, означающая, что в семье кто-то должен умереть. Плохой приметой, особенно опасной для больных, считалось встретить похоронную процессию.

Не исключено, что некоторые обряды этого цикла были направлены против самой смерти, а не против покойного. Так, умершего обязательно выносили из дома и несли до кладбища вперед головой, чтобы «он не мог найти дорогу обратно», в противном случае в доме мог появиться новый покойник. Вслед покойнику в момент его выноса кидали камни, чтобы дух не потянул за собой еще одного члена семьи. Если женщине, несшей в кувшине воду, встречалась похоронная процессия, она выливали ее, считая оскверненной, непригодной к употреблению. Здесь следует указать на возможное влияние зороастрийской религии, где мертвое тело считалось оскверняющим все, ибо его нечистота является «делом демона», который в нем пребывает, и оттуда переходит в тех, кто к нему прикоснется.

Живучесть таких архаических представлений подтверждается материалом этнографов, свидетельствующих о том, что вплоть до Октябрьской революции в некоторых селениях Дагестана — Местерух, Мачада (авар.), Гигатли (чам.) больных людей переносили через горную речку на противоположную от селения сторону и оставляли там навсегда. К ним не подходили, а еду перебрасывали с другой стороны реки [3: с. 45].

С домотеистическими верованиями связаны и различные виды оплакивания умершего («магIу гъаби») — один из развитых институтов похоронной обрядности, бытовавший в Андалале в исследуемое время. Шариат запрещает оплакивание умершего, предписывая родственникам терпеливо переносить горе, ибо терпение считается высшей добродетелью ислама. Тем не менее неудобная мусульманским догматам традиция оплакивания в погребальном культе андалальцев была очень крепка. Оплакивали покойника женщины, которые в плачах восхваляли достоинства умершего и сожалели о том, что он так рано ушел из жизни.

Причитания и оплакивания нередко сопровождалась самоистязаниями. «Причитания горцев Дагестана, взятые в общем плане, — пишет З.З. Гаджиева, — вписываются в пласт фольклора многих народов единством вызвавшей их тематики — смертью человека, последней инстанцией проявления трагичности бытия. Дагестанские, в частности, аварские причитания и плачи близки к плачам многих народов тем, что они создаются в стихотворной форме, экспромтом» [4: с. 10]. Считалось большим позором, если покойный оставался не оплаканным. Близкие родственники покойного выбегали вслед выносившим тело с плачем, производя движения, которыми как бы хотели вернуть его в дом.

В некоторых селениях существовал обычай отрезания кос ближайшим родственницам. С.Ш. Гаджиева пишет по этому поводу следующее: «У аварцев-гигатлинцев жена, сестра, иногда и мать в этом случае целиком брили головы. Почти полностью состригали волосы жена, сестра и дочь и у аварцев села Кегер общества Андалал. Обряд снятия с головы волос здесь происходил на третий или четвертый день после похорон умершего, во время церемонии надевания черной траурной одежды и после раздачи односельчанам поминальной пищи. Как правило, стригли друг друга сами женщины, оставляя волосы лишь надо лбом. В селе Чох того же общества Андалал отрезала одну-две косы только вдова. В другом аварском обществе, Тлях, обряд бритья головы не распространялся на вдову, так как жену здесь рассматривали как “чужеродку”» [4: с. 295]. Хоронили умерших на общесельском кладбище, где были тухумные ряды. Если хоронили кого-либо из супругов, то рядом оставляли место для другого — «чтобы и на том свете вместе были». Чтобы обозначить границы могилы, также использовали почитаемые андалальцами белые камни, якобы наделенные магическими свойствами. В селах Ругуджа и Чох, начиная с каменной стелы, по гребню могильного холмика выкладывали каменную дорожку, вероятно, символизирующую прямую дорогу в рай.

Аналогично поступали и аварцы села Гочоб нынешнего Чародинского района (ПМА 3: Османова)⁴.

В селе Куяда после выноса покойника у порога ставили котел и жгли воск, так чтобы дым заходил в дом. Этот обряд назывался «мах бахизе» (создать запах). В этих же целях жарили курдюк (село Салта); на масле жарили толокно и дымом окуривали все комнаты дома (село Кегер). Первопричиной этого обычая была боязнь вредных духов, стремление обмануть их, дабы они не могли переместиться в окружающих, к чему добавлялось умилоствление духов предков, «находящихся» на пороге жилища (ПМА 1: тетр. 1, 2).

Поминки и раздача «садакья» могли проводиться в различные сроки. Это мог быть и следующий после похорон день, и третий, и первые семь дней. Кроме того, поминки устраивались на 40-й и на 52-й день — «в этот день у покойного мясо отделяется от костей, и поминки делают этот процесс менее болезненным для умершего». Местные доисламские элементы отразились в символике надмогильных памятников. В ряде селений (Чох, Куяда, Ругуджа и др.) нами были зафиксированы антропоморфные надмогильные памятники, эпиграфически относящиеся к XV–XX векам. Антропоморфность проявляется в подчеркнутом выделении в надмогильных памятниках физических признаков человека — «головы», «плеч», «рук». Известно, что ислам не поощряет изображения живого, но местная традиция оказалась сильнее (ПМА 1: тетр. 1, 2).

По мнению Г.Ф. Чурсина, устройство поминок или поминального пира должно было обеспечить умершего изрядными запасами пищи в загробном мире. Без поминок покойник был обречен на голод и лишения. Поэтому важно устроить подобающие поминки умершему [6: с. 167]. Возможно, это и умилоствительная жертва, чтобы добиться снисходительного отношения к покойному на том свете, рудимент языческих жертвоприношений. Так или иначе, необходимость жертвоприношения способствовала тому, что пожилые люди, не имевшие наследников или близких родственников, делали завещание по поводу устройства поминок. А не редко человек сам, еще при жизни, устраивал себе поминки, но делал это не лично, а поручал кому-либо, удаляясь при этом из села (что символически означало его уход в мир иной).

Весь комплекс обрядов похоронно-поминального цикла исследователи относят к отголоскам культа умерших и предков, то есть ранней форме религии. Культ предков связан с анимистическими представлениями о том, что после физической смерти человека его духовная субстанция (душа, дух) продолжает свое существование в загробном мире, откуда может оказывать влияние на жизнь и деятельность своих живых сородичей и потомков. Для того чтобы это воздействие было позитивным, живые должны были проявлять

⁴ ПМА 3 — Полевые материалы экспедиции автора в Чародинский район Республики Дагестан, июнь 2013 г. (информанты: А.П. Османова, 1938 г.р.; Х.Р. Магомедова, 1941 г.р.; С.К. Касумова, 1956 г.р.).

уважение к памяти предков и заботу об их духах, «кормить» их и т. д. В противном случае им следовало ожидать всяческих неприятностей от рассерженных голодных духов предков.

Необходимо отметить, что в культе предков мыслилась двусторонняя связь между живыми и мертвыми, которая заключалась в том, что живые в ответ на свои ритуальные действия ожидали получения помощи от мертвых предков в своих делах.

Таким образом, изложенный материал свидетельствует об устойчивости отдельных традиционных древних религиозных представлений андалальцев, проявлявшихся на фоне доминирующих в основном исламских похоронных обрядов [1: с. 96].

Литература

1. *Алигаджиева З.А.* Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. 2-е изд. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. 170 с.
2. *Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 266 с.
3. *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1980. С. 29–46.
4. *Гаджиева З.З.* Аварская элегическая лирика. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН им. Г. Цадасы, 1997. 189 с.
5. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
6. *Чурсин Г.Ф.* Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. 92 с.
7. *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии. Кавказа. Тифлис: типография К.П. Козловского, 1913. 189 с.

References

1. *Aligadzhieva Z.A.* Perezhitki domonoteisticheskix verovanij i obryadov u avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v. 2-e izd. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 2012. 170 s.
2. *Bulatov A.O.* Perezhitki domonoteisticheskix verovanij narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. Maxachkala: Dagkniгоizdat, 1990. 266 s.
3. *Gadzhiev G.A.* Perezhitki drevnix predstavlenij v poxoronno-pogrebal'ny'x obryadax lezgin // Semejny'j by't narodov Dagestana v XIX–XX vv. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 1980. S. 29–46.
4. *Gadzhieva Z.Z.* Avarskaya e'legicheskaya lirika. Maxachkala: IYaLI DNCz RAN im. G. Czadasy', 1997. 189 s.
5. *Gadzhieva S.Sh.* Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. M.: Nauka, 1985. 360 s.
6. *Chursin G.F.* Avary': E'tnograficheskij ocherk. 1928 g. / Nauch. red. R.I. Seferbekov. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 1995. 92 s.
7. *Chursin G.F.* Oчерki po e'tnologii. Kavkaza. Tiflis: tipografiya K.P. Kozlovskogo, 1913. 189 s.

Z.A. Aligadzhieva

The Remnants of Pre-monotheistic Beliefs in Funeral Rites at Avars-andalaltss

The article is devoted to the study of remnants of pre-monotheistic beliefs and practices at Avars-andalaltss. The study of the so-called "folk Islam", in which intricately intertwined in one syncretic religion the remains of pre-monotheistic beliefs and Muslim religious institutions presents a great theoretical and practical interest in terms of recreating more complete picture of the spiritual culture of the ethnic group. The need to fully explore in our days of one or another ethnic group with regard to ecological, cultural, traditional and ethno-cultural factors is dictated also by objective processes: washing away, by neglecting some elements of the life and spiritual culture under the pressure of processes of urbanization, standardization and globalization. The study of traditional religious beliefs, reflecting the specific character of spiritual culture of individual ethnic group, in this context seems to be topical and expedient, arising from the necessity of studying regularities of development of previous cultural forms in comparison and in relation to the political and socio-economic condition of modern society.

Keywords: Avars; beliefs; rites; ritual; funerals.

А.А. Первозников

Велосипед в среде столичных жителей: направления деятельности московских велосипедных организаций в конце XIX века

В статье рассмотрена деятельность крупнейших велосипедных организаций Москвы в 1880–1890-е годы. Рассматривается феномен увлеченности велосипедом в среде столичных жителей и роль велосипедных организаций в популяризации данного вида спорта. На основе архивных материалов выделяются различные направления деятельности велообществ, удовлетворявшие потребности различных категорий населения.

Ключевые слова: велосипедный спорт; спортивные общества и клубы.

Вторая половина и особенно конец XIX века характеризуются значительными преобразованиями в различных сферах жизни российского общества, в том числе и в культуре. Одним из интересных аспектов культурной жизни столичного города в этот период стало увлечение спортом, развивавшееся через систему общественных организаций. Наибольшей популярностью в Москве в конце XIX века пользовался велосипедный спорт. Его развитие во многом было связано с деятельностью многочисленных организаций, культивировавших данный вид спорта.

Первые сведения о велосипедах в Москве относятся к началу 1860-х годов. На «костотрясах» французского производства катались в приусадебных парках представители московской аристократии. За машинами иностранного изготовления появились и отечественные аналоги. Образец кустарного велосипеда был обнаружен в усадьбе графов Шереметевых и датируется приблизительно 1865 годом [3: с. 10].

Первые соревнования велосипедистов состоялись в июле 1883 года на ипподроме Московского общества охотников конского бега на Ходынском поле и в сентябре 1884 года на Царицыном лугу в Санкт-Петербурге. Среди участников первых гонок были и москвичи: Г. и Ф. Жемлички, И.И. Лерс, Ю. и Л. Блоки [3: с. 24].

Велосипед получил особую популярность в крупных промышленных городах, а бесспорными лидерами являлись Санкт-Петербург и Москва. Это объяснялось рядом факторов: развитие городской культуры, уровень благосостояния горожан, развитие велоиндустрии и контакты с иностранными гражданами.

Первые соревнования и увеличение числа любителей велосипеда в Москве способствовали созданию первых велосипедных организаций. В 1884 году был утвержден устав Московского общества велосипедистов-любителей —

первой в Москве и второй по счету в России корпорации, объединявшей людей, увлеченных велосипедом (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 27. Д. 47. Л. 6).

Спустя четыре года в Москве появился велосипедный клуб. В 1888 году был утвержден устав Московского клуба велосипедистов — старейшего велосипедного клуба России, первыми членами которого стали 13 его учредителей (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 28. Д. 319. Л. 4, 27, 31).

Третьим по времени возникновения и роли в московской велосипедной жизни стал Московский кружок велосипедной езды, основанный в марте 1895 года. К концу XIX века велосипедный спорт в Москве, помимо Московского клуба велосипедистов, Московского общества велосипедистов-любителей и Московский кружок велосипедной езды, развивали Московский клуб лыжников, клуб циклистов «Москва», кружок циклистов «Мюр и Мерилиз», общество велосипедистов-туристов и общество велосипедистов «Россия» [3; 7].

Уставы первых велообществ провозглашали сходные цели: «распространение употребления велосипеда, как удобного, приятного и практического способа (средства) передвижения, а также служить центром сближения для любителей этого вида спорта» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 27. Д. 47. Л. 6; Оп. 28. Д. 319. Л. 27). Деятельность данных обществ можно охарактеризовать по ряду направлений: организационное, досуговое и спортивное.

Организационное направление было связано с обсуждением и решением вопросов функционирования обществ и осуществлялось посредством проведения Общих и экстренных собраний действительных членов, а также заседаний старшин. Среди основных вопросов следует выделить следующие: выборы в действительные и почетные члены, вопросы, связанные с изменением устава и правил клуба, вопросы проведения гонок и материально-технического обеспечения. Так, на первом Общем собрании Московского клуба велосипедистов в июне 1888 года были выбраны председатель и члены совета клуба, в действительные члены были приняты 13 человек и были установлены членские взносы и штрафы [1: с. 9]. К концу года клуб насчитывал 48 членов, включая членов-соперников. В качестве «соперника» в 1888 году в клубе появилась первая женщина — Ксения Генриховна Польш [1: с. 12].

Общие собрания велосипедных организаций рассматривали также вопросы о недопущении к состязаниям и неприятии в члены клуба профессиональных спортсменов; о сезонных помещениях и плате за катание в манеже; об открытии летних станций. Важным вопросом являлось наличие разрешения на езду по городу, которое можно было получить при помощи спортивного общества.

Основу досугового направления деятельности составляли музыкально-вокальные и танцевальные вечера. Первый такой вечер в Московском клубе велосипедистов состоялся в 1892 году. Члены клуба отмечали важность этого направления: «семейные вечера стали чаще, и члены клуба, чаще входя в соприкосновение друг с другом, образовывали живую и дружескую семью» [1: с. 18]. Популярностью пользовались костюмированные вечера: в 1895 году подобный вечер в клубе собрал большое количество платной публики [1: с. 22].

Спортивная деятельность развивалась по разным направлениям. Московский клуб велосипедистов на протяжении всего периода существования приоритет отдавал совместным катаниям в манеже и на открытом воздухе. Военное ведомство разрешило клубу в зимнее время пользоваться городским манежем в воскресные и праздничные дни. Первое катание в манеже состоялось в октябре 1888 года. С 1894 года катания стали проходить под музыку. В зимнем сезоне 1894–1895 годов в 28 зимних катаниях принимало участие от 24 до 168 человек [1: с. 22].

Летом 1894 года совместные поездки привлекли 240 участников, а в 1895 году члены клуба совершили 51 совместную поездку при участии 646 человек. Первый приз за наибольшее число пройденных верст (3933,5) получил И.П. Росляков. Из дам первые места заняли М.А. Гессель (1145 верст) и О.К. Фишер (951 верста) [1: с. 23].

Помимо катаний, большое значение имела соревновательная деятельность. Московское общество велосипедистов-любителей и Московский кружок велосипедной езды предпочитали гонки на циклодромах (табл. 1–2), а московские «клубисты» сочетали шоссейные гонки с гонками в манеже [5–6]. В октябре 1888 года в манеже состоялась первая клубная гонка, в которой приняли участие 23 ездока. В апреле 1893 года в манеже была проведена 10-часовая Всероссийская гонка. В октябре 1894 года Общее собрание клуба постановило ассигновать свыше 1000 рублей для устройства в манеже деревянных возвышений-поворотов для проведения гонок. Благодаря поворотам клубу удалось дать спортивной Москве серию захватывающих состязаний между русскими и иностранными ездоками. Так, в зимнем сезоне 1895–1896 годов состоялись двухдневные состязания велосипедиста (М.Ф. Дзевочко) и лошади (американский ковбой Вильямс Каспер) [1: с. 24].

Таблица 1

Велосипедные гонки на московских циклодромах в 1897 году¹

Название циклодрома, принадлежность к спортивной организации	Кол-во гонок за сезон	Число участвовавших «ездоков»	Кол-во разыгранных призов	Кол-во наименований призов	Кол-во участников без призов
Ходынский (Московское Общество Велосипедистов-Любителей)	10	53	129	57	17
Сокольничий (Московский Кружок Велосипедной Езды)	7 ²	63 ³	104	44	23

¹ Таблицы составлены на основе анализа итогов московского сезона 1897 г. по изданию: Ежегодник для велосипедистов на 1898 г. / Под ред. В. Азова. М.: Высочайш. утверж. товарищ. скороп. А.А. Левинсон, 1898. С. 206–207.

² Из 7 гонок — 4 были проведены в вечернее время при электрическом освещении.

³ 63 ездока участвовали в 7 гонках 325 раз.

Таблица 2

Лучшие гонщики Ходынского циклодрома в 1897 году

Гонщик	Кол-во первых мест	Гонщик	Кол-во первых мест
Г.М. Вашкевич	6	П.А. Ильинский	3
С.И. Уточкин	5	П.М. Лисицын	3
А.К. Сопов	5	Г.П. Нешич	3
А.С. Бутылкин	3	В.Д. Сафонов	2
Э.Ф. Федотов	3	–	–

В июне 1893 года был впервые поднят вопрос об устройстве шоссейной гонки по маршруту Владимир – Москва. Так было положено начало серии «больших дорожных гонок», проведенных в 1894 и 1895 годы по маршрутам: Москва – Нижний Новгород, Тверь – Москва, Владимир – Москва, Петербург – Москва. «Эти гонки впервые поставили русских ездоков в конкуренцию с иностранцами. Во всех гонках наблюдалось “полное торжество члена клуба М.Ф. Дзевочко”» [1: с.23]. Рост популярности велосипеда нашел отражение и в увеличении численности московских велообществ (табл. 3–4).

Таблица 3

Динамика роста численного состава Московского клуба велосипедистов в конце 1880-х – середине 1890-х годов⁴

Год	1888	1892	1893	1894	1895
Количество членов	48	68	112	192	281

Таблица 4

Численный состав Московского клуба велосипедистов по состоянию на 1 октября 1895 года

Категория участников	Численность
Действительные члены	281
Кандидаты	17
Члены-соревнователи	53
Сезонные посетители	406

Конец XIX века Московский клуб велосипедистов встречал в качестве одной из крупнейших спортивных организаций России, смотревшей «в будущее с оптимизмом и верой». Однако, рассматривая спорт как успешный бизнес-проект, «клубисты», равно как и представители других велообществ, потерпели фиаско. Переход к денежным призам (отказ от принципов любительства в спорте), увлечение зрелищностью и доходностью, наряду со спадом в области велоиндустрии, стали причиной падения интереса к велосипедным организациям.

⁴ Таблицы составлены на основе анализа издания: X-летняя годовщина Московского клуба велосипедистов. 1888–1898. М.: Высочайше утв. т-во типо-литографии и торговли Владимир Чичерин в Москве. Марьяна Роща, собств. дом, 1898. 28 с.

Совершенно другого направления придерживалось общество велосипедистов «Россия», основанное в 1895 году. Целью общества являлось «развивать между любителями правильную и безвредную для здоровья езду на велосипедах, совершенно отстраняя своих членов от всякого вида быстрой езды» (ЦИАМ. Ф. Оп. 129. Д. 71. Л. 29).

Организаторами общества в основном являлись представители мира медицины (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 129. Д. 71. Л. 4–4 об.), а доктор медицины Ф.Ф. Фагонский возглавлял также общество велосипедистов-врачей в Москве! Организаторы общества считали, что умеренная езда на велосипеде необходима для укрепления здоровья и развития физической силы. Однако подчеркивали, что правильные и полезные физические упражнения должны исключать «вредные для здоровья стороны велосипедной езды в виде гонок, рекордов и т. п.» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 129. Д. 71. Л. 5). Общество подчеркивало важность занятий велосипедным спортом «в особенности для лиц, живущих постоянно в городе и лишенных возможности пользоваться более свежим загородным воздухом» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 129. Д. 71. Л. 5).

Деятельность общества велосипедистов «Россия» во многом отражала наметившуюся к концу XIX века тенденцию: велосипед стал рассматриваться как средство передвижения, укрепления здоровья и приятного времяпровождения. А вот интерес к соревновательной и зрелищной стороне велосипедного спорта стал заметно снижаться.

Таким образом, анализ деятельности велообществ Москвы в конце XIX века позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Москва, наряду с Санкт-Петербургом и Ригой, являлась крупнейшим велоцентром страны, что объяснялось, прежде всего, развитостью производства и торговли велосипедами, уровнем благосостояния горожан и их восприимчивостью к техническим новинкам.

Во-вторых, в Москве был широко представлен весь спектр велоорганизаций различной направленности. По направлениям деятельности можно выделить спортивное (шоссейные и трековые гонки), рекреативное (катания в манеже и по городу) и оздоровительное (велопрогулки и велотуризм). В большинстве случаев велообщества сочетали в своей деятельности различные направления.

В-третьих, важную роль в развитии велосипедного движения в Москве сыграла тесная связь велообществ с индустрией производства и продажи велосипедов. Гонки и зрелищные состязания велосипедистов часто устраивались на спонсорские деньги торговых и производственных предприятий.

Однако к началу XX века наметилось падение темпов развития велоиндустрии. Начинается эра автомобилизма и воздухоплавания. Благодаря техническому прогрессу велосипед уходит с арены зрелищности, становясь повседневным атрибутом жизни широких слоев населения. Эра велосипедного спорта как зрелища уходила в прошлое, а вместе с ней уходили и крупные велосипедные «корпорации». В начале XX века велосипедный спорт будет культивироваться в многопрофильных спортивных организациях, таких как Общество любителей лыжного спорта и Московский кружок конькобежцев и велосипедистов-любителей.

P.S.: Как отголосок прошлого звучит заметка в журнале «Русский спорт» за 1909 год: «Московский клуб велосипедистов, до сих пор не предпринимавший ничего для поднятия велосипедного спорта, наконец, решил устроить частное состязание, которое будет проходить на клубном треке» [4: с. 13].

Литература

1. X-летняя годовщина Московского клуба велосипедистов. 1888–1898. М.: Высочайше утв. т-во типо-литографии и торговли Владимир Чичерин в Москве. Марьяна Роша, собств. дом, 1898. 28 с.
2. Ежегодник для велосипедистов на 1898 г. / Под ред. В. Азова. М.: Высочайш. утверж. товарищ. скороп. А.А. Левинсон, 1898. 274 с.
3. Митяев А.А. Велосипед в дореволюционной России. СПб.: Русский антиквариат, 2008. 296 с.
4. Русский спорт. 1909. № 7.
5. Спутник велосипедиста / Издание И.А. Сеглина. М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и К^о, 1895. 122 с.
6. Спутник велосипедиста / Издание И.А. Сеглина. 2-е изд. М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и К^о, 1896. 126 с.
7. Спутник циклиста: Летний сезон 1899 г. / Сост. В. Квейт. М.: Изд. А.П. Волков, 1899. 188 с.

References

1. X-letnyaya godovshhina Moskovskogo kluba velosipedistov. 1888–1898. М.: Vy'sochajshе utv. t-vo tipo-litografii i trgovli Vladimir Chicherin v Moskve. Mar'ina Roshha, sobstv. dom, 1898. 28 s.
2. Ezhegodnik dlya velosipedistov na 1898 g. / Pod red. V. Azova. М.: Vy'sochajsh. utverzh. tovarishh. skorop. A.A. Levinson, 1898. 274 s.
3. Mityaev A.A. Velosiped v dorevolyucionnoj Rossii. SPb.: Russkij antikvariat, 2008. 296 s.
4. Russkij sport. 1909. № 7.
5. Sputnik velosipedista / Izdanie I.A. Seglina. М.: Tipo-litografiya O.I. Lashkevich i K^o, 1895. 122 s.
6. Sputnik velosipedista / Izdanie I.A. Seglina. 2-e izd. М.: Tipo-litografiya O.I. Lashkevich i K^o, 1896. 126 s.
7. Sputnik ciklista: Letnij sezon 1899 g. / Sost. Vl. Kvejt. М.: Izd. A.P. Volkov, 1899. 188 s.

A.A. Perevoznikov

Bicycle in the Milieu of Town-dwellers: the Directions of Activity of Moscow Bicycle Organizations at the End of XIXth Century

The activity of largest Moscow bicycle organizations in 1880–1890th has been considered in the article. The author considered the phenomenon of enthusiasm for bicycle in the milieu of town-dwellers and the role of bicycle organizations in popularization of this kind of sport. On the basis of the archival documents the author points out different directions of activity of cycle organizations, that satisfied needs of different levels of population.

Keywords: bicycle sport; sport societies and clubs.

И.В. Васин

Классический полис в системе греческих объединений V–IV вв. до н.э.

Главной проблемой статьи является выявление роли полиса в структуре греческих объединений V–IV вв. до н.э. Рассмотрение полиса как отдельного города-государства, с одной стороны, и как составной части того или иного греческого объединения, с другой, делает возможным объяснение причин зарождения греческих союзов. При изучении принципов организации греческих объединений особое внимание уделяется понятию *συντέλεια*.

Ключевые слова: классический полис; федерация; *συντέλεια*; симмахия; Афины; Спарта; Фивы.

Для понимания структурных особенностей и функционирования тех или иных эллинских объединений необходимо рассмотреть роль полиса как основной составной единицы греческих союзов. Не представляется возможным изучать целое без исследования его составных частей и наоборот. Только при условии комплексного изучения как федераций в целом, так и полисов, входящих в них, появляется возможность проследить взаимодействие федеративных институтов и полисов.

Существует множество определений, пытающихся отразить сущность феномена полиса [16: с. 18–19]. Согласно Хансену, «полис — это небольшая, крайне институционализируемая и самоуправляющаяся община граждан (*πολίται*), проживающих со своими женами и детьми в городском центре (*πόλις* или *ἄστυ*) и в принадлежащей ему округе (*χώρα* или *γῆ*) вместе с двумя другими категориями людей: свободными иностранцами (*ξένοι μέτοικοι*) и рабами» [27: р. 146]. И.Е. Суриков приходит к следующему определению: «Полис — это городская гражданская община, конституирующая себя в качестве государства» [16: с. 21]. Определение Хансена иллюстрирует дуалистическое устройство полиса. Городской центр, как правило, обнесенный стенами и находящийся на возвышенности (*ἄκρόπολις* или *πόλις*), и деревенская

область вокруг города (*χώρα* в своей совокупности и составляли город-государство эллинов. Но это все территориальные признаки полиса, самым же главным являлся гражданский коллектив. Следовательно, определение, данное И.Е. Суриковым, выглядит наиболее полным и одновременно кратким, отражая представление самих греков относительно сущности полисного устройства. Хотя дефиниция Хансена довольно подробна и обстоятельна, тем не менее она представляется громоздкой и не подчеркивает основу структуры полиса [27: р. 165]. основополагающую роль гражданина в полисе выделяли еще античные авторы. Фукидид высказывается о полисе следующим образом: «Полис — это люди, а не безлюдны стены и корабли» (Thuc. VII, 77, 7). Аристотель характеризует полис как «совокупность граждан» (Aristot. Pol. 3, 1274 b, 40: ...ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθος ἐστίν), природу которой составляет «некое множество» (Aristot. Pol. 2, 1261 a, 15: ...πλῆθος γὰρ τι τὴν φύσιν ἐστὶν ἢ πόλις). Итак, полис — это в первую очередь гражданский коллектив, а уже во вторую — политические институты и территориальные особенности.

К середине V в. до н.э. Спарта и Афины достигают наивысшей степени могущества и подчиняют себе большую часть эллинов как на Балканах, так и в Малой Азии. Спартанцы и афиняне обладали не только крупнейшими военными силами в Элладе, но и демографически во много раз превосходили все полисы Греции [8: с. 4; 16: с. 29]. Прочие полисы казались микрополитами на фоне Спарты и Афин и естественно попадали в сферу влияния одного из них. Однако далеко не все полисы охотно подчинялись этим гигантам. Так, продвигаясь на территорию Аркадии, Спарта встретила упорное сопротивление Тегеи, но в результате длительного противоборства в 550 г. до н.э. тегейцы были вынуждены заключить с Лакедемоном союзный договор и войти в Пелопоннесский союз (Paus. III, 3, 5–6; IV, 1, 6; 39, 3–5). Также Спарта использовала благоприятные моменты для выстраивания союзных отношений с соседями. Элида, пользуясь помощью спартанцев в войне против Пизы, охотно вошла в союз около 570 г. до н.э. (Paus. VI, 22, 2–4). После падения тирании и ввиду угрозы со стороны Аргоса Коринф вошел в союз добровольно около 525 г. до н.э. (Her. III, 48). Афинам в свою очередь было проще привлечь союзников в Делосскую симмахию, так как, являясь преемницей Эллинской лиги, она преследовала ту же цель — борьбу с Персидской империей. Когда же цементирующая Делосскую симмахию опасность со стороны персов ослабела, некоторые полисы задумались о выходе из союза как не целесообразного. Фасос, захотевший отделиться от союза, был разбит и возвращен в симмахию (Thuc. I, 100, 2; Diod. XI, 70, 1). Наксос и прочие члены союза при попытке отделиться также жестко карались Афинами (Thuc. I, 98, 4; 99, 1). Недоимки в уплате фороса, отказ от военной службы в союзе являлись основными причинами карательных операций афинян (Thuc. I, 99, 1).

Итак, Пелопоннесский и Афинский союзы строились на жестком доминировании полиса гегемона, где всяческое отклонение от союзных обязательств сурово каралось. На начальном этапе формирования симмахий многие полисы вступали в нее добровольно, но были и те, кто проявлял сопротивление.

Каковы же были механизмы взаимодействия полисов-союзников и полиса-гегемона внутри симмахии? Ответ на этот вопрос позволит понять причины прочности Пелопоннесского и Афинского союзов и увидеть их уязвимости.

В Афинском морском союзе каждый входивший в него полис был обязан платить так называемый фóрос (союзный взнос) денежными средствами, казнохранилищем которых служил Делос (Thuc. I, 96, 2). На Делосе регулярно проводились союзные собрания, в которых у каждого члена союза имелся один голос, в том числе и у самих афинян (Thuc. III, 10, 4; 11, 3). Интересно замечание Фукидида по поводу совещательного органа в Пелопоннесском союзе. Афинский историк устами Перикла укоряет Пелопоннесскую симмахию в том, что без созыва совещательного органа (βουλευτήριον) спартанцы не могут оперативно принимать решения и что Пелопоннесский союз обыкновенно ничего не доводит до конца вследствие равенства голосов (ἰσότητος) союзников и их разноплеменности (οὐχ ὁμόφυλοι) (Thuc. I, 141, 6). Из этого пассажа Фукидида вытекает несколько выводов. Во-первых, сами афиняне, вероятно, имели право оперативно решать поставленные задачи без созыва союзного собрания. Учитывая то, что в 454 г. до н.э. союзная казна из Делоса была перенесена в Афины (Diod. XII, 38, 2), значимость делосского союзного собрания значительно убавилась. В период же Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н.э.), во время созыва союзных собраний, множество голосов союзников попросту игнорировалось (Thuc. III, 10, 5). Во-вторых, если пелопоннесцам ставится в укор равенство голосов, то каким же образом распределялись голоса в самом Афинском союзе? Вероятно, на раннем этапе существования Делосской симмахии в союзном собрании голоса распределялись равномерно, и Афины гарантировали союзникам автономию [15: с. 277]. Но позже, когда афиняне ужесточили свою гегемонию над членами союза, соотношение голосов каким-то образом был изменено в пользу более крупных или верных союзников, голоса же прочих не учитывались. В речи митиленских послов имеется подтверждение высказанному предположению: «... афиняне находили более удобным захватывать дела (союзнические) в свои руки, чтобы достигнуть своего господства...»; «...они ссылались на нас (митиленцев) как на пользующихся равным с ними голосом...»; «...афиняне с помощью сильнейших союзников устремлялись прежде всего на слабейших...» (Thuc. III, 11, 2–3). Итак, афиняне выстраивали свою гегемонию, опираясь на сильнейших членов союза, при помощи которых подавляли более слабых членов симмахии. В качестве привилегии сильнейшим союзникам предоставлялась равная сила голоса с афинянами. Такое положение дел относится к 428 г. до н.э., т. е. к начальному этапу Пелопоннесской войны. Все союзники имели полную автономию (αὐτόνομος) в прямом смысле этого слова — каждый жил по собственным законам. Независимость союзников заканчивалась там, где начинались интересы афинян, а именно: уплата фóроса, служба в союзной армии и лояльность по отношению к афинянам. Афины поддерживали в союзных полисах демократическую форму правления (Thuc. III, 47, 2; VIII, 47, 2) для обеспечения их лояльности.

Пелопоннесский союз имел союзное собрание, которое созывалось только при определенных обстоятельствах военного характера (Thuc. I, 115. 4–5; Her. V, 74). В собрании сами спартиаты не участвовали, но следили за равномерным распределением голосов и обязались исполнять волю большинства (Thuc. I, 141, 6). Спарта не взымала дани с союзников, но наблюдала за тем, чтобы в союзных городах осуществлялась олигархическая форма правления [1] (Thuc. I, 19, 1; V, 81, 2; VI, 11, 6). Олигархи, поддерживаемые спартанцами, обеспечивали лояльность своих полисов по отношению к Пелопоннесскому союзу (Thuc. I, 24, 5; II, 65, 2; III, 27, 3; VIII, 48, 1). Союзники спартанцев могли независимо осуществлять внешнеполитические контакты (Her. V, 75; Thuc. I, 31, 1–2; III, 5, 2; V, 17, 2; Xen. Hell. V, 4, 36). Естественно предположить, что эти контакты не должны были быть направлены против спартанцев. Также все союзники Лакедемона были обязаны доставлять войска в союзную армию (Her. V, 74; Thuc. V, 60). Н.Ю. Старкова делит союзников Спарты на три группы: члены Пелопоннесского союза, союзные государства вне Пелопоннеса (Беотия, Фокида и др.) и колонии Коринфа (Амбракия, Левкас и Анакторий) [13: с.137–138]. Несмотря на кажущееся более свободное положение союзников Спарты, по сравнению с союзниками Афин, не стоит забывать, что каждый член Пелопоннесского союза приносил клятву спартанцам: «Следовать за лакедемонянами, куда бы они ни повели» [3. с. 420] — иначе говоря, во время военных кампаний подчиняться исключительно воле спартанцев. Пытающиеся выйти из состава симмахии военной силой принуждались к возвращению в состав союза. Таким образом, разгромив восставших тегей и аргосцев в конце 70-х годов V в. до н.э., спартанцы восстановили целостность союза (Her. IX, 35; Paus. III, 4, 7; VIII. 8, 6).

В итоге все полисы, как в Афинском, так и в Пелопоннесском союзе, были встроены в систему симмахии преимущественно как поставщики ресурсов в виде дани, военных контингентов или того и другого одновременно. Афинский союз в административном управлении (сборе фороса) продвинулся гораздо дальше Пелопоннесского союза, в котором вообще отсутствовала система союзного финансирования. В обоих союзах полис был автономен до тех пор, пока не нарушал интересов гегемона. Афины и Спарта не стремились объединить союзников в одно политическое целое, а отводили им роль военных и финансовых придатков собственного государства. Таким образом, граждане, как основной элемент полиса, не интегрировались с гегемоном в одно политическое тело, а продолжали образовывать самодостаточные государства, искусственно соединенные лишь силой полиса-предводителя.

В федеративных объединениях классической эпохи положение полисов в федерации выражается в синтелии (συντέλεια), следует более обстоятельно разобрать семантику существительного συντέλεια и его производных на базе имеющихся употреблений в нарративных источниках. Ниже представлены выявленные значения:

1. Принадлежность полиса или племени к союзу (Paus. II, 1, 2; III, 26, 8; IX, 23, 7; Strab. 5, 14);
2. Принадлежность полиса к другому полису (Paus. III, 21, 7; IV, 30, 2; VIII, 27, 4; IX, 23, 7; Thuc. II, 15, 2; IV, 76, 3; Plut. Lys. 8);
3. Вступление в союз (Paus. II, 8, 6; IV, 29, 7, 12; VI, 12, 9; VII, 7, 2, 15; VIII, 22, 1; 27, 12; 51, 1; X, 20, 1; Diod. XII, 41, 3; Xen. Hell. VII, 4, 12; Plut. Arat. 34, 5);
4. Совместный взнос, выплата дани (Paus. I, 42, 2; Strab. IV, 2, 1; VIII, 5, 4; 6, 14; XI, 9, 1; 10, 1; XVI, 2, 10; Diod. XI, 78, 4; XX, 37, 2; Plut. Arat. 54, 2; Isoc. XIV, 9);
5. Слияние в союз (Paus. VIII, 3; Diod. V, 80, 3; XI, 88, 6; XV, 59, 1).

Павсаний выражает слияние деревни Мефидрий с Мегалополем глаголом *συντελοῦσαν*, а сам Мегалополь называет Мегалопольским объединением (*τὸ Μεγαλοπολιτικὸν*) (Paus. VII, 12, 2) [25; 31]. Этот отрывок интересен тем, что обычно при описании объединения деревень в полис употребляется глагол *συνοικίζω* — основываю город, селюсь вместе, здесь же совершенно иной глагол *συντέλλω*, выражающий подчинение. При этом, повествуя о предпосылках основания Мегалополя, Павсаний употребляет глагол *συνοικίζω* (Paus. XXVII, 2.: *γνώμη μὲν τοιαύτη συνφκίζοντο οἱ Ἀρκάδες...*) и далее перечисляет ряд городов, слившихся в *τὸ Μεγαλοπολιτικὸν*. Видимо, существует разница между слиянием общин в один город (*συνοικία*) и слиянием деревни и полиса (*συντέλεια*). В первом случае соединяются равноправные и равно значимые общины и образуют полис, во втором же к полису присоединяется деревня (*κόμη*) или полис, исходя из семантики глагола *συντέλλω*, явно не на равноправных условиях слияния. Вероятно, прав Бакузен, придающий синтелии значение зависимости, признание власти [22: p. 328–230].

Что же показывает вышеуказанный семантический анализ слова *συντέλεια* и его производных для понимания сути взаимодействия полисов в федеративных объединениях? Синтелическая система федераций классической эпохи уходит своими корнями в синтелическую систему полисов как основополагающих структурных элементов любого эллинского союзного объединения. Пользуясь вышеуказанным анализом термина *συντέλεια*, возможно классифицировать синтелические системы на два вида: полисная синтелиа и племенная синтелиа. К полисной синтелии относятся все полисы, имеющие связь с областными поселениями, основанные на выплатах (вероятно не только финансовыми, но и людскими ресурсами) полису-предводителю. К подобным синтелическим системам относятся: Спарта, Афины, Фивы, Олинф, Мегалополь и прочие. Следует привести ряд свидетельств. Так, Павсаний замечает, что все прочие города, которые не были причислены к союзу «свободных лаконских городов» (Paus. III, 26, 8: *Ἐλευθερολακόνων*), находились под властью Спарты (Paus. III, 21, 7: *...συντελοῦσας ἴστω τις ἐς Σπάρτην*) и не являлись независимыми. Ликург, деля территорию Лаконии между перизеками и спартиатами, разделил земли, относящиеся к Спарте, на девять тысяч участков (Plut. Lys. 8: *...τὴν δὲ εἰς τὸ ἅστυ τὴν Σπάρτην συντελοῦσαν ἐνακισχιλίους*). Вероятно, речь

идет не о землях, принадлежащих Ἐλευθερολακῶνων, а о землях прочих лаконских общин, находящихся в собственности Лакедемона. В Афинах просматривается похожая картина. При синойкизме отдельных полисов и основании Афин Тесей принудил жителей отдельных селений иметь один афинский полис, так как они уже принадлежали только ему (Thuc. II, 15, 2: ...ἄπερ καὶ πρὸ τοῦ ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτη χρῆσθαι, ἢ ἀπάντων ἤδη ξυντελούντων), а не к ранее независимым городам, осуществившим синойкизм. Т. е. Тесей установил синтелическую связь с окружающими Афины поселениями. В Беотии также существовали подобные виды синтелической связи. В частности, Ларимна в древности была подчинена Опунту (Paus. IX, 23, 7: ...καὶ συνετέλει δὲ ἐς Ὀποῦντα ἢ Λάρυμνα τὸ ἀρχαῖον). В Фессалии поселение Киер и остальные местности, вплоть до Афамании, причислялись к Фессалиотиде (Strab. IX, 5, 14: ...καὶ Κίερος δ' εἰς αὐτὴν συντελεῖ καὶ τᾶλλα μέχρι τῆς Ἀθαμανίας). Обобщая вышеизложенные примеры, можно предположить, что в полисной среде синтелическое подчинение окрестных общин полису являлось нормой социального и политического существования города-государства. Слабые общины подчинялись полису и приписывались к нему, становясь его составной частью, некоей областью, теряющей политической суверенитет. В федеративных образованиях существовала идентичная полисная синтелическая система как между полисами и окружающими их поселениями, так и между главой объединения и ее членами. Рассматривая эволюцию Беотийского союза, можно проследить развитие синтелических связей Фив с союзными полисами. До Греко-персидских войн (500–449 гг. до н.э.) беотийские полисы условно делились на две категории: суверенные полисы с подчиненной областью (Феспии в синтелиии с Фиспой и Евтресисом, Орхомен с Гиеттом и Херонеей и т. п.) и все прочие селения, лишенные политических прав [8: с. 52]. В этот период фиванцы не пользовались доминирующим положением [22: р. 308], Беотия являлась не союзным государством, а союзом государств [8: с. 50]. Так, во время вторжения Ксеркса в Элладу далеко не все из беотийцев стали на сторону персов (Her. VIII. 50; Paus. IX, 32, 4), в то время как Фивы поддерживали царя. В результате персофильской политики Фивы поплатились тем, что потеряли весомую позицию в Беотийском союзе, и в 479 г. до н.э. лидерство над беотийцами взяла на себя Танагра [10: с. 77]. Тем не менее спустя некоторое время Фивы возвращают себе лидирующие позиции в Беотии и в 447 г. до н.э. сбрасывают с себя зависимость от Афин, победив афинян при Коронее (Thuc. I, 113) [23]. С принятием новой конституции в 446 г. до н.э. Беотия превращается в федеративное государство с пропорциональным представительством ведущих беотийских полисов. Фивы не получали явного преобладания, так как имели всего столько же голосов в союзном правительстве, сколько Феспии и Орхомен [9]. Таким образом, в середине V в. до н.э. Фивы не имели преобладающей роли в союзе и находились наравне с Феспиями и Орхоменом. На протяжении Пелопоннесской войны

(431–404 г. до н.э.) [21; 28; 29] и вплоть до 379 г. до н.э. такое положение сохранялось. В 379 г. до н.э. фиванцы во главе с Пелопидом и Эпаминондом изгнали спартанский гарнизон, поставленный Фебидом (Xen. Hell. V, 2, 25–36). Отразив несколько карательных походов спартанцев и разгромив лакедемонян в сражении при Левктрах в 371 г. до н.э., фиванцы начинают предпринимать попытки установить синтелические связи на все полисы Беотии. В 373 г. до н.э. фиванцы разрушили Платеи, территорию же присоединили к фиванской области (Xen. Hell. V, 3, 1; Paus. IX, 1, 8). Диодор сообщает, что некоторые граждане Платей вступили в сговор с беотийцами и обещали, что их город войдет в созданную фиванцами федерацию (Diod. XII, 41, 3: ...ἐπαγγελλόμενοι τὴν πόλιν ὑπὸ τὴν τῶν Θηβαίων τάξειν συντέλειαν). Когда же накануне Левторской битвы в Спарте собрались делегации противоборствующих сторон, Эпаминонд отказался подписывать мир от каждого беотийского города отдельно, желая присягнуть на заключение мира от имени всех беотийцев. Отказываясь подписать этот мир, Эпаминонд заявил: «Мы позволим беотийским городам приносить клятву каждому от своего имени только тогда, когда и вы позволите вашим перизкам приносить клятву от имени каждого отдельного их города» (Paus. IX, 13, 2). Это не просто красивый оборот речи, это требование признания синтелических связей Фив с остальными беотийцами, которые Эпаминонд сравнивает с синтелическими связями Спарты с прочими общинами Лаконии, населенными перизками. Из-за своей позиции Фивы были исключены из списка участников соглашения, требовавшего подписания договора с каждым полисом в отдельности. Диодор прямо заявляет, что Фивы были вычеркнуты из списка участников общего мирного договора, так как желали превратить всю Беотию в одну синтелию (Diod. XV, 50, 4: ...Θηβαῖοι γὰρ μόνοι, τὴν Βοιωτίαν ὑπὸ μίαν ἄγοντες συντέλειαν). Фиванцы настаивали, что все города Беотии должны вступить в федерацию под эгидой Фив (Diod. XV, 38, 3: ...τὴν Βοιωτίαν ἄλασαν ὑπὸ τὴν τῶν Θηβαίων συντέλειαν ταπτόντων). Из приведенных отрывков следует, что в первой пол. IV в. до н.э. Фивы стремились создать синтелическую систему в Беотии наподобие Спарты и Лаконии, Афин и Аттики [8: с. 40; 24: р. 126]. Но отличие фиванского положения от положения спартанцев и афинян в том, что Фивы имели дело с уже устоявшимися полисами, которые по своей значимости не уступали фиванцам, в то время как Спарта и Афины синтелировали общины гораздо слабее себя, не способные сопротивляться воле ведущего полиса. По этой причине фиванская синтелическая система вылилась в федеративную систему взаимодействия с членами Беотийского союза. Фивы были не в состоянии подавить Орхомен, Феспии, Тегею и ряд прочих полисов до такой степени, чтобы они окончательно синтелировались с фиванцами. Следовательно, фиванцы синтелировали эти полисы частично, давая им значительную часть автономии, что было невыносимо в Лаконии и Аттике. В чем же выражалась федеративная синтелия?

После 379 г. до н.э. в Беотийском союзе было учреждено народное собрание, созываемое в Фивах ἐκκλησία (Diod. XV, 78, 4). В нем могли принимать

участие все граждане союзных полисов, но на деле у фиванцев было больше возможности участвовать в нем, нежели у граждан прочих городов [7: с. 48]. Собрание утверждало договоры, решало вопросы о войне и мире, давало права проксении [7: с. 49]. Председательствовали в народном собрании беотархи (βοιωτάρχος), избираемые народным собранием (Paus. VII, 14, 6; IX, 1, 6; Diod. XV, 81, 2, 4). До 379 г. до н.э. Беотия делилась на одиннадцать частей, и из них каждая избирала одного беотарха (Hell. Oxiu. 11) [9]. С начала эпохи Эпаминонда наблюдается уже семь беотархов [7: с. 53], что говорит о сокращении избирательных округов, следовательно, об увеличении синтелированных с Фивами общин. Все же представительство в виде делегирования беотархов членами федерации было сохранено. Основные функции беотархов, избираемых на год, сводились к командованию союзными контингентами, ведению внешней политики, надзором за союзной чеканкой монет, опубликованием законов [7: с. 63]. Союзный совет — βουλή (Xen. Hell. 3, 5) ранее делился на четыре части и включал граждан определенного имущественного ценза (Hell. Oxiu. 11). С 379 г. до н.э. имущественный ценз был отменен, совет стал выполнять лишь судебную функцию (Xen. Hell. 3, 5). При всей кажущейся централизации власти в Фивах местные вопросы решались полисами при помощи народных собраний, архонтов и прочих магистратов местного значения [7: с. 53–54]. Отсюда следует, что элементы федерализма при существенном укреплении центральной власти в Фивах все же имели место быть.

Такая же ситуация наблюдалась и в прочих федерациях, основанных на полисной синтелии гегемона. Ранее упоминалось о правах ἔκτλησις и ἐπιταμία в Халкидском союзе, что говорит о еще более развитой синтелической системе Олинфа и членов союза. Ввиду этого не случайны опасения Аканфа и Аполлонии окончательно утратить автономию и отправка их послов за помощью в Спарту.

В Аркадском союзе был заложен тот же синтелический принцип построения федерации (Diod. XV, 59, 1) что и в Беотийском союзе. Крах Аркадского союза был обусловлен дуализмом и, как следствие, противоречиями между ведущими полисами. Полисная синтелия, федеративная или унитарная, была возможна при преобладании одного полиса, отклонение от этого принципа уничтожало полисную синтелию.

Итак, положение полисов в эллинских союзах V–IV в. до н.э. обуславливалось уровнем синтелических связей, установленных полисом-гегемоном с членами объединения. При сравнении спартанской и афинской синтелий с фиванской выявлены черты сходства и различия. Единым для Афин, Спарты и Фив было желание синтелировать окружающие их общины. Но если Спарте и Афинам ввиду слабости окружающих поселений удалось создать унитарную синтелию в виде Лаконии и Аттики, то Фивам пришлось выстраивать иные отношения с беотийцами. В Беотии существовало множество полисов, не уступающих Фивам в развитии, такие как Танагра, Феспии, Орхомен.

Поэтому при построении синтелической системы Фивы были вынуждены прибегать к компромиссу в виде федеративных отношений [22: р. 318]. Олинф пытался углубить синтелию с крупными союзными полисами путем предоставления прав *ἔκκτησις* и *ἐπιγαμία*. По сути, Беотийский союз и ему подобные объединения, такие как Аркадский и Акарнанский союзы, являлись теми же синтелиями спартанского и афинского образца, но федеративного свойства. Поэтому в эллинском языке нет специального термина со значением «федерация», так как для греков федеративные отношения являлись лишь вариантом синтелических связей, характерных для многих полисов Эллады. Семантика же существительного *συντέλεια* указывает на то, что синтелия в основе своей обозначала уплату союзного взноса, учреждение и вхождение в союз — то есть политическую интеграцию. Подобное значение сохранилось и в федерациях эллинистической эпохи, которые строились не на полисной, а на племенной синтелии.

Исходя из вышесказанного, не совсем корректно сравнение симмахий с федерациями. По природе своей они совершенно различны. Пелопоннеская и Афинская симмахии создавались уже сложившимися унитарными синтелиями, в то время как федерации — по сути те же синтелии, но с более широкими правами синтелированных общин. Беотийский, Аркадский, Халкидский союзы стоит сравнивать с Лаконией и Аттикой. Симмахии же выходят за рамки синтелических отношений и представляют собой сугубо военный союз без глубокой политической интеграции. Возможность создать собственную постоянную симмахию с противниками Спарты Беотийский союз упустил в 362 г. до н.э. после гибели Эпаминонда [19]. Эллинистические федерации тоже явились синтелическими объединениями, чье объединение напоминало не афинскую и спартанскую синтелию напоподобие Спарты, Афин и Фив, а скорее синойкизм равноправных деревень, только вместо деревень выступали полисы и племена.

Литература

1. Андреев Ю.В. Архаическая Спарта. Искусство и Политика. СПб.: Нестор-История, 2008. 342 с.
2. Геродот. История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М.: АСТ, 2006. 671 с.
3. Джеффри Л.-Г. Греция перед персидским вторжением // Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н.э. / Под ред. Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, Д.-М. Льюиса и М. Оствальда; пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А.А. Зайкова. М.: Ладомир, 2011. С. 417–440 (САН 2. Vol. IV).
4. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2000. Кн. XI–XIV. С. 170–239.
5. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / Сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского; с приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. М., 1958. 1909 с.
6. Ксенофонт. Греческая история / Пер. с древнегр. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 2000. 448 с.

7. *Кутергин В.Ф.* Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. Саранск: Изд-во Морд. Ун-та, 1991. 184 с.
8. *Лурье С.Я.* Беотийский союз. СПб. 1914. 215 с.
9. *Лурье С.Я.* Комментарий к Греческой истории Ксенофонта // Ксенофонт. Греческая история / Пер. С.Я. Лурье. СПб.: Алетей, 2000. С. 277–443.
10. *Можайский А.Ю.* Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: дис. ... канд. истор. наук. М., 2007. 231 с.
11. *Павсаний.* Описание Эллады. Репринт. воспроизв. изд. 1938 г. / Пер. С.П. Кондратьева; вступ. ст. Л. Маринович, Г. Кошеленко. Т. 1–2. М.: Ладомир, 1994. 956 с.
12. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / Пер. В.М. Смирин, Л.А. Фрейберг, М.Е. Сергеев, В.В. Петухова, Т.А. Миллер, К.П. Лампсако. Т. 1–2. М.: Наука, 1994. 1042 с.
13. *Старкова Н.Ю.* Изменение состава Пелопоннесского союза к началу Архидамовой войны // Ученые записки Казанского гос. университета. Т. 152, кн. 3, ч. 1. Казань, 2010. С. 136–142.
14. *Страбон.* География: в 17 кн. / Пер., вступ. ст. и комм. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 941 с.
15. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции: учеб. пособие. Н.Новгород: НГПИ им. Горького, 1991. 244 с.
16. *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 304 с.
17. *Фукидид.* История / Пер. Ф.Г.Мищенко и С.А. Жебелева. СПб.: Наука, 1999. 590 с.
18. *Хаммонд. Н.* История Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 703 с.
19. *Холод М.М.* Беотийское государство после победы Филиппа II при Херонее (338 г. до н. э.) // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999. С.50–56.
20. *Aristotle.* Aristotle's *Politica* / Ed. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1957 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0086.tlg035.perseus-grc1>.
21. *Bagnall N.* The Peloponnesian war: Athens, Sparta and the struggle for Greece. L.: Pimlico, 2004. XVIII, 318 p.
22. *Bakhuizen S.C.* Thebes and Boeotia in the Fourth Century B.C. // *Phoenix*. Vol. 48. № 4.1994. P. 307–330.
23. *Buck R.J.* The Athenian Domination of Boeotia // *Classical Philology* Vol. 65. № 4. 1970. P. 217–227.
24. *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League 432–371 B.C. Edmonton, Alberta, The University of Alberta Press, 1994. XX, 183 p.
25. *Bury J.B.* The Double City of Megalopolis // URL: <http://www.jstor.org/stable/623713>. The *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 18. 1898. P. 15–22.
26. *Diodorus Siculus.* Diodorus of Sicily in Twelve Volumes with an English Translation by C.H. Oldfather. Vol. 4–8. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. 1989. // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0060.tlg001.perseus-grc3>.
27. *Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A comparative study of thirty citi-state cultures: An investigation conducted by Copenhagen Polis Centre / Ed. by M.H. Hansen Copenhagen: Kgl. Danske vid. selskab, 2000. P. 141–187.
28. *Kagan D.* The Peloponnesian War. Harper Perennial, London, 2005. 511 p.

29. *Lazenby J.F.* The Peloponnesian War. A military study. London; New York: Routledge, 2004. XVII, 306 p.
30. *Plutarch.* Plutarch's Lives. with an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd. 1926 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg063.perseus-grc1>.
31. *Roy J.* The urban layout of Megalopolis in its civic and confederate context // British School at Athens Studies. Vol. 15. Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. 2007. P. 289–295.
32. *Strabo.* Geographica / Ed. A. Meineke, Leipzig: Teubner. 1877 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0099.tlg001.perseus-grc1>.
33. *Thucydides.* Historiae in two volumes. Oxford: Oxford University Press, 1942 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0003.tlg001.perseus-grc1>.
34. *Xenophon.* Xenophontis opera omnia. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1968) // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0032.tlg001.perseus-grc1>.

References

1. *Andreev Yu.V.* Arxaicheskaya Sparta. Iskusstvo i Politika. SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. 342 s.
2. *Herodotus.* Istoriya / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo. M.: AST, 2006. 671 s.
3. *Dzhefferi L.-G.* Greciya pered persidskim vtorzheniem // Persiya, Greciya i zapadnoe Sredizemnomor'e. Ok. 525–479 gg. do n.e'. / Pod red. Dzh. Bordme'na, N.-Dzh.-L. Xe'mmonda, D.-M. L'yuisa i M.Ostval'da; per. s angl., podgotov. teksta, predislovie, primechaniya A.A. Zajkova. M.: Lodomir, 2011. S. 417–440 (САН 2. Vol. IV).
4. *Diodor Sicilijskij.* Istoricheskaya biblioteka // Antologiya istochnikov po istorii, kul'ture i religii Drevnej Grecii / Pod red. V.I. Kuzishhina. SPb.: Aletejya, 2000. Kn. XI–XIV. s 170–239.
5. Drevnegrechsko-russkij slovar': v 2 t. / Sost. I.X. Dvoreczkij; pod red. S.I. Sobolevskogo; s prilozheniem grammatiki, sostavlennoj S.I. Sobolevskim. M., 1958. 1909 s.
6. *Ksenofont.* Grecheskaya istoriya / Per. s drevnegr. i komment. S.Ya. Lur'e. SPb.: Aleteja, 2000. 448 s.
7. *Kutergin V.F.* Beotijskij soyuz v 379–335 gg. do n.e'. Saransk: Izd-vo Mord. Un-ta, 1991. 184 s.
8. *Lur'e S.Ya.* Beotijskij soyuz. SPb, 1914. 215 s.
9. *Lur'e S.Ya.* Kommentarij k Grecheskoj Istorii Ksenofonta // Ksenofont. Grecheskaya istoriya / Per. S.Ya. Lur'e. SPb.: Aletejya, 2000. S. 277–443.
10. *Mozhajsckij A.Yu.* Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskij period: dis. ... kand. istor. nauk. M., 2007. 231 s.
11. *Pavsanij.* Opisanie E'llady'. Reprint. vosproizv. Izd. 1938 g. / Per. S.P. Kondrat'eva; vstup. st. L. Marinovich, G. Koshelenko. T. 1–2. M.: Lodomir, 1994. 956 s.
12. *Plutarx.* Sravnitel'ny'e zhizneopisaniya / Per. V.M. Smirina, L.A. Frejberg, M.E. Sergeenko, V.V. Petuxova, T.A. Miller, K.P. Lampsako. T. 1–2. M.: Nauka, 1994. 1042 s.
13. *Starkova N.Yu.* Izmenenie sostava Peloponnesskogo soyuza k nachalu Arxidamovoj vojny' // Ucheny'e zapiski Kazanskogo Gos. Universiteta. T. 152, kn. 3, ch. 1. Kazan', 2010. S. 136–142.
14. *Strabon.* Geografiya: v 17 kn. / Per., vstup. st. i komm. G.A. Stratanovskogo. M.: Lodomir, 1994. 941 s.

15. *Strogezckij V.M.* Polis i imperiya v klassicheskoj Grecii: ucheb. posobie. N.Novgorod: NGPI im. Gor'kogo, 1991. 244 s.
16. *Surikov I.E.* Polis, logos, kosmos: mir glazami e'llina. Kategorii drevnegrecheskoj kul'tury'. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniyu i Nauke, 2012. 304 s.
17. *Fukidid.* Istoriya / Per. F.G.Mishhenko i S.A. Zhebeleva. SPb.: Nauka, 1999. 590 s.
18. *Xammond. N.* Istoriya Drevnej Grecii / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: Centrpoligraf, 2008. 703 s.
19. *Xolod M.M.* Beotijskoe gosudarstvo posle pobedy' Filippa II pri Xeronee (338 g. do n.e'.) // Drevnie i srednevekovy'e civilizacii i varvarskij mir. Stavropol', 1999. S. 50–56.
20. *Aristotle.* Aristotle's *Politica* / Ed. W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1957 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0086.tlg035.perseus-grc1>.
21. *Bagnall N.* The Peloponnesian war: Athens, Sparta and the struggle for Greece. L.: Pimilco, 2004. XVIII, 318 p.
22. *Bakhuizen S.C.* Thebes and Boeotia in the Fourth Century B.C. // *Phoenix*. Vol. 48. № 4. 1994. P. 307–330.
23. *Buck R.J.* The Athenian Domination of Boeotia // *Classical Philology* Vol. 65. № 4. 1970. P. 217–227.
24. *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League 432–371 B.C. Edmonton, Alberta, The University of Alberta Press, 1994. XX, 183 p.
25. *Bury J.B.* The Double City of Megalopolis // URL: <http://www.jstor.org/stable/623713>. The *Journal of Hellenic Studies*. Vol. 18. 1898. P. 15–22.
26. *Diodorus Siculus.* Diodorus of Sicily in Twelve Volumes with an English Translation by C.H. Oldfather. Vol. 4–8. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. 1989. // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0060.tlg001.perseus-grc3>.
27. *Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A comparative study of thirty citi-state cultures: An investigation conducted by Copenhagen Polis Centre / Ed. by M.H. Hansen Copenhagen: Kgl. Danske vid. selskab, 2000. P. 141–187.
28. *Kagan D.* The Peloponnesian War. Harper Perennial, London, 2005. 511 p.
29. *Lazenby J.F.* The Peloponnesian War. A military study. London; New York: Routledge, 2004. XVII, 306 p.
30. *Plutarch.* Plutarch's Lives. with an English Translation by Bernadotte Perrin. Cambridge, MA. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd. 1926 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg063.perseus-grc1>.
31. *Roy J.* The urban layout of Megalopolis in its civic and confederate context // *British School at Athens Studies*. Vol. 15. Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. 2007. P. 289–295.
32. *Strabo.* Geographica / Ed. A. Meineke, Leipzig: Teubner. 1877 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0099.tlg001.perseus-grc1>.
33. *Thucydides.* *Historiae* in two volumes. Oxford: Oxford University Press, 1942 // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0003.tlg001.perseus-grc1>.
34. *Xenophon.* Xenophontis opera omnia. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1968) // URL: <http://data.perseus.org/texts/urn:cts:greekLit:tlg0032.tlg001.perseus-grc1>.

I.V. Vasin

**The Classical Polis in the System of Greek Unions
of the V–IV Centuries BC**

The main problem of the article is to identify the role of polis in the structure of the Greek associations of the V–IV centuries BC. Consideration of the polis as a separate city-state on the one hand, and as part of one or the other Greek association on the other hand, makes it possible to explain the reasons for the origin of the Greek unions. When studying the principles of organization of the Greek associations, special attention is given to the concept *συντέλεια*.

Keywords: classical polis; federation; *συντέλεια*; *symmachia*; Athens; Sparta; Thebes.

С.М. Крыкин

Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре

В древнем античном государстве Боспор сюжеты всадников были известны не только в каменной пластике, но и в керамическом производстве. Эти сюжеты связаны со вкусами и пожеланиями варварского компонента в составе населения Боспора — фракийцев, скифов и сарматов. Именно всадники с Боспора оказались иконографическими примерами для создания всадника на скале у с. Мадара в Болгарии.

Ключевые слова: Боспор; терракота; всадники; Мадара; образы.

Символ болгарской государственности Мадарский всадник был высечен на скале в раннесредневековую эпоху близ первой столицы балканских болгар Плиски вследствие слияния сразу нескольких древних этнокультурных традиций. Иранские Сасаниды практиковали изготовление конных царских фигур (и, надо полагать, и статуй) — об этом свидетельствуют памятники иранской торевтики раннесредневекового времени. Конные статуи царей сооружались в позднеантичную эпоху и на Боспоре — в начале I в. н.э. сармат Аспург создал там новую династию, продолжив дело угасшей полуфракийской династии Спартокидов. При этом не вызывает сомнений, что основатель балканской Болгарии сын Кубрата Аспарух носил несколько измененным то же царское имя иранской этимологии. Болгары вынужденно покинули (оставшиеся же подчинились созданному своими бывшими соседями савирами, такими же, как и они, «гуннами», Хазарскому каганату) Великую Булгарию с базовой территорией на Тамани (бывший «азиатский Боспор») и столицу на месте античной Фанагории. Античные боспориты героизировали своих усопших в облике всадников — многие десятки их каменных надгробий свидетельствуют о проникновении на северо-восток черноморского побережья архаической орфической традиции из Малой Азии, на которую наслоились и малоизвестные культовые представления сарматов, которые еще с III в. до н.э. осваивали степи всего Северного Причерноморья. Немногочисленные примитивные каменные рельефы «скифо-сарматского круга» воспроизводят и фигуры всадников, что означает наличие своего собственного понимания таких религиозных образов у варварских соседей, живших на побережье потомков греческих колонистов, в большинстве по происхождению с западного побережья Малой Азии (изредка из Эгейской Фракии — северного побережья Эгеиды). Болгары на территории бывшего Боспорского царства (на деле же усилиями белгородского исследователя Н.Н. Болгова история позднеантичного Боспора продлена еще минимум на два столетия после прихода на его земли гуннов, из числа которых выделились и (прото)болгарские племена) видели та-

кие изображения. Орда под началом Аспаруха проникла на восток Балканского полуострова, и там они увидели опять же рельефы всадников — загадочный фракийский Херос с позднеэллинистической эпохи воспринимался в облике галопирующего или статичного всадника в плаще (причем как в балканской Фракии, так и в малоазийской Вифинии). Святилища Фракийского всадника помимо фракийских земель во II–IV веках распространились по территориям размещения римских войск, укомплектованных многочисленными солдатами родом из римского Нижнего Подунавья, с Дунайского лимеса — два святилища даже выявлены возле Рима, где располагались лагеря преторианской гвардии. Реформы Адриана и его преемников привели к варваризации римских легионов (вслед за вспомогательными войсками *auxilia*), а при Септимию Севере даже преторианцев стали набирать вне Италии, и по иронии судьбы сборно-тренировочным центром их подготовки стал Нове — лагерь последнего элитного легиона, набранного при Нероне в Италии и названного потому Первым Италийским. И опять же на месте бывшего размещения как южных фракийцев, так и северных фракийцев-гетов. Спустя века, в XI веке, популярный христианский святой всадник (магистр конницы в армии Диоклетиана) Георгий иконографически уподобился Фракийскому всаднику, ритуально пригвозждая к земле змея, что потребовало необходимости объяснить сложившуюся культовую атрибутику. Болгары увидели вотивные таблички Фракийского всадника на Балканах — время их прихода совпадает с завершением процесса этнокультурной ассимиляции автохтонного фракийского населения. Результатом такого синтеза этнокультурных струй является даже ежегодное празднование 6 мая Дня св. Георгия в центре и на востоке Балкан с элементами древней культовой практики, внешне мало совместимыми с традициями классического христианства.

Но, что интересно, фракийцы проникли с Балкан на земли античного Боспорского царства не позднее середины V в. до н.э.: в 439 г. до н.э. оформилась у власти на Боспоре династия Спартокидов (хотя ее сарматские «продолжатели» при Аспурге гораздо чаще использовали фракийские «царские имена»), фракийские наемники тысячами служили Спартокидам (например, 2 тыс. фракийских пехотинцев-пельгастов в начале IV в. до н.э.), явно заключались династические браки правителей Боспора и фракийских царей Одрисского царства (позднее вспоминается пример с царевной Гипепирис, но в болгарской научной литературе предполагаются еще несколько имен), Митридат Евпатор по всему Северному Причерноморью использовал союзные (или наемные) отряды фракийцев (в Тире и Ольвии обнаружены надгробия их вождей-военачальников), римляне завезли на гарнизонную службу в полисы Северного Причерноморья целые вспомогательные части, набранные из фракийцев, или же римские легионные вексилляции имели в своем составе легионариев нижнедунайского (соответственно пусть даже частично, но фракийского) происхождения. И эти фракийцы несли с собой культовый образ всадника, что не могло не отразиться на некоторых особенностях культуры в первую очередь варваризированного Боспора.

Боспорское население со времени оформления у них государственности (не позднее 480 г. до н.э. оформившейся под властью эллинской династии Археанактидов) было смешанным: на востоке Крыма соседями греческих колонистов стали скифы, на Тамани — синды и меоты. Два столетия боспорские правители являлись царями (басилеями) только для варварского компонента населения, для эллинов же — верховными полисными магистратами-архонтами. Начало сарматизации в III в. до н.э. обозначило скоро и признание всеми единой монархической власти теперь уже без полисных условностей для потомков малоазийских колонистов. В конце II в. до н.э. фракизированная династия Спартокидов пала после восстания недовольных подданных («восстание Савмака») и вторжения с юга, из Понта под властью знаменитого врага Рима — Митридата VI Евпатора, экспедиционной армии Диофанта. Все Северное Причерноморье оказалось оккупировано силами Митридата: помимо Боспора и Херсонеса, о которых нарративных сведений и археологических материалов предостаточно, в Ольвии были идентифицированы захоронения фракийских, например, союзников (или наемников?) Митридата (см.: [13: с. 56–57]), а в Тире — кельтского (галатского?) знатного воина [5: с. 79–81, рис. 27; 6: с. 46–52]. В результате восстания в Херсонесе и на Боспоре в 63 г. до н.э., инспирированного жуткой сейсмокатастрофой с эпицентром близ нын. Анапы, Митридат Евпатор погиб. Сменивший его сын Фарнак после длительного позорного замирения с римлянами в 48 г. до н.э. высадился на малоазийском побережье в Вифинии, но после первых успехов был громогласно повержен Цезарем в битве при Зеле. Вернувшись на Боспор, он был встречен очередным восстанием под руководством Асандра — сын Митридата, потомок одновременно Александра Македонского и Дария III Кодомана, пал в одном из сражений этой междоусобной войны. За руку его дочери Динамии боролись несколько претендентов на боспорский престол, сменяя друг друга, используя союз с Римом, но в первой декаде I в. н. э. загадочный сармат Аспург победил всех (и пергамского царя Митридата) и как бы возобновил давно пресекающуюся династию Спартокидов. С царями одрисско-сапейской династии из Фракии он, вероятно, возобновил династические связи, женившись на принцессе Гипепирис. Сыновья Митридат VIII и Котис сошлись в борьбе за престол — римляне при этом в ходе войны десантными силами помогли царевичу фракийского происхождения. Римский протекторат над Боспором продолжался вплоть до вторжения в середине III в. на Боспор готов и объединения всего античного Северного Причерноморья ок. 275 года в Готскую державу Германариха (ареал черняховской археологической культуры (см.: [15]). В 376 году сконсолидировавшиеся в низовьях Волги гуннские племена двинулись на запад и вытеснили почти всех готов за Дунай, в пределы римского Нижнего Подунавья. Часть готов сумела задержаться в горном Крыму, другие в качестве федератов обосновались на Тамани. Аланоготско-византийское княжество Мангуп-Феодоро в горном Крыму просуществовало до 1476 года, а близ пос. Дюрсо у Новороссийска местный археолог А.В. Дмитриев исследовал некрополь аланоготов V–VIII веков, там признаки их культуры угасают только ко времени

прихода монголо-татар. Понятно, что на территориях Боспора многие века наблюдался сложнейший этнокультурный синтез. В Пантикапее-Боспоре в склепах по давней традиции хоронили до нач. VII века — гунны отнюдь не уничтожили там позднеантичную государственность в последней четверти IV века [2: с. 10–11].

Как и государственные образования в раннесредневековом Закавказье (Армения и Лазика, тогда как Албания и область абасгов-абхазов составляли как бы их периферию), раннесредневековый Боспор испытывал мощное влияние Сасанидского Ирана, а ранневизантийские императоры, опираясь на свою давнюю прочную базу Херсон(ес), периодически напоминали о своих амбициях, используя утверждавшееся в Северном Причерноморье христианство. Конная статуя царя — традиционное явление в иранском мире. Из Албании (территория нын. Азербайджана) происходит ряд памятников сасанидской торевтики — взять, например, хранящуюся в Нахичевани бронзовую курительницу VI–VII веков [10: с. 78–85, 120, рис. 1; 138, табл. XVII], не говоря уже о воспроизводимых и здесь сюжетах культовой царской охоты [10: с. 136, табл. XIV]. Ареал распространения этой символики оказался огромным. Сасанидская культовая конная царская охота представлена на серебряном с позолотой блюде из степей под Оренбургом [11: с. 25, рис. 12] или на подобном же блюде VI в., но хранящемся в Уфе [11: с. 27, рис. 14], или же на изделии из Аврюзтамакского клада VII в. [11: с. 31, рис. 18]. Конные статуи царей были нормой еще для позднеантичного Боспора. В самом Риме конный памятник Марку Аврелию (единственный сохранившийся) явно был культовым символом родом с Востока, из иранской Парфии.

Конь и всадник — сравнительно позднее сочетание в истории человечества [8], не ранее начала II тыс. до н.э., именно оно привело к возникновению кочевого образа жизни (не следует смешивать с «подвижным скотоводством»). Конные колесницы предшествовали всадничеству как бытовое и культовое явления. У греков героизация усопших в облике всадника проявилась пластически ранее всего в Малой Азии еще в позднеархаическую эпоху [13: с. 190 и сл.], затем это отмечается во всем ареале их расселения античной поры: так, обратившись к собраниям античной скульптуры в государственных музеях Берлина, видим это: например, в конце V в. до н.э. в кампанских Кумах («Великая Греция» на юге Италии) [22: S. 100, № 118, Abb. 200; 23: S. 61, № 805, Taf. 33 b;] или же в раннеэллинистическую эпоху в Танагре (Беотия), опять же малоазийских Смирне, Эфесе [23: S. 61, №№ 806, 809, 810, Taf. 51]. В полисном античном обществе всадники нередко выделялись как особая социальная прослойка, фактически престижное сословие. На надгробиях всадников, реальных и «нареченных», могло фигурировать изображение коня (иногда голова коня как бы в окне). Сам всадник мог быть представлен в боевой обстановке. Всадник в окружении родственников, тем более с воспроизводством культовой атрибутики, воспринимался уже как *Heros* (героизированный покойник), абстрагированно от земного статуса. В упомянутых

собраниях в государственных музеях Берлина в разряде классических греческих скульптур представлены изображения всадников разной степени мифологизации и символизма: повергающий врага всадник из Халандри в Аттике [22: S. 28, № 19, Abb. 26]; два всадника на стеле из Фив — то ли божественные Диоскуры, иначе же два гиппарха [22: S. 66, № 75, Abb. 112]; посвященный рельеф Алексимаха из Танагры, где всадник явно олицетворял героизированного юного покойника [22: S. 67, № 77, Abb. 113]; на посвященном рельефе с погребальной трапезой наверху, в рамке, почти геральдически представлена конская голова [22: 70, № 81, Abb. 114] из Фив; аналогичное изображение из Беотии, но в верхнем углу, с подобным же сюжетом стелы [22: S. 68–69, № 79, Abb. 115]; на афинском посвященном рельефе «херос» ведет коня к алтарю [Bl.: S. 77, 90, Abb. 123]; на афинском же рельефе один из двух «херосов» канонически ведет коня [22: S. 80, № 93, Abb. 127]. Перед героизированным покойным иногда при этом замечаются культовые атрибуты: змея, алтарь — они и «древо жизни» вошли с рубежа III–II вв. до н.э. в культовую схему колоритнейшего фракийского божества — Фракийского всадника Хероса, пластическая иконография тоже была заимствована из Малой Азии. Иначе же Фракийский всадник воспроизводит сцены псовой охоты на кабана — у иранских царей традиционна охота на льва («царская охота») или копытных. В римскую эпоху — для Северного Причерноморья это середина I – середина III века в античных городах вместе с гарнизонами (вексилляциями нижнедунайских легионов и вспомогательных когорт) часто попадают votивные таблички с изображениями Фракийского всадника: например, в Тире [18: рис. 13] или Ольвии [16: рис. 9].

Однако культовый образ Фракийского всадника сформировался намного раньше римской эпохи на востоке Балкан и во фракийской торевтике проявился намного раньше, нежели в каменной пластике. Во фракийском искусстве конный герой активно фигурирует еще с V–IV вв. до н.э. [21: с. 34 и сл].

В одном учебном пособии для Ярославского педуниверситета читаются интересные предположения: «Заманчиво было бы увязать с культом Геракла изображения конного божества Хероса, получившего широкое распространение во Фракии, а позже — в IV–III вв. до н.э. — в Херсонесском государстве и на Боспоре. В этом герое многие исследователи склонны усматривать конного Геракла, синкретизированного, возможно, с местными героями или богами» [1: с. 51]. Одним из якобы «многих» лет 30 назад являлся автор этой статьи [12: с. 30–45], на примерах находок в слоях III–I вв. до н.э. нескольких терракот из раскопок Фанагории разивший идею существования на Боспоре конной ипостаси Геракла. Другое истолкование образа конного божества на Боспоре — Бог Высочайший (Theos Hupsistos) — обоснованно отвергается П.Д. Диатроптовым [4].

Всадник или всадники — один из традиционных сюжетов на позднеантичных боспорских надгробиях. В одной из последних публикаций о боспорских надгробиях, рассматривая многоярусные стелы Боспора I–II вв.,

Е.А.Савостина [17: с. 360] выделила сюжеты всадника и женщины, сидящей в кресле [17: №№ 8, 36, 39], двух всадников в геральдической композиции [17: №№ 18, 19, 37, 38], «летающего (болгарские археологи предпочитают термин “галопирующего”) всадника» [17: №№ 2, 24, 42] и единожды замечает всадника на вздыбленном коне перед деревом [17: № 23]. Именно последняя упомянутая стела воспроизводит всадника с копьем перед деревом и собакой под лошадью — по сюжету это очень близко Фракийскому всаднику, напоминая votивные таблички, завезенные в Северное Причерноморье фракизированными римлянами. Сотрудница Керченского музея Т.А. Матковская [14] выделяет несколько мастерских, где изготавливались боспорские надгробия в конце I в. до н.э. – II в. н.э. На манер галопирующего Фракийского всадника убедительно был воспроизведен Периген, сын Асклепиада [14: с. 393–394, табл. II, 6], но мастерская, изготовившая это надгробие, процветала в первой половине I в. н.э., тогда как римские Фракийские всадники распространились во II–IV веках. Мастерская, популярная в I в. до н.э. – I в. н.э., среди прочей продукции воспроизвела канонический типаж вздыбленного Фракийского всадника на надгробии Садала, сына Садала [14: с. 396, табл. III, 3 и 398]. Явный фракиец, судя по имени и патронимику, был погребен не позднее первой пол. I в. н.э. [9: с. 224, № 317]. Еще один Садал, сын Садала, был погребен тоже в Пантикапее под стелой с изображением всадника [9: с. 454, № 804]. Что любопытно, открыты были и надгробия жен того и другого Садала [9: с. 288–290, №№ 451, 454], однако известно и надгробие дочери Садала [9: с. 212–213, № 295]. Таким образом, пришельцы с Балкан подолгу жили на Боспоре, женились, постепенно ассимилировались, формируя «политевму» — военную профессионально-этническую прослойку.

Фракийцы оказались достаточно заметны на Боспоре и оставили свой скромный след в культуре этого достаточно удаленного от их родины античного государства. Так, иконографическое подобие Фракийского всадника фиксируется на надгробии работы мастерской I – первой половине II в. н.э. [14: с. 401, табл. IV, 6 и 402]. Запросы пришельцев с востока Балкан (менее вероятно из Вифинии на северо-западе Малой Азии), таким образом, оказались учтены, что свидетельствует об их достаточно массовом присутствии на Боспоре. Смешанные браки способствовали их ассимиляции, но наблюдались проявления этнокультурной самобытности при изготовлении надгробий с учетом их культовых воззрений.

Важным элементом культовой практики античного населения были терракотовые фигурки или рельефы — дешевые приношения на домашние алтари, в храмы или святилища, изредка часть погребального инвентаря. На Боспоре особую категорию статуэток всадников выделила еще М.М. Кобылина. Ее заключения о появлении этого типа в боспорской коропластике свелись к следующему: сам тип появился в позднеэллинистическое время во II в. до н.э., в I–II веках трафаретно воспроизводился, а позднее, во II–III веках грубо схематизировался до примитивного натурализма [7: с. 167–169]. Вслед

за В.Д. Блаватским М.М. Кобылина усматривает даже у самого раннего керамического всадника из обнаруженной в 1947 году мастерской в Фанагории признак сарматской посадки [7: с. 119–121], но уже предполагая воспроизводство бога-охотника на украшенном фаларами галопирующем коне — в образе местного жителя. В Пантикапее и Фанагории во II–I вв. до н.э. изготавливали практически идентичные фигурки охотника с воздетым копьем [7: с. 137–138, табл. XXVIII, 5]. Должен заметить, что весьма сохранный всадник с фанагорийского Керамика [7: с. 120, табл. XXII, 2] максимально напоминает типаж охотящегося Фракийского всадника. Вынужден также высказать удивление по поводу определения его посадки, поскольку воздетая для удара десница всадника отнюдь не предполагает тарана пикой двумя руками по навыку сарматов, для чего полагалось сидеть почти боком. В первые два века нашей эры статуэтки становятся грубее, всадники одеты на местный лад, под ногами коня конкретизируется собака в эпизоде охоты на зайца [7: табл. XXXV, 1, 2, 4]. Еще немного позднее распространяются грубые фигурки воина-варвара со щитом [7: табл. XXXVII, 4]. Использование терракот всадников на Боспоре М.М. Кобылина объясняла нарастающей сарматизацией. Составители свода археологических источников по терракотовым статуэткам из Пантикапея рассмотрели четыре сохранных статуэтки галопирующего всадника с воздетой рукой [19: с. 34–35, табл. 46, 1–4], произведенные между II в. до н.э. и II в.н.э. И опять же один образец [19: табл. 46, 3], к тому же и вероятно фанагорийского производства, рубежа нашей эры, как и указанный М.М. Кобылиной [7: табл. XXII, 2], максимально напоминает канонического Фракийского всадника. Составители этого же свода, но по территории «азиатского» Боспора, воспроизводят три сравнительно сохранных фигурки [20: с. 27, табл. 29, 1–3], все из Фанагории I в. до н.э. – I в.н.э. Первый из них и есть подобие Фракийского всадника от М.М. Кобылиной [7: табл. XXII, 2], второй же представляет собой многим более позднее ему соответствие. Третий воспроизводит статичного конного скифа. В монографии В.И. Денисовой о короoplastике Боспора [3: с. 92–93] высказывается предположение, будто образы Геракла и всадника во второй половине II в. до н.э. стали популярны среди низовой части населения Боспора, всадник при этом был связан с древними верованиями догреческого, аборигенного населения. Среди греков культ Геракла традиционно распространялся из дорических полисов, где он являлся не только хтоническим героем, но и божеством. Среди имперских римлян Геркулес был популярен в среде низов плебса (в традиции киников?) и одновременно признавался покровителем правивших из Рима Антонинов, но в среде полисных греков культ Геракла был интересен прежде всего аристократии. Спартокиды почитали его своим династическим родоначальником аналогично македонским Теменидам. Что касается образа всадника, то в эллинской мифологии вероятным конным персонажем мог явиться разве что Посейдон Гиппий [13: с. 222–226], в исторические времена сохранявший популярность на Истме, в Коринфе. Греки сами помимо Боспора нигде такого количества изображений всадников не оставили.

В.И. Денисова [3: с. 93–94, табл. XXII к; табл. XXII е, з] обратила внимание на находки фрагментированных фигурок статичного всадника в Мирмекии и в хоре Пантикапея (конец II – первой половины I в. до н.э.). Существенно ее замечание, что подобные всадники, пусть и примитивные с точки зрения художественных достоинств, попадались и в некрополе Пантикапея.

Теперь же, когда мы знаем, что фракийский этнический субстрат на Боспоре был весьма заметен на протяжении веков (см.: [13]) — Спартокиды организовано принимали на службу не менее 2 тыс. фракийских наемников (вероятнее всего пехотинцев-пельтастов по воинской специализации) в конце IV в. до н.э. (Diod. XX, 22–25) — культурные следы массового присутствия фракийцев могли проявиться не только в эпиграфике (имена и патронимики). Пластический образ Фракийского всадника явно оказался «ко двору» значительной части боспорского населения, прежде всего скифского и сарматского происхождения. Фракийцы могли десятилетиями жить в особых военных поселениях-катоикях, заказывая изображения характерного кумира на своих надгробиях и в коропластике для личной культовой практики. Так, на уникальном Артезианском городище в Восточном Крыму (раскопки Н.И. Винокурова) наличие фракийского этнокультурного компонента давно предполагалось, а теперь убедительно доказывается. Терракотовые всадники с Боспора являются еще одним убедительным доказательством «фракийского следа» в тамошней глубоко синкретической античной культуре.

Раннесредневековые болгары созерцали изображения всадников на территории бывшего античного Боспора, а затем очень похожие сюжеты увидели во множестве в бывшей римской Фракии. Пример династии Сасанидов был увлекателен — и на скале у нынешнего села Мадара близ древней Плиски появился всадник-охотник как геральдический символ новых политических правопреемников бывших прославленных монархий. Позднее вотивные таблички Фракийского всадника часто попадали в болгарские христианские храмы (как каменные иконы, каковыми в древности и являлись) и стали основой иконографии св. Георгия. А День св. Георгия («Гергёвден») празднуется на Балканах с глубокой древности, теперь же стал и праздником национальной армии Болгарии.

Литература

1. *Агрофонов П.Г.* Мифология античного мира. Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль: ЯГПУ, 1998. 68 с.
2. *Болгов Н.Н.* Боспор в IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 16 с.
3. *Денисова В.И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981. 171 с.
4. *Диатроптов П.Д.* О мнимом изображении Бога Высочайшего из Танаиса // Политика и идеология в древнем мире: межвуз. сб. науч. тр. М.: Альфа, 1993. С. 40–55.
5. *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев: Наукова думка, 1985. 159 с.

6. *Клейман И.Б.* Изображение воина на фрагменте рельефа из Тире // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 46–52.
7. *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: АН СССР, 1961. 182 с.
8. *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М.: Наука, 1977. 152 с.
9. Корпус боспорских надписей. М.–Л.: 1965. 951 с.
10. *Кошкарлы К.О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985. 139 с.
11. *Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф.* Урал и антично-византийская цивилизация. Уфа: БЭК, 1998. 34 с.
12. *Крыкин С.М.* К вопросу о существовании культа конного героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвуз. сб. науч. тр. М.: МГПИ, 1986. С. 30–45.
13. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.
14. *Матковская Т.А.* Мастерские надгробного рельефа европейского Боспора I в. до н.э. – II в.н.э. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X. М.: ГМИИ. им. А.С. Пушкина, 1992. С. 387–407.
15. *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 197 с.
16. *Русяева А.С.* О культурной жизни Ольвии послегетского времени // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка, 1986. С. 3–25.
17. *Савостина Е.А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X. М.: ГМИИ. им. А.С. Пушкина, 1992. С. 357–386.
18. *Сон Н.А.* Тира римского времени. Киев: Наукова думка, 1993. 156 с.
19. Терракотовые статуэтки. Ч. III: Пантикапей // САИ Археология СССР. М.: Наука, 1974. 59 с. и табл.
20. Терракотовые статуэтки. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров // САИ Археология СССР. М.: Наука, 1974. 57 с. и табл.
21. *Маразов Ив.* Съкровището от Якимово. София: Български художник, 1979. 95 с.
22. *Blümel C.* Die klassisch griechischen Skulpturen der staatlichen Museen zu Berlin. Berlin: Akademie – Verlag, 1966. 111 S. und Abb.
23. Kurze Beschreibung der antiken Skulpturen im alten Museum. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter, 1920. 132 S. mit 80 Taf.

References

1. *Agrofonov P.G.* Mifologiya antichnogo mira. Kul't Gerakla v Severnom Prichernomor'e. Yaroslavl': YaGPU, 1998. 68 s.
2. *Bolgov N.N.* Bospor v IV–V vv. i problema pozdneantichny'x gosudarstvenny'x obrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1994. 16 s.
3. *Denisova V.I.* Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiya, Purata i sel'skoj usad'by'). L.: Nauka, 1981. 171 s.
4. *Diatroptov P.D.* O mnimom izobrazhenii Boga Vysochajshogo iz Tanaisa // Politika i ideologiya v drevnem mire: mezhvuz. sb. nauch. tr. M.: Al'fa, 1993. S. 40–55.

5. *Kary'shkovskij P.O., Klejman I.B.* Drevnij gorod Tira. Kiev: Naukova dumka, 1985. 159 s.
6. *Klejman I.B.* Izobrazhenie voina na fragmente rel'efa iz Tiry' // *Novy'e issledovaniya po arxeologii Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, 1987. S. 46–52.
7. *Koby'lina M.M.* Terrakotovy'e statue'tki Pantikapeya i Fanagorii. M.: AN SSSR, 1961. 182 s.
8. *Kovalevskaya V.B.* Kon' i vsadnik. M.: Nauka, 1977. 152 s.
9. Korpus bosporskix nadpisej. M.–L.: 1965. 951 s.
10. *Koshkarly' K.O.* Antichnaya i rannesrednevekovaya torevtika iz Azerbajdzhana. Baku: E'im, 1985. 139 s.
11. *Kruglov E.A., Oby'dennov M.F.* Ural i antichno-vizantijskaya civilizaciya. Ufa: BE'K, 1998. 34 s.
12. *Kry'kin S.M.* K voprosu o sushhestvovanii kul'ta konnogo geroya na Bospore // *Problemy' ideologii i kul'tury' v ranneklassovy'x formacijax: mezhvuz. sb. nauch. tr. M.: MGPI, 1986. S. 30–45.*
13. *Kry'kin S.M.* Frakijczy' v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Prometej, 1993. 332 s.
14. *Matkovskaya T.A.* Masterskie nadgrobnogo rel'efa evropejskogo Bospora I v. do n.e'. – II v. n.e'. // *Arxeologiya i iskusstvo Bospora. Soobshheniya GMII im. A.S. Pushkina. Vy'p. X. M.: GMII. im. A.S. Pushkina, 1992. S. 387–407.*
15. *Pioro I.S.* Kry'mskaya Gotiya. Kiev: Lybid', 1990. 197 s.
16. *Rusyaeva A.S.* O kul'turnoj zhizni Ol'vii poslegetsogo vremeni // *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervy'e veka nashej e'ry'*. Kiev: Naukova dumka, 1986. S. 3–25.
17. *Savostina E.A.* Mnogoyarusny'e stely' Bospora: semantika i struktura // *Arxeologiya i iskusstvo Bospora. Soobshheniya GMII im. A.S. Pushkina. Vy'p. X. M.: GMII. im. A.S. Pushkina, 1992. S. 357–386.*
18. *Son N.A.* Tira rimskogo vremeni. Kiev: Naukova dumka, 1993. 156 s.
19. Terrakotovy'e statue'tki. Ch. III: Pantikapej // *SAI Arxeologiya SSSR. M.: Nauka, 1974. 59 s. i tabl.*
20. Terrakotovy'e statue'tki. Ch. IV: Pridon'e i Tamanskij poluoostrov // *SAI Arxeologiya SSSR. M.: Nauka, 1974. 57 s. i tabl.*
21. *Marazov Iv.* S'krovishheto ot Yakimovo. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1979. 95 s.
22. *Blümel C.* Die klassisch griechischen Skulpturen der staatlichen Museen zu Berlin. Berlin: Akademie – Verlag, 1966. 111 S. und Abb.
23. Kurze Beschreibung der antiken Skulpturen im alten Museum. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter, 1920. 132 S. mit 80 Taf.

S.M. Krykin

Terracotta “Thracian Horsemen” in Bospor

Horsemen images in ancient antique state Bospor were known not only in stone plastic art but also in ceramic production. These images are bound up with tastes and wishes of a barbarian component in the composition of Bospor population: the Thracians, the Scythians, the Sarmatians. Just horsemen from Bospor proved to be iconographical examples for creating a horseman on a rock nearby village Madara in Bulgaria.

Keywords: Bospor; terracotta; horsemen; Madara; images.

А.А. Войтенко

Некоторые особенности восприятия пространства в коптских монашеских житиях

Статья посвящена исследованию пространственных представлений египетских монахов на материале коптской и греческой агиографии. Автор приходит к выводу, что помимо двух больших категорий («пустыня» и «мир») в исследуемых текстах можно обнаружить и более сложную географию пространства, например, представления о «внешней» и «внутренней» пустыне, отдельных местах в ней, наделенных особой силой, и т. д. В статье также отмечается стремление некоторых монашеских общин выделить свой монастырь как отдельное сакральное пространство.

Ключевые слова: агиография; монашество; византийский Египет.

Для начала я хотел бы определиться с предметом исследования. Иногда принято полагать, что, в отличие от архаических обществ, сознание современного человека рассматривает пространство как бесконечное, непрерывное и однородное, хотя эти качества и не могут быть обнаружены чувственным восприятием. В архаических же обществах пространственные представления — это конкретные ориентации, которые имеют эмоциональную и, возможно, оценочную окраску [5: с. 31–32]. Однако я буду исходить из того положения, что способность сегментировать пространство, выделять отдельные его части как более значимые, наделять их разными оценочными категориями является неотъемлемой частью восприятия человеком окружающего мира в целом, а не только на определенном этапе развития человеческого общества. И именно эта особенность так или иначе отражается в культурных «артефактах». Меня в данном случае будет интересовать отображение представлений о пространстве, бытовавших в среде коптского монашества IV–VII веков в том виде, в каком мы можем их обнаружить в коптской монашеской агиографии. Сразу оговорюсь, что конечно же речь может идти лишь о «фрагментах» таких представлений. Во-первых, в источниках, очевидно, фиксируется далеко не все. Во-вторых, я опираюсь не на весь объем коптской монашеской агиографии этого периода, поскольку к сегодняшнему дню мной изучена только часть материала. Таким образом, мои выводы будут во многом носить предварительный характер, требующий дальнейшего уточнения.

Предметом моего исследования будут пять коптских монашеских житий, написанных предположительно с IV по VII век: «Житие преп. Онуфрия Великого», «Житие блаженного Афу», «Житие апы Фиба», «Житие апы Кира»

и «Житие блаженной Иларии». В качестве дополнительного источника я привлекаю материал греческих источников («Лавсаика», «Истории египетских монахов» и *Apophthegmata Patrum*).

Можно сказать, что для мировоззрения египетских монахов, как, наверное, и для любой монашеской культуры Востока или Запада, разделение на «пустыню» и «мир» было достаточно актуальным. При этом монашеский идеал и реальная география не всегда совпадали. По меткому замечанию Марка Шеридана, пустыня была монашеским идеалом, хотя далеко не все монахи там жили [13: р. 181]. Известно, например, что многие монастыри находились на границе пустыни и орошаемой земли, от этих монастырей до ближайшей деревни было примерно 15 минут ходьбы. Так, пахоминаские монастыри часто располагались в заброшенных деревнях, где-то на границе пахотных земель.

«Мир» (помимо указания на конкретные топонимы) обычно обозначался словом «Египет»: «Айгюптос» в греческих источниках, по-коптски — «Кеме». Но смысл этого понятия варьировался. Так, в одной апофтегме о скитском монахе авве Ахиле мы находим следующее высказывание. Когда он пришел к авве Исайе, последний разбавил соль водой, прежде чем есть хлеб, что было, по мнению Ахилы, неслыханной роскошью. Он посоветовал Исайе идти в Египет и есть похлебку там (Ахила, 3) [1: с. 37]. В Египет сбежал авва Исаак, когда его хотели сделать священником в Келлиях (Исаак, пресвитер из Келлий, 1) [1: с. 72]. В данном случае под «Египтом» имеется в виду пространство, лежащее за границами пустыни. Однако в иной перспективе, перспективе «внутренней пустыни», т. е. пустыни очень удаленной от орошаемой земли, под «Египтом» могли понимать и сам Скит (совр. Вади-Натрун). Так, в «Житии св. Онуфрия Великого», окончательная редакция которого была составлена скитскими монахами, речь идет о путешествии монаха Пафнутия в «дальнюю пустыню», чтобы увидеть, есть ли там подвижники, более совершенные в своих подвигах. И он находит там отшельников, которые в беседах с ним постоянно упоминают «монахов» или «братьев, которые в Египте». Контекст оставляет мало сомнений в том, что имеются в виду монахи Скита, т. е. монахи «ближней пустыни». Интересно отметить и такой факт: автор «Лавсаика», епископ Палладий, некоторое время подвизавшийся в Нитрии и Келлиях, упоминает «великую», т. е. «внутреннюю пустыню» как синоним Скита [11: р. 81]. Таким образом, вопрос деления пространства на «Египет» и «пустыню» мог решаться по-разному, с позиций выбранной перспективы.

Наиболее рельефно отношение монахов к «миру» выражено в «Житии блаженного Афу» [12]. Афу сначала живет в пустыне в стаде антилоп, а затем против своей воли рукополагается епископом Оксиринха (копт. Пемдже). Став епископом крупного города, Афу старается минимизировать свои контакты с миром: всю неделю он живет в отдельной келье и только на субботу с воскресеньем является в Оксиринх, где служит литургию и наставляет свою паству. За время своего епископства, как пишет его агиограф, он вводит у своей паствы более строгие порядки, нежели были до него. В конце своих дней Афу собирает вокруг себя братию и говорит ей, что от епископства не получил

никакой пользы и едва сохранил то, что приобрел, когда жил отшельником в пустыне. По сути, такое же отношение к «миру» за вычетом некоторых нюансов мы можем обнаружить и в апофтегме об Афу [1: с. 42]. Там сказано, что, сделавшись епископом, Афу хотел вести такую жизнь, как прежде, но не смог. Он взмолился и спросил Бога: «Неужели отступила от меня благодать?» И ему было открыто, что когда он был в пустыне, то ему помогал только Бог, а здесь, в миру, ему помогают и люди. Кстати, тему «социального служения» и Божьей благодати можно увидеть и в рамках разделения самой пустыни, при противопоставлении монашеских общин и анахоретов (например, в «Житии св. Онуфрия»). Можно сказать, что отношение монаха к «миру» (так, как мы видим его из «Жития блаженного Афу») скорее сдержанно негативное, чем резко отрицательное: в «миру» можно при определенных условиях сохранить, т.е. не растратить все то, что было накоплено в пустыне, но серьезное духовное совершенство вряд ли возможно. Впрочем, стоит отметить, что в монашеской литературе встречаются примеры праведников, успешно спасающихся в «миру» (например, рассказ о бедной женщине из города Острацины [2: с. 40]), но на общее настроение они, как кажется, не влияют.

Итак, идеалом монашеской жизни все же служит пустыня. Наглядной иллюстрацией тому является описание жизни Афу в стаде антилоп: это почти райское состояние гармонии с миром и постоянной литургии. Как замечает агиограф — «день и ночь были для него богослужением» [12: р. 67]. Однако, по справедливому замечанию известного французского исследователя Антуана Гийомона, представления о пустыне в культуре египетского монашества были такими же амбивалентными, как и в Библии: пустыня — это место благодатное и проклятое одновременно [10: р. 69]. В Ветхом Завете «идеализированное» и «мистическое» представление о пустыне соотносится как с прошлым Израиля, так и с мессианскими ожиданиями. Скорее всего, они складываются под влиянием ситуации, сложившейся после заселения евреями Ханаана в ретроспективе 40-летнего странствования по пустыне. Вот как писал об этом известный историк религии Мирча Элиаде: «Целые категории из мира природы: возвышенности, камни, источники, деревья, некоторые злаки и цветы — будут объявлены нечистыми, потому что их осквернило поклонение ханаанским божествам плодородия. По-настоящему чиста и свята лишь пустыня, потому что только там Израиль оставался верным своему Богу» [7: с. 322]. Такие представления можно без труда обнаружить в книгах пророков (Осия 2, 14; Иеремия, 2, 2–3, Исайя 40, 3). Прямо противоположное и, возможно, более раннее по происхождению отношение к пустыне мы можем обнаружить наиболее ясно в книге Левит, в известном эпизоде про «козла отпущения» (Левит, 16, 8–10): пустыня — это «непроходимая земля», куда символически отсылаются людские беззакония. По мысли Гийомона, на амбивалентные представления монахов могли повлиять и древнеегипетские представления о пустыне как демоническом пространстве и, противоположным образом, идеи Филона Александрийского, делавшие пустыню местом «исихии» и духовной сосредоточенности, противопоставляя ее суетности городской жизни.

Эти в целом верные, на наш взгляд, рассуждения французского исследователя тем не менее нуждаются в ряде существенных дополнений и корректив.

Во-первых, данные наших текстов показывают, что «географическая вселенная» монахов помимо деления на «пустыни» как на конкретные места монашеских поселений (например, пустыня Нитрии, Келлий и Скита) достаточно ясно делится на «пустыню внешнюю», или ближнюю [3: с. 15], и «пустыню внутреннюю», или дальнюю [3: с. 18]. Причем эти представления, как я уже упоминал, очень условно привязаны к географическим реалиям. «Внутренняя пустыня», куда отправляется скитский монах Пафнутий [14: р. 205–224], может быть локализована где-то в районе Оксиринхского нома, тогда как «внутренняя пустыня», где обитает отшельник Кир [14: с. 128–136], должна была находиться где-то рядом с побережьем (возможно, красноморским). «Дальняя пустыня» — это некое постоянно ускользающее и почти сказочное место, где, с одной стороны, власть демонов достигает своего апогея, но с другой — горизонты небесного и земного миров подходят друг к другу максимально близко, а часто и пересекаются. Это место, как учит известный египетский подвижник Иоанн Ликопольский, более всего подходит для монашеского подвига [3: с. 18]. Наиболее четко все особенности «внутренней пустыни» мы можем увидеть в «Житии св. Онуфрия Великого». Здесь «внутренняя пустыня» и «пустыня внешняя», т. е. мир абсолютных отшельников и тех монахов, которые живут в общине, в известном смысле противопоставлены друг другу, причем мир внутренней пустыни выступает в качестве идеала монашеской жизни. Нагляднее всего это видно из диалога св. Онуфрия, который начинается словами, обращенными к старцам общины, где он подвизался: «Отцы мои, разве нет (уже) тех, кто в пустыне? Они выбрали более нас» [14: р. 211]. Весь смысл ответа старцев строится на противопоставлении социальной жизни обычного монастыря и сугубой благодати, дарованной отшельникам «внутренней пустыни» — этот мотив сходен с тем, что мы уже видели в «Житии блаженного Афу», с той лишь разницей, что речь в последнем случае идет не о мире, а о монастыре, находящемся в «ближней пустыне». Поскольку «во внутренней пустыне» нет ни людей, ни каких-либо подходящих условий для жизни, то именно поэтому все надежды возлагаются на Бога: угрожающая человеческой жизни асоциальность «внутренней пустыни» оборачивается максимальной близостью к небесному миру. Вот, например, как описывает Онуфрий пришедшему к нему Пафнутию жизнь иноков в «дальней пустыне»: «И всем, кто в пустыне и подвизается в Боге и не видит людей, приходит ангел и причащает их, и утешает их. Если они желают видеть человека, их поднимают в высоты небесные, и видят они всех святых, и сердца их исполняются светом и приветствуют их, и радостны и радуются друг другу и Господу в благодати места того. Когда видят они святых, они утешаются и забывают, что они принимают всяческие скорби. Когда же они снова возвращаются к телам своим, они продолжают утешаться (еще) долгое время» [14: р. 214]. Ни об одной монашеской общине во всех упомянутых мною выше коптских житиях не сказано ничего подобного. Сюда же можно добавить и описание оазиса, куда в конце концов приходит странствующий Пафнутий. Иноки, живущие здесь, пребывают

в почти райском состоянии, вкушая от многочисленных плодов, там растущих, и, причащаясь из рук ангела, ни в чем не нуждаются.

Но одновременно «внутренняя пустыня» — место многих скорбей, на обычно задаваемый вопрос путешественника во «внутреннюю пустыню» к отшельнику, там обитающему: «А много ли ты страдал здесь?» следует положительный ответ и рассказ о мучениях. Так было и с отшельником Тимофеем («Житие св. Онуфрия Великого»), которого Пафнутий встретил в начале своего путешествия, так было и с самим св. Онуфрием. Мучения Пафнутия во время его путешествия имеют ряд параллелей с описанием путешествия по пустыне Синухе (Синухета) в известной древнеегипетской повести [6: с. 33–50]. Но есть существенная разница: если в древнеегипетском тексте пустыня абсолютно безблагодатна, то в исследуемых нами источниках она как бы «сочетает рядом» две противоположности: вывод из крайних, близких к смерти состояний возможен только с помощью Божественного вмешательства. Тимофея от ужасной боли чудесным образом спасает ангел, св. Онуфрия также питает и поддерживает ангел, специально приставленный к нему, к Пафнутию каждый раз, когда он изнемогает и не в состоянии двигаться дальше, приходит ангел (в виде светозаного человека), касается его уст, и он чувствует силы двигаться дальше. В общем, можно сказать, что «амбивалентность» пустыни как таковой с наибольшей полнотой и очевидностью ощущается именно во «внутренней пустыне», где эти ее противоположности доведены до своих пределов.

Не менее интересным является выделение в этой «монашеской вселенной» отдельных ее мест. Некоторые из них наделяются особой силой. Наиболее наглядно это можно увидеть из Житий апы Кира и апы Фиба. В первом случае — это келья Кира во «внутренней пустыне». О том, что это особое место, нам дают понять еще до того, как путешествующий по «внутренней пустыне» монах Памбо попадает туда. Если ко всем остальным подвижникам он вполне нормально доходит пешком, то к келье Кира он попадет особым образом — «вмиг переносится» туда силой святого Духа, моментально преодолевая значительное расстояние.

Таким образом, подобные места способны создавать вокруг себя особые «силовые поля», сокращая время и расстояние — явление, как кажется, хорошо известное и по другим средневековым источникам. Но это еще не все. Келья отшельника Кира — это место интенсивного общения праведника с миром небесным. Во время разговора Кира с Памбо сам Христос по обычаю проходит к Киру и целует его. Затем Христос, спустившись в эту келью, склоняется над умирающим Киrom и оплакивает его, а затем забирает его тело на небо. Причем при этом присутствуют «множество ангелов, архангелов апостолов и всех праведников» [14: р. 135]. Можно сказать, что в келью Кира в момент его кончины спустилась вся небесная Церковь.

Не менее интересно в этом смысле описание монастыря Титкоох в «Житии апы Фиба». К подвижнику Аполлону, по сути главному герою этого жития, является Христос и говорит, что еще до Его воплощения Бог-Отец указал ему место, где Он устроит место прощения всех грехов, и место это — монастырь

Титкоох. Пророчество Исайи (Ис. 19, 19) толкуется как несомненное пророчество о Титкоох: «Место, которое я дал тебе — алтарь, и столп — тело слуги моего (Фиба)» [9: р. 32]. Монастырь окружается ангельским гласом и эпитетами такого рода: «Это гора Господа, славная гора, крепкая гора, богатая гора. Это гора, где Бог пожелал поселиться. Это дом Божий, это место праведных» и т. д. Установление здесь обряда прощения грехов трактуется как чуть ли не главное событие эсхатологии. Господь говорит Аполлону: «Я открою святое место (т. е. монастырь Титкоох. — *А.В.*) в конце времен <...> и все люди услышат о тебе и придут в место твое ради дара этого и будут служить в твоём святом месте» [9: р. 30]. Выделение «особых, священных мест» свойственно другим христианским традициям, но, как кажется, здесь фантазией коптских авторов оно приобретает какие-то крайние, предельно гипертрофированные формы. Его в этом смысле можно сравнить разве что с эфиопской агиографией.

Интересно отметить и еще одну деталь — одна и та же географически сходная группа мест могла трактоваться египетскими монахами диаметрально противоположно. В данном случае я имею в виду образ оазиса в пустыне (точнее — во «внутренней пустыне»). Я уже приводил пример оазиса в «Житии св. Онуфрия Великого», где подвизаются четыре молодых монаха. Это своеобразная кульминация повествования, вхождение Пафнутия в рай земной. Одной из аллюзий райского состояния является то, что монахи только молятся и не занимаются физическим трудом, имея все необходимое для жизни. Но это же свойство трактуется в другом рассказе (из греческой «Истории египетских монахов») как дьявольская ловушка [3: с. 75–77]. Св. Макарий Египетский совершает трудное путешествие в «оазис-сад», насаженный братьями-магами Ианнием и Иамврием по образу райского сада. Там он встречает двух старцев, вкушает необычные и многообразные плоды (параллель с «Житием св. Онуфрия»). Изумленный жизнью здесь, он возвращается обратно с тем, чтобы убедить монахов там поселиться. Но монахи из «населенных мест» четко дают ему понять, что этот сад мог появиться на погибель подвижникам; если теперь вкусить его сладости, то награда будет получена на земле, а небесных наград уже не видать. Затем они убеждают св. Макария не возвращаться в это место. В рассказе, содержащемся в «Лавсаике», такой сад однозначно осуждается как дьявольское место [11: р. 80–83]. Интересно отметить в этой связи, что все эти рассказы, скорее всего, имеют скитское происхождение. Почему примерно одни и те же географические категории в пределах одной монашеской среды (в данном случае скитской) имеют столь радикально различные толкования — тема, которая, видимо, требует отдельного рассмотрения.

В египетской агиографии иногда заметно выделение своего монастыря (или всей конгрегации) и всяческое его прославление. О монастыре Титкоох уже речь шла. Можно привести и другой пример: заключительные строки из «Жития Шенуте», прославляющие не только основателя одноименной конгрегации, но и общины, живущей под его небесным покровительством: «Сегодня небеса радуются тебе (т. е. Шенуте), о тот, который не позволил диаволу явиться ни в одном твоём монастыре» [2: с. 160]. В «Житии блаженной Иларии» мы можем отметить прославление Скита, но сделано это тоньше. Во-первых, Илария, которую

не могут принять монастыри Византия (т. е. Константинополя), бежит именно в Скит. Во-вторых, Скит прославляется в письме императора Зинона, которое «приводит» автор. Фиктивный характер этого текста под вопрос не ставится, и мало сомнений в том, что он вышел из скитской среды. А значит, реальным автором послания Зенона должен быть все тот же автор жития.

В отличие от послания самих скитских монахов, где автор жития всячески подчеркивает их смирение, в послании императора Зинона он эпитетов не жаждет: «Ничтожный царь Зенон <...> пишет братьям благочестивым возлюбленным, которые молятся за мир весь, радуйтесь! Прежде всего, мои святые братья, я прошу всех вас всех во Христе и, если достоин, целую ваши ноги святые <...> Теперь вся моя вера поистине в том, что Бог не откажет вам в том, что вы попросите» [2: с. 310]. Здесь же мы также можем обнаружить — учитывая все особенности монашеского этикета — скрытую неприязнь к монастырю, находящемуся за пределами Скита. Речь идет об Эннатоне. Когда Илария, переодевшись императорским спафарием, приходит к Памбо и просит его быть ее духовным наставником, он, оглядев ее одежды, говорит буквально следующее: «Мой сын, нельзя тебе оставаться у нас, ибо ты воспитан в телесном довольстве, но, если ты хочешь стать монахом, ступай в Энатон, это место покоя, ибо там много людей, которые стали монахами, будучи весьма богатыми, и они находят себе покой и утешение. Мы же (т. е. Скит. — *А.В.*) удалены от Египта на сорок миль и не встречаем много людей, только единицы, которые приходят к нам ради любви к Богу. У нас нет телесного довольства, вплоть до нашей одежды, она у нас в умалении. Ты же воспитан в телесном довольстве, тебе невозможно вынести все эти трудности» [2: с. 308–309]. «Послание» автора жития понятно: Эннатон — это место для богатых неженков, в то время как Скит предназначен для истинных подвижников.

В источниках мы находим сообщения о том, что между монастырями, находящимися в одном регионе, могли возникать распри. Так, в известном источнике VI века под названием «Житие и рассказы аввы Даниила» описан случай ссоры между Скитом и монастырем, находящимся на 18-й миле от Александрии из-за останков известного монаха, аввы Андроника [4: с. 191–192]. Подоплека конфликта заключалась в том, что каждая из монашеских общин хотела похоронить останки этого подвижника у себя и тем самым еще более повысить значимость своего монастыря. В словах скитских монахов (и это при том, что сам текст наверняка скитского происхождения) сквозит еле скрываемое недовольство аввой Даниилом, высказавшимся в пользу другого монастыря: «Старец уже выше мирского и всякой распри, мы же моложе и потому хотим мощей брата; довольно, что мы отдали авву Афанасия» [4: с. 192]. Из всего сказанного можно сделать вывод, что в среде монашеских общин Египта существовали представления о том, что именно их монастырь, в отличие от других, выделяется особо и наделен особой благодатью.

Ну и, наконец, осталось отметить еще две интересные детали, имеющие отношение к «потусторонней» географии. В «Житии апы Кира» путешествующий по внутренней пустыне Памбо, встречая на своем пути очередного пустынника,

спрашивает его: «Есть ли кто за тобой?» — и каждый раз слышит утвердительный ответ. Но спросив то же у великого подвижника Кира, в ответ он слышит: «Нет никого за мной, кроме тмени и наказаний, что терпят грешники» [14: р. 132]. Как известно, «ад» в коптских агиографических текстах нередко выступает не как некое абстрактное понятие, а как вполне конкретный топоним, но локализуемый, насколько мне известно, по-разному. В данном случае «ад» находится где-то в глубине «внутренней пустыни». В том же житии предсмертное видение Кира приоткрывает нам некоторые особенности потусторонних пространств. Причем сохранившийся полный текст жития в этом месте, видимо, сокращен. Он упоминает только о некой «реке огня», которую должны пройти как праведники, так и грешники [14: р. 134]. Сохранившиеся фрагменты других списков Жития полнее: они упоминают об океане, совершенном мраке, страшной буре, суде и наказаниях, которые совершаются «внутри этого места» [8: р. 52]. Далее речь идет о том, что каждое воскресенье грешникам в аду отменяют наказания и дают отдохнуть, поскольку это день «Воскресения Сына Божия» [14: р. 133; 8: р. 52].

Подведем итоги. Помимо двух основных пространственных категорий — «пустыня» и «мир» (или «Египет»), в картине мира египетских монахов можно выделить и другие градации. Пустыня могла разграничиваться на два больших пространства: пустыня внешняя (или ближняя) и внутренняя (дальняя) — локализация двух этих территорий была достаточно условной и, скорее всего, зависела от выбранных агиографами координат, как реальных, так и воображаемых. «Внутренняя пустыня» также оказывается неоднородной: здесь выделяются отдельные места (вроде пещеры Кира или «райского» оазиса в «Житии св. Онуфрия»), наделенные «особой силой», где мир небесный реально соприкасается с миром земным. Другой особенностью (главным образом это касалось монашеских общин) являлось выделение своего монастыря как особого «локуса» (наиболее ярко и даже гротескно это видно на примере монастыря Титкоох в «Житии апы Фиба»), иногда с неявной, но очевидной тенденцией противопоставить его другим монашеским поселениям, по крайней мере находящимся в соседнем регионе (что достаточно ясно видно на примере «Жития блаженной Иларии»).

Литература

1. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов: пер. с греч. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. 223 с.
2. *Еланская А.И.* Изречения Египетских Отцов: Памятники литературы на коптском языке. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. 352 с.
3. История египетских монахов / Пер. с греч. Н.А. Кульковой. М.: ПСТБИ, 2001. 128 с.
4. *Полякова С.В.* Византийские легенды. М.: Ладомир, 1994. 304 с.
5. *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии: духовные искания древнего человека. СПб.: Амфора, 2001. 314 с.
6. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и комм. А.А. Вигасина. М.: Восточная литература, РАН, 1997. 400 с.

7. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. I: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 461 с.
8. *Grotejahn, B.* Sa'idische Bruchstücke der Vita des apa Kyros // *Muséon.* 51 (1938). P. 33–67.
9. *Vite dei monaci Phif e Longino /* Introduzione e testo copto a cura di T. Orlandi, traduzione a cura di A. Campagnano. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1975. 110 p.
10. *Guillaumont A.* La conception du désert chez les moines d'Égypte // *idem.* Aux origines du monachisme chrétien pour une phénoménologie du monachisme. Bégrolles-en-Mauges: Abbaye de Bellefontaine, 1979. P. 69–87.
11. *Palladio.* La Storia Lausiaca / Introduzione di Chr. Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink, traduzione di M. Barchiesi. Roma: Fondazione Lorenzo Valla, 1974. 417 p.
12. *Rossi F.* Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino con traduzione italiana // *Memorie della reale accademia delle scienze di Torino. Serie II.* T. 37 (1886). P. 67–84.
13. *Sheridan M.* Il mondo spirituale e intellettuale del primo monachesimo egiziano // *L'Égitto cristiano. Aspetti e problemi in età tardo antica /* Cur. A. Camplani. Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 1997. P. 177–216.
14. *Wallis Budge E.A.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1914. 523 p.

References

1. Dostopamyatny'e skazaniya o podvizhnichestve svyaty'x i blazhenny'x otczov: per. s grech. Sergiev Posad: Svyato-Troiczskaya Sergieva lavra, 1993. 223 s.
2. *Elanskaya A.I.* Izrecheniya Egipetskix Otczov: Pamyatniki literatury' na koptskomazy'ke. SPb.: Izd-vo Cherny'sheva, 1993. 352 s.
3. *Istoriya egipetskix monaxov /* Per. s grech. N.A. Kul'kovoj. M.: PSTBI, 2001. 128 s.
4. *Polyakova S.V.* Vizantijskie legendy'. M.: Ladimir, 1994. 304 s.
5. *Frankfort G., Frankfort G.A., Uilson Dzh., Yakobsen T.* V preddverii filosofii: duxovny'e iskaniya drevnego cheloveka. SPb.: Amfora, 2001. 314 s.
6. *Xrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka /* Sost. i komm. A.A. Vigasina. M.: Vostochnaya literatura, RAN, 1997. 400 s.
7. *E'liade M.* Istoriya very' i religiozny'x idej. T. I: Ot kamennogo veka do e'levsinskix misterij. M.: Kriterion, 2002. 461 s.
8. *Grotejahn, B.* Sa'idische Bruchstücke der Vita des apa Kyros // *Muséon.* 51 (1938). P. 33–67.
9. *Vite dei monaci Phif e Longino /* Introduzione e testo copto a cura di T. Orlandi, traduzione a cura di A. Campagnano. Milano: Cisalpino-Goliardica, 1975. 110 p.
10. *Guillaumont A.* La conception du désert chez les moines d'Égypte // *idem.* Aux origines du monachisme chrétien pour une phénoménologie du monachisme. Bégrolles-en-Mauges: Abbaye de Bellefontaine, 1979. P. 69–87.
11. *Palladio.* La Storia Lausiaca / Introduzione di Chr. Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink, traduzione di M. Barchiesi. Roma: Fondazione Lorenzo Valla, 1974. 417 p.
12. *Rossi F.* Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino con traduzione italiana // *Memorie della reale accademia delle scienze di Torino. Serie II.* T. 37 (1886). P. 67–84.
13. *Sheridan M.* Il mondo spirituale e intellettuale del primo monachesimo egiziano //

L'Egitto cristiano. Aspetti e problemi in eta tardo antica / Cur. A. Camplani. Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 1997. P. 177–216.

14. *Wallis Budge E.A.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1914. 523 p.

A.A. Voytenko

Some Features of the Spatial Perception in Coptic Monastic Lives

The article based on the material of Coptic and Greek hagiography investigates the spatial representations of the Egyptian monks. The author comes to the conclusion that besides two large categories (“desert” and “outer world”) one can find in studied texts a more complex geography of space, e.g. representations about “outside” (or near) and “inner” (or further) deserts, some places in it endowed with special power, etc. The author also notes the desire of some monastic communities to point out their monastery as a special sacral space.

Keywords: hagiography; monasticism; Byzantine Egypt.

Р.В. Фурцев

Развитие политических отношений между Миланом и империей в период правления Фридриха III

В статье рассматривается комплекс проблем в политических взаимоотношениях между Миланом и Священной Римской империей во второй половине XV века. Автор раскрывает основные цели и задачи сторон и показывает способы их достижения. Особое внимание уделено истории вопроса и анализу политико-правового положения Милана и внешнеполитических факторов.

Ключевые слова: Италия; политика; империя; Милан; Сфорца; Фридрих III.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Вторая половина XV века стала важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В эту эпоху изменяются границы, складываются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Благодаря новой династии Сфорца политический вес Милана значительно возрос, но ее приход к власти не был безупречен с юридической точки зрения, что повлекло за собой шлейф нерешенных проблем. Ключевым являлся вопрос взаимоотношений со Священной Римской империей, леном которой он формально оставался.

Основы многосторонних отношений между империей и династией Сфорца были заложены еще в 1395 году, когда Милан получил статус герцогства и таким образом был превращен в имперское княжество, что автоматически означало ослабление власти немецкого монарха в этой части Италии. Эти обстоятельства оказывали влияние на всю последующую эпоху. Новые миланские герцоги из рода Висконти юридическими, экономическими и военными мероприятиями сумели создать себе фактически самостоятельное государство с немалым политическим весом. После 1395 года для правителей Милана первоочередными стали задачи избавления от остатков формального верховенства германских королей и полноправного вступления в круг европейских держав, что, казалось, было лишь вопросом времени и благоприятной политической конъюнктуры. Недаром курфюрсты низложили короля Вацлава, обвинив его в отделении Милана от империи, и избрали нового короля, который и должен был аннулировать эдикт 1395 года. Однако практическая невозможность отмены эдикта позволила герцогу Джангалеаццо Висконти

в итоге занять ключевую позицию во всей Италии и даже задуматься о титуле короля Италии. Но когда в 1438 году к управлению империей пришла сильная авторитетная династия Габсбургов, а в Милане, напротив, со смертью в 1447 году Филиппо, последнего потомка Висконти по мужской линии, наступил угрожающий вакуум власти, то положение радикально изменилось, и Милан был вынужден перейти к обороне. Ведь ленно-правовая принадлежность герцогства империи ставила любое урегулирование ситуации в Милане в зависимость от решения или как минимум согласия германского монарха, особенно с учетом все возрасставшего числа претендентов на ставший вакантным титул.

Воспользовавшись благоприятным моментом, претензии на власть в герцогстве стали выдвигать многие. Во-первых, следует указать на притязания неаполитанского короля Альфонса I из Арагонской династии, ссылавшегося на завещание Филиппо Висконти. При этом утверждение неаполитанца в Милане было бы, пожалуй, самым смелым и наверняка наилучшим решением в тогдашних итальянских условиях, но эта идея, естественно, не нашла поддержки у других ведущих игроков итальянской политической сцены. Во-вторых, сами миланцы требовали восстановления коммунальных свобод, т. е. права на республиканское правление в городе — предложение, которое император Фридрих III Габсбург, желавший извлечь из этого финансовую выгоду, не отвергал напрямую. Но ввиду размеров и стратегического положения герцогства, а также конкуренции со стороны других североитальянских городов, прежде всего Венеции, оно вряд ли было реализуемым на долгий срок. В-третьих, стоит обратить внимание на серьезные династические притязания на наследство Висконти. С одной стороны, Франция выводила из брака дочери Джангалеаццо с герцогом Орлеанским наследственные права, о которых король Карл VII тут же заявил в ситуации 1447 года, а с другой — требования, звучавшие из уст кондотьера Франческо Сфорцы, который был женат на дочери последнего герцога из рода Висконти. Однако очевидно, что кайзер вследствие ленного суверенитета империи не мог согласиться с подобными планами, поэтому их осуществления можно было добиться лишь военным путем. Но у Франции ввиду еще длившейся Столетней войны с Англией и напряженных отношений с Неаполем просто не было сил и средств, чтобы одновременно проводить силовую операцию и в Милане, чем незамедлительно и воспользовался Сфорца. В конечном счете военные успехи кондотьера всецело объяснялись слабостью остальных соперников и их вовлеченностью в разные конфликты. Наконец, следует упомянуть о проекте Фридриха III по возвращению ставшего вакантным имперского княжества под полную юрисдикцию империи. При этом универсалистские идеи Средневековья о сильной непосредственной власти кайзера в Италии перемешивались с империалистическими тенденциями Раннего Нового времени.

В итоге вопрос о преемстве власти в Милане был урегулирован не на основе принципов права, здравого смысла либо определенной политической концепции, а с помощью военной силы — когда Франческо Сфорца подошел со своей армией к стенам города и со свойственным ему прагматизмом решил ситуацию в свою пользу. Тем не менее принципиальная проблема —

как совместить внушительную военно-политическую силу с нелегитимным правовым статусом — оставалась и в различных формах определяла всю дальнейшую историю династии Сфорца. Франческо прекрасно осознавал ущербность собственного положения с юридической точки зрения, поэтому он сделал ставку на развертывание военной мощи, которая должна была служить ширмой отсутствующей легитимности. А борьба за главенство в Италии, как и во времена Висконти, сопровождалась упорным стремлением войти на равных в общество ведущих европейских держав.

Тот факт, что тогдашняя итальянская историография практически не затрагивает роль кайзера в этих событиях, является ярким выражением того, насколько глубоко различалось правосознание немцев и итальянцев. Габсбурги же в течение трех поколений неизменно сталкивались с проблемой, как отеснить династию Сфорца от управления Миланом и каким образом превратить бывшие имперские земли Ломбардии в домен Австрийского дома. При Фридрихе III в центре внимания находились юридические аспекты и аргументы, Максимилиан I использовал главным образом политические возможности империи, а в правление Карла V на повестку дня встала необходимость военной оккупации этих территорий. Причем стоит сказать, что и французские короли Карл VII, Людовик XII и Франциск I никогда не признавали представителей династии Сфорца в качестве законных правителей и на протяжении десятилетий осаждали Габсбургов настойчивыми просьбами о передаче им в лен в качестве легитимных наследников Висконти Миланского герцогства. В этих обстоятельствах становится совершенно очевидно, что достигнутая с 1395 года политическая самостоятельность Милана снова оказалась под угрозой после угасания рода Висконти. А их преемники, Сфорца, столкнулись уже с тем положением дел, при котором речь более не шла исключительно о владении герцогством: проблема приобрела поистине общеевропейское звучание.

Отношения Милана с империей в царствование Фридриха III, как кажется на первый взгляд, характеризовались путаницей юридических понятий, военной слабостью империи, финансовыми расчетами и политическими маневрами. По мнению итальянского медиевиста К. Паганини, финансовые требования, которые предъявлял Фридрих III Франческо и Галеаццо Марии Сфорца, свидетельствовали о том, что в тот период для империи решающую роль в этом деле играла только материальная выгода, и признание действующей власти в Милане рассматривалось только как чисто коммерческая сделка [4: р. 24]. Но если мы внимательно проанализируем политику всех Габсбургов, начиная с Фридриха III и заканчивая Карлом V, в отношении династии Сфорца в 1447–1535 годы, то мы увидим очевидную тенденцию притягивания Милана к империи и соответственно к Габсбургскому дому под предлогом неопределенности в правах наследования. Следовательно, хотя для имперской власти возможность урегулирования спора о правопреемстве в герцогстве и открывало финансовые перспективы, но все же более важной для Габсбургов была юридическая сторона дела. Они изначально считали себя законными претендентами с наибольшими правами на наследство Висконти, так что фактическая реализация этих прав зависела исключительно

от соотношения сил и политической обстановки. Эта тактика проявилась уже сразу после смерти Филиппо, когда в сентябре 1447 года Фридрих III отправил посольство в Милан, дабы принять от горожан клятву верности империи [1: № 2341]. Кайзер при этом исходил из того, что герцогство перешло в собственность империи как выморочный лен, поэтому его уполномоченные потребовали привести правоотношения с империей в прежнее состояние до 1395 года [5: s. 186], что наверняка означало бы ликвидацию статуса герцогства и возвращение Милана под прямую имперскую власть, осуществляемую посредством назначенного германским монархом наместника. Делегаты горожан, в свою очередь, заявили послам о готовности миланцев принять имперского наместника и выплачивать ежегодную дань в 50 тыс. гульденов, но при условии сохранения сенатской, т. е. республиканской формы правления. Однако послы Габсбурга, ссылаясь на недостаточность собственных полномочий, не приняли данного предложения. А после того как Фридрих III не оказал помощи осажденному войсками Сфорцы Милану, город в итоге покорился кондотьеру, и Франческо принял герцогские регалии из рук представителей городского совета. Но Сфорца считал себя герцогом не по милости кайзера или народа, а в силу собственных заслуг и личной воинской доблести. Он вступил в город как защитник и спаситель свободы Милана, не испрашивая разрешения у императора и не присягая ему на верность. Тем не менее Франческо никогда не оспаривал формальную принадлежность герцогства империи и с удовольствием принял бы инвеституру из рук кайзера, но при этом он категорически отказывался уплачивать Габсбургу требуемые 50 тыс. гульденов в год и нести ленные повинности.

Причем в этом деле для Фридриха III играл существенную роль скорее не финансовый, а прежде всего правовой аспект. В своем послании к папе он заявил, что не позволит, чтобы от него отделялись пустыми словами, и что не собирается отправляться в Милан для получения ломбардской короны, так как город «в открытом мятеже против империи незаконно назначил себе правителя». В то время как Франческо Сфорца полагал, что «от герцогства, приобретенного военной силой, нельзя было ничего никому уступать» [5: s. 128].

Таким образом, мнения сторон были диаметрально противоположными. При этом в рамках имперского права обе позиции были спорны и проблематичны. Ведь очевидно, что обе стороны стремились мнимыми аргументами и софизмами устранить существующее правовое положение. Разве было оправданным поведение Сфорцы, когда он, заявляя о своем желании принять от кайзера инвеституру и о согласии с тезисом верховенства империи, одновременно утверждал, что отказывается исполнять любые повинности? И это при том, что в Германии было обычной практикой разово уплачивать значительные суммы, называемые *Lehensware* (ленный товар), при поступлении имперского лена в распоряжение новой династии. Так было, к примеру, в случае с Гогенцоллернами в Бранденбурге в 1412 году, с Веттинами в Саксонии в 1423 году, равно как и при инвестировании герцога Савойского Женевским графством в 1422 году. Если вспомнить к тому же, что Максимилиан I в 1504 году потребовал от французского короля Людовика XII 120 тыс. гульденов

за миланскую инвестицию, то единовременная выплата 50 тыс. гульденов в 1447 году явно не казалась слишком высокой [3: s. 164]. В конце концов отказ Франческо нести какие-либо ленные повинности и его чисто вербальное признание верховенства империи было выражением того факта, что миланский герцог в реальности чувствовал себя полностью независимым от империи.

Но, с другой стороны, так же очевидно, что регулярные платежи в сумме 50 тыс. гульденов, которые постоянно требовал от Сфорцы Фридрих III, никоим образом не могли юридически являться *Lehensware*. Здесь речь идет скорее о выплатах ежегодной дани на постоянной основе, что, по сути, никак не вяжется с вассально-ленными отношениями. Такие требования обычно выдвигались лицам, находившимся в личной зависимости от господина, либо покоренному населению, но уж никак не имперским князьям — даже с учетом того, что Сфорца был явным узурпатором. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что кайзер рассматривал Милан скорее не как имперский лен, а как подчиненную непосредственно ему коронную территорию, с которой он был вправе истребовать любые повинности, что походило бы на реставрацию порядков до инвестиции 1395 года.

Принципиальный характер обоюдных претензий и взаимный отказ вступать в переговоры по спорным вопросам указывают на непримиримость позиций и целевые установки, которые могли быть реализованы лишь полной победой одной из сторон. Но император был слишком умен и хитер, чтобы доводить дело до вооруженной конфронтации. Тем не менее Габсбург продолжал дипломатическими и политико-юридическими мерами держать под постоянной угрозой власть Сфорцы в Милане, всячески давая понять, что он не признает новую династию миланских правителей. Так, в 1452 году Фридрих III заключил союз с неаполитанским королем Альфонсом I, пообещавшим главе империи помощь в завоевании Милана [1: № 2827]. Кайзер также щедро жаловал дворянские титулы и земли в миланском контадо [1: № 2687, 2846], раздавал привилегии и легитимации местной знати [1: № 3385, 3458, 8182]. И, наконец, неоднократно инвестициями маркграфов Мантуи и Монферрата, а также герцогов Савойских [1: № 1918, 1955] он недвусмысленно напоминал Франческо о его нелегитимном статусе, таким образом заявлял о правах империи в Милане, тем самым имплицитно оспаривая власть Сфорцы. Однако Габсбург не пошел на крайние меры: не стал подвергать герцога опале и объявлять ему имперскую войну. Кроме того, он проигнорировал настоятельные просьбы своего кузена, эрцгерцога Сигизмунда Тирольского, о передаче тому в лен Миланского герцогства [1: № 2309, 7123]. И только спустя два года после смерти первого Сфорцы, в 1468 году, кайзер официально объявил о лишении сына и преемника Франческо, герцога Галеаццо Мария, имперских ленов [6: s. 138]. В тот момент казалось, что вот-вот близилась развязка многолетнего спора. Однако и на этот раз Фридрих III, стремясь устранить новоявленную династию с политической сцены, не отважился назначить нового герцога, а предпочел оставить ситуацию в подвешенном состоянии, вероятно, сохраняя шансы на возможное примирение.

Такая нерешительность и даже деликатность в отношении семейства Сфорца была характерной чертой фирменного стиля Фридриха III, который

уничтожал своих противников только тогда, когда был полностью уверен в их безвредности. Поэтому реальная причина подобного поведения германского монарха объяснялась военной мощью миланских герцогов, их немалыми политическими успехами и авторитетом на международной арене. Так, венгерские Корвины, заклятые враги Габсбургов, естественно, стали ближайшими союзниками Милана, а король Маттеуш Корвин даже нанес в 1474 году официальный визит герцогу Галеаццо Мария [2: № 2, 3]. В самой Италии позиции миланских правителей были сильны как никогда. После ряда побед Франческо над венецианцами и обеспечения «итальянского политического равновесия» в результате инициированного им Лодийского мира 1454 года герцог фактически стал третейским судьей во внутриитальянских конфликтах. Дав решительный отпор попыткам Флоренции вернуть к власти в Неаполе французскую династию Анжу и активно поддержав Арагонский дом, Сфорца снова продемонстрировал свое политическое преимущество и косвенно даже оказал ценную услугу империи. Ведь тем самым перспективы анжуйцев на занятие неаполитанского трона становились ничтожными, что, в свою очередь, делало маловероятным военное вмешательство Франции в Италию.

Однако в итоге непреклонность кайзера все-таки заставила Франческо Сфорцу пойти на сближение с Францией и заключить с ней военно-политический альянс, тем более что герцог добился от Людовика XI передачи Милану Генуи и Савоны. Ввиду блестящих внешнеполитических позиций Сфорцы Фридрих III не мог представлять для него серьезную угрозу. Но пока Франческо брал на себя функцию по удержанию французов от вмешательства в итальянские дела, подобный статус-кво удовлетворял Габсбурга, а время и без того работало на империю.

При Галеаццо Мария ситуация изменилась, поскольку лишение его Фридрихом III имперских ленов в 1468 году вынудило второго герцога Сфорцу предпринимать активные действия и пойти на более тесный союз с Францией, дабы с французской помощью укрепить собственное положение в Северной Италии и успешно противостоять притязаниям главы империи. В основе помолвки его трехлетней дочери Бьянки Марии с юным герцогом Филибертом Савойским лежала идея раздела Савойи между Миланом и Францией. В беседах же с кардиналом Риарио, родственником папы Сикста IV, Галеаццо Мария, чувствуя поддержку Людовика XI, выражал даже желание получить из рук понтифика титул короля Ломбардии. И хотя потом он на короткое время изменил союзническим отношениям с Францией, заключив пакт с Бургундией — в тот период, когда вражда бургундского герцога Карла Смелого с Фридрихом III достигла своего апогея, — но после битвы при Муртене второй Сфорца вернулся к союзу с Францией, верно соблюдая его вплоть до своей гибели.

Однако, несмотря на свою интенсивную профранцузскую политику, Галеаццо Мария в то же время неустанно старался добиться от кайзера реституции имперских ленов. Активную роль в этом деле играл миланский канцлер Панигарола, пускавший в ход все свои дипломатические дарования и изобретательность. Именно ему принадлежит авторство необычных, порой весьма странных идей, с помощью которых он надеялся решить эту задачу: канцлер то высказывал

мысли о возможности использования фальшивых грамот и привилегий [2: № 11], то вынашивал планы женитьбы сына герцога на дочери императора [2: № 19], то, наконец, предлагал поддержать Габсбурга в его борьбе против швейцарцев [2: № 22]. Но поскольку Галеаццо Мария, как и его отец, был твердо убежден в том, что он является герцогом «исключительно по воле Божьей и с согласия всех народов и правителей Италии» и не собирался отказываться от «своего имени, достоинства и репутации» [7: р. 258], о чем он неоднократно ставил в известность Фридриха III, то миланский вопрос для империи за 12 лет правления второго Сфорцы ни на йоту не сдвинулся с мертвой точки и фактически повис в воздухе.

Убийство герцога в конце 1476 года, наступивший одновременно кризис в отношениях Габсбурга с Венгрией и внутренние распри в Милане по поводу престолонаследия так и не позволили урегулировать миланскую проблему вплоть до конца правления Фридриха III. После почти 50-летней конфронтации мнения сторон не изменились. Но политическая обстановка в Европе и Италии была уже не той, как в 1447–1450 годы. Многочисленные тщетные попытки Франческо и Галеаццо Мария узаконить собственное положение в рамках империи показали, что достичь полного суверенитета миланского государства в тех условиях было невозможно. Политическое сближение династии Сфорца с Францией дало французским королям власть и влияние в Милане, а также реальную возможность претендовать на герцогство. Самим же герцогам это сотрудничество в итоге не принесло ничего плодотворного, более того, во Франции никогда не забывали о притязаниях Орлеанского дома на наследство Висконти. С другой стороны, исходя из правовых устоев той эпохи, Сфорца не могли в одностороннем порядке игнорировать юридические претензии империи. Наконец, покушение 1476 года наглядно продемонстрировало, что даже внутри Милана власть династии не была бесспорна. А так как после гибели Галеаццо Мария миланское правительство постоянно вынуждено было лавировать между Францией и империей, растрачивая силы к тому же и на поддержание политической стабильности внутри герцогства, то начиная с 80-х годов XV века о военном решении вопроса о государственном суверенитете не могло более идти речи. Даже от бывшего лидерства Милана среди итальянских государств не осталось и следа. Собственно говоря, после 1476 года на повестку дня встал уже вопрос о самом выживании Милана как самостоятельного герцогства.

При более детальном рассмотрении становится очевидным, что проблема взаимоотношений Милана и империи осталась неразрешенной в основном по двум причинам. С одной стороны, у Милана просто не хватило сил, чтобы сбросить с себя правовую зависимость от империи и стать суверенным государством. А с другой — в тех политических условиях, которые сложились в Италии и которые характеризовались, в частности, системой сдержек и противовесов, Милан не мог обрести полную свободу, потому что это было невыгодно другим государствам полуострова. Здесь можно упомянуть сложные отношения Милана с Венецией и Генуей, что имело не только локальное значение, но и сказывалось на ситуации во всей Италии. Кроме того, особые

связи, установившиеся между папством и империей, а также перманентное стремление Арагонской династии в Неаполе играть доминирующую роль на всем полуострове не позволили бы в тех политических реалиях создать мощное независимое Миланское государство, которое могло бы занять лидирующие позиции в Италии и подчинить своей власти другие итальянские государства. В этом отношении попытка династии Сфорца добиться самостоятельности Милана с помощью Габсбургов или Валуа не только таила в себе противоречие, но в итальянских условиях вообще была совершенно преждевременной и бесполезной. Не случайно путь Италии к образованию собственного государства был дольше, чем у других европейских народов, и не случайно отношения между обществом и государством и поныне складываются в этой стране весьма проблематично — именно потому, что из-за универсальных связей Италии там слишком поздно сформировалось единое государство.

Литература / References

1. *Chmel J.* Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Herzoge von Mailand von 1452 bis 1513 // Notizenblatt-Beilage zum Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. 6 Jg. Stuttgart: Niemeyer, 1856. 653 s.
2. *Chmel J.* Regesta chronologico-diplomatica Friderici III. Berlin: Fritsch, 1838. 425 s.
3. *Goez W.* Der Leihzwang. München: Bohlau, 1962. 179 s.
4. *Paganini C.* Divagazioni sulla documentazione fra Milano e l'impero per l'investiture ducale. Squarcid, Archivio Sforzesco. Milano: Laterza, 1981. 215 p.
5. *Piccolomini E. S.* Die Geschichte Kaiser Friedrichs III. T. 1. Köln: Beck, 1897. 305 s.
6. *Schelle K.* Die Sforza. Wien: Bohlau, 1980. 224 s.
7. *Visconti A.* Storia di Milano. T.7. Milano: Ceschina, 1956. 371 p.

R.V. Furtsev

Development of Political Relations between Milan and the Empire during Period of the Reign of Frederick III

The article considers the complex of problems in the political relationships between Milan and the Holy Roman Empire in the second half of the XV century. The author reveals the main goals and objectives of the parties, and shows the ways to achieve them. Particular attention is paid to the history of the problem and analysis of the political and legal status of Milan and external factors.

Keywords: Italy; politics; Empire; Milan; Sforza; Frederick III.

С.В. Аверин

Индийские войска на фронтах Второй мировой войны: историографический обзор

Статья является попыткой в общих чертах охарактеризовать основные достижения в изучении военной истории Индии в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; индийские войска; армия; история; военный период; кампания.

Британская Индия была активным участником Второй мировой войны. Ее вклад в разгром фашизма не может быть недооценен. Он заключается не только в экономической поддержке воюющей Великобритании, но и в значительной непосредственной военной помощи. В течение всей войны Индия была главным источником ресурсов для Великобритании; контроль над ней являлся ключевым фактором победы как для Антигитлеровской коалиции, так и для стран «оси». Однако до последнего времени тема непосредственного военного участия Индии во Второй мировой войне не получила широкого освещения и не была должным образом исследована. Основное внимание уделялось изучению внутренней политики Индии в связи с тем, что в военный период в стране произошло резкое усиление национально-освободительного движения, завершившееся освобождением страны от колониальной зависимости.

Цель данной статьи — показать уровень изучения в зарубежной и отечественной исторической науке участия индийских войск во Второй мировой войне.

В западной исторической науке существует лишь незначительное число работ на данную тему. Первые исследования по истории индийской армии в военный период появились в 1950-х годах. Так, в книге британского военного историка Э. Бретт-Джеймса о боевом пути 5-й индийской дивизии дается подробное описание этого наиболее активного соединения индийской армии. В ней можно найти не только отражение участия данного соединения в боевых действиях, но и информацию о повседневной жизни солдат в условиях войны, перемещениях частей и подразделений дивизии, биографические материалы о командирах как самой дивизии, так и ее бригад, батальонов, мобильных групп и т. д. Однако большим минусом этого труда является его односторонность: в нем практически нет сведений о положении противника, его конкретных задачах, действиях войск в обороне и наступлении [15].

Одновременно данную тему поднял британский писатель и историк К. Маккензи, один из томов которого полностью посвящен роли индийской армии во Второй мировой войне [33].

Следует отметить, что основные исследования по данной проблематике появились в последние десятилетия. В них излагаются материалы по истории индийской армии, ее отдельных частей и подразделений в военные годы, проводится широкий анализ действий индийских войск на различных фронтах войны. Основные авторы Г. Данлоп [20], Д. Мартсон [35], Т. Мореман [36], Р. Джонсон [27], К. Кемптон и др. Трехтомник К. Кемптона посвящен периоду 1939–1947 годов. В нем дается подробный обзор индийских войск и их боевого применения в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Восточной и Северной Африке, отдельные тома посвящены дивизиям, бригадам и батальонам [28–30].

Г. Данлоп подвергает историческому анализу кампанию в Бирме, рассматривая период с ее ключевых битв под Мандалаем и Мейктилой и до взятия Рангуна в 1945 году. На основе материалов анализа он обосновывает утверждение о том, что взятие Рангуна стало последней и самой великой победой индийской армии.

Т. Мореман прослеживает изменение тактики боевых действий индийских войск в войне на территории Бирмы, развитие и совершенствование которой позволило индийцам в период араканских кампаний эффективно уничтожать японские оборонительные бункеры.

Р. Джонсон посвятил свою работу роли индийских войск в обеспечении внутренней безопасности страны, поддержки обороноспособности в сложный период угрозы японского вторжения.

Важными для изучения истории индийской армии в этот период являются и вышедшие в первые послевоенные десятилетия многотомные работы британских [25], австралийских [37], новозеландских [46] и других историков, создавших так называемую официальную историю своих вооруженных сил во Второй мировой войне. Так как индийские войска воевали в составе британской армии и активно взаимодействовали с формированиями других государств, эти труды, безусловно, существенно дополняют материалы по данной проблематике.

Во 2-й половине XX и начале XXI века было опубликовано большое количество литературы о Второй мировой войне, где в контексте военных действий Антигитлеровской коалиции затрагивается и история индийских вооруженных формирований, например, работы Д. Рольфа и С. Митчема о военных действиях на территории Ливии и Туниса в 1942–1943 годах, основанные на различных документах и мемуарах [4]. Авторы очень подробно описывают войну в условиях африканских пустынь и гор, где кроме британских военнослужащих активно действовали и военнослужащие из британских колоний и доминионов. Индийские войска показаны здесь в качестве одного из важнейших компонентов сил союзников. В работах американских военных историков П. Хойта [26] и М. Блюменсона [14] подробно анализируется ход кампании по освобождению Италии в 1943–1945 годах, при этом уделяется внимание и действиям индийских воинских формирований в составе армии союзников. Авторы отмечают мужество индийцев в боях и их большой опыт войны в горных условиях.

Особую роль индийские вооруженные силы сыграли во время кампании в Бирме и при обороне Индии в 1942–1945 годах, где индийские войска приняли самое активное участие. Из внушительного числа литературы по этой теме можно выделить работу британского историка Дж. Томпсона [47], созданную на основе широкого круга документов из британских архивов. Его исследование построено большей частью на высказываниях непосредственных участников событий. Присутствует значительное количество комментариев рядовых индийских военнослужащих и командиров индийских формирований, которые описывают происходившие события со своей стороны.

В монографии американского военного историка Дж. Тэйлора [45], опубликованной в 1957 году, акцент сделан на раскрытии особенностей воздушного снабжения воюющих в Бирме войск союзников, в том числе индийцев. Подробно характеризуется сам процесс снабжения и формы его организации в разные периоды кампании. По мнению автора, именно умелая организация снабжения сыграла решающую роль в успехах союзников.

Ряд сведений об участии в войне индийских войск можно найти в сериях иностранных военных книг и журналов, например в книгах издательства «Оспрей паблишинг» [22; 23; 32], французском военном журнале «Милитария магазин» [16]. В отдельных публикациях серий на основе индийских и британских источников в общих чертах рассматривается индийская армия: история ее развития в целом в данный период, история отдельных формирований, созданных из представителей индийских этнических групп, активно участвовавших в разгроме фашизма [17; 43; 44].

Индийская историческая наука внесла свой весомый вклад в изучение и публикацию материалов по военному участию Индии во Второй мировой войне. Война еще не закончилась, а правительство Индии начало сбор соответствующих материалов для написания истории индийских вооруженных сил в данный период. Даже раздел Индии не повлиял на эту работу, она продолжилась теперь уже совместно с индийскими и пакистанскими специалистами под руководством академика Б. Прасада. В результате в 1950–1960-х годах группа индийских авторов при министерстве обороны Индии, включавшая нескольких генералов, историков, военного советника Пакистана, создала серию «Официальная история индийских вооруженных сил во Второй мировой войне». Серия состоит из 25 книг и охватывает историю всех видов и родов индийских вооруженных сил за весь период Второй мировой войны, уделяя основное внимание участию в военных действиях. При создании работы авторы опирались на широкий круг различных документов, а также рассказы участников событий. Каждый том серии касается отдельного театра военных действий. Так, книга П. Бхаруча посвящена военным действиям в Северной Африке [13], Б. Прасада — кампании в Восточной Африке [38]. Эти авторы раскрыли действия индийских войск в африканском регионе наиболее подробно, выделяя важнейшую роль 4-й и 5-й индийских дивизий в освобождении Эфиопии, Ливии, Египта, Туниса от итало-германских войск. П. Дхарм описывает боевой путь 4-й, 8-й и 10-й индийских дивизий в Италии в 1943–1945 годах [21].

Он же подготовил отдельный том об операциях против лояльных Германии правительств в Иране, Сирии и Ираке [19].

4 тома, авторами которых соответственно являются Б. Прасад, Н. Мадан, К. Бхаргава и П. Кхера, содержат материал о боях у границ Индии на территории Бирмы: 1-й том — об отступлении из Бирмы в 1942 году [40]; 2-й — об Араканской операции 1942–1945 годов [34], 3-й — о военных действиях в июне 1942-го – июне 1944 года [41], 4-й — о полном освобождении Бирмы в период с июня 1944-го по август 1945 года [31].

Отдельный том описывает боевые действия в Юго-Восточной Азии на территории Малайи, Сингапура, Гонконга и Борнео в период наступления японской армии [12]. В нем упор делается на оборонительных операциях индийских частей и подразделений на территории этих государств, подчеркивается особая роль, которую они сыграли в условиях, когда боевая подготовка союзников не была проведена должным образом.

Несколько томов посвящены истории индийского флота и авиации [18; 24], развитию индийских вооруженных сил [39], применению индийских войск в послевоенной оккупации и другим аспектам [42].

В последние годы, в силу растущего интереса к данной тематике, начался процесс переиздания этих научных трудов. Так, к 2013 году американское издательство «Пентагон» выпустило первые восемь томов в современном, качественном оформлении.

Вышли и другие работы современных индийских историков. Т. Баркави [11] провел и опубликовал исследование идеологических и культурных особенностей индийской армии в изучаемый период. В своей статье он рассматривает историю индийских вооруженных сил с точки зрения военной истории и военной социологии, делая акцент на анализе идеологических и культурных основ подготовки индийской армии в годы войны, показывает влияние этих факторов на боеспособность индийских военнослужащих. Он выделяет два подхода к военному делу: западный и не западный, сам являясь сторонником комбинированного подхода.

В отечественной исторической литературе данная тема разработана меньше. В советские годы каких-либо значимых трудов по истории индийской армии, с анализом боевых действий в годы войны не было. Были отдельные попытки описать участие Индии в вооруженном конфликте в работах по истории Второй мировой войны в целом [2], а также в ходе отдельных ее кампаний и сражений [10]. Для советской историографии характерны обвинения западных держав в пассивности, в развязывании мировой войны, преувеличении своих побед и преуменьшении роли Советского Союза. Для историографии того времени типично также считать все сражения на других фронтах, кроме советско-германского, второстепенными, а политику западных держав — империалистической. Например, с такой позиции о военных кампаниях западных стран повествуют исследования В.А. Секистова [9] и В.Я. Аварина [1].

Однако в постсоветский период интерес к данной теме значительно вырос, появились новые небольшие работы. Так, М.Ю. Крысин дает краткое описание истории индийской армии, выделяет ее особенности в период 1939–1945 годов,

в общих чертах затрагивает боевой путь [3]. Опубликован ряд исследований, в которых проводится анализ военных кампаний западных союзников. В частности, положением в Юго-Восточной Азии в эти годы занимался И.В. Можейко. Он подробно останавливается на обстановке накануне вторжения Японии, военных действиях и оккупационной политике в регионе [5]. Появляются материалы об индийских войсках на различных театрах военных действий. Например, статья Ю.Н. Мостяева посвящена боевым действиям в Бирме в 1942–1943 годах. Автор подробно описывает действия индийских дивизий в Араканской операции, и в целом, наряду со многими другими историками, признает ее неудачной. Неудачным он считает и время ее проведения, так как в Индии сказывалась внутренняя напряженность, связанная со втягиванием народа в войну британским правительством, а инициатива на фронтах оставалась в пользу стран «оси» [7].

Другая статья Ю.Н. Мостяева посвящена участию индийских вооруженных сил в операциях в Италии. Здесь речь заходит о битве у Монте-Кассино, где союзные войска пытались осуществить прорыв линии Густава, что открывало бы для них прямой путь на Рим. Автор показывает, что индийские дивизии сыграли в этих боях значительную роль, а сами сражения стали переломными для всей итальянской кампании 1943–1945 годов [8].

В 2012 году была опубликована диссертация Ю.Н. Мостяева по истории Индии в исследуемый период, в которой автор формулирует вклад Индии в победу над фашизмом в годы Второй мировой войны. Отдельная глава посвящена действиям индийских войск на всех театрах военных действий. Для отечественной историографии эту работу можно считать первой, в которой детально, на основе широкого круга материалов изучено участие индийских войск в конфликте [6].

Таким образом, в данной статье показано, что изучение военной истории Индии в годы Второй мировой войны началось сразу же после ее завершения. Зарубежная историческая наука, особенно британская и индийская, внесли значительный вклад в раскрытие данной темы, акцентируя внимание не только на общих деталях участия индийских военнослужащих в войне, но и на рассмотрении истории конкретных воинских формирований. В отечественной науке тема истории индийских вооруженных сил и их участия в войне долгое время оставалась неразработанной. Тенденция к изменению этой ситуации наблюдается в последние десятилетия.

В целом для изучения данной темы есть достаточно хороший потенциал, на основании которого можно популяризировать историю Индии и ее значение в крупнейших международных конфликтах.

Литература

1. *Аварин В.Я.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М.: Госполитиздат, 1947. 470 с.
2. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М.: Воениздат, 1973–1982.
3. *Крысин М.Ю.* Индийская армия 1939–1945. М.: АСТ; Астрель, 2003. 65 с.
4. *Митчем С., Рольф Д.* Война в Северной Африке 1942–1943. М.: АСТ, 2002. 704 с.
5. *Можейко И.В.* Западный ветер — ясная погода. М.: АСТ, 2001. 541 с.

6. *Мостяев Ю.Н.* Вклад Индии в общую победу союзников над странами «оси» в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. 273 с.
7. *Мостяев Ю.Н.* Участие индийских войск в Араканской наступательной операции «Анаким» // Российский научный журнал. 2011. № 5. С. 69–75.
8. *Мостяев Ю.Н.* Участие индийских войск в наступательной операции союзников в Италии в ходе боев за Монте-Кассино» // Российский научный журнал. 2011. № 6. С. 38–43.
9. *Секистов В.А.* Война и политика. Военно-политический очерк военных действий в западной Европе и бассейне Средиземного моря. 1939–1945. М.: Воениздат, 1970. 496 с.
10. *Секистов В.А.* «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939–1943 гг.) М.: Воениздат, 1958. 420 с.
11. *Barkawi T.* Culture and Combat in the Colonies: The Indian Army in the Second World War // Journal of Contemporary History. 2006. № 2. P. 325–355.
12. *Bhargava M., Sastri K.* Campaigns in South-East Asia, 1941–1942. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Kanpur: Combined Inter-Services Historical Section, 1960. 424 p.
13. *Bharucha P.* The North African Campaign, 1940–1943. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1956. 567 p.
14. *Blumenson M.* Salerno to Cassino. Washington: U.S. Army Center of Military History, 1969. 516 p.
15. *Brett-James A.* The Fifth Indian division in the Second World War. Aldershot: Gale Polden LTD, 1951. 481 p.
16. *Buffetaut Y.* La guerre du desert. Tobrouk. Première partie // Militaria Magazine. Les grandes batailles de la Seconde Guerre mondiale. 1992. № 3. 81 p.
17. *Chappell M.* The Gurkhas. Oxford: Osprey Publishing, 1995. 64 p.
18. *Collins D.* The Royal Indian Navy, 1939–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Agra: Combined Inter-Services Historical Section, 1964. 385 p.
19. *Dharm P.* Campaign in Western Asia. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1957. 570 p.
20. *Dunlop G.* Military Economics, Culture and Logistics in the Burma Campaign, 1941–1945. London: Pickering & Chatto, 2009. 272 p.
21. *Dharm P.* The Campaign in Italy, 1943–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1960. 699 p.
22. *Ford K.* El Alamein 1942. The Turning of the Tide. New York: Osprey Publishing, 2005. 96 p.
23. *Ford K.* Gazala 1942. Rommel's greatest victory. New York: Osprey Publishing, 2008. 96 p.
24. *Gupta S.* History of the Indian Air Force, 1933–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, 1961. 194 p.
25. History of the Second World War by Butler J. London: HMSO, 1949–1994.
26. *Hoyt E.* Backwater War: The Allied Campaign in Italy, 1943–1945. Westport, CT: Praeger Publishers, 2002. 225 p.

27. *Johnson R.* The Indian Army and Internal Security 1919–1946 // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
28. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. I. Divisions. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 161 p.
29. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. II: Brigades. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 108 p.
30. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. III: Deployment of regiments & battalions, higher formations, forces & columns, the army in India, maps. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 150 p.
31. *Khera P., Prasad S.* The Reconquest of Burma. Vol. II: June 1944 – August 1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1959. 566 p.
32. *Lyman R.* Kohima 1944. The battle that saved India. Oxford: Osprey Publishing, 2010. 96 p.
33. *Mackenzie C.* Eastern Epic. Vol. I: September 1939 – March 1943. Defence. London: Chatto & Windus, 1951. 623 p.
34. *Madan N.* The Arakan Operations, 1942–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. New Delhi: Combined Inter-services Historical Section, 1954. 371 p.
35. *Marston D.* The War in Burma: The 7/10th Baluch Experience // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
36. *Moreman T.* From the Desert Sands to the Burmese Jungle: The Indian Army and the Lessons of North Africa, September 1939 – November 1942 // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
37. Official Histories of Australia in the War of 1939–1945 by Long G. Canberra: Australian War Memorial, 1952–1977.
38. *Prasad B.* East African Campaign, 1940–1941. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, 1963. 180 p.
39. *Prasad S.* Expansion of the Armed Forces and Defence Organization, 1939–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1956. 546 p.
40. *Prasad B.* The Retreat from Burma, 1941–1942. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. New Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, Orient Longmans, 1954. 501 p.
41. *Prasad S., Bhargava K., Khera P.* The Reconquest of Burma. Vol. I: June 1942 – June 1944. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1958. 467 p.
42. *Singh R.* Post-War Occupation Forces: Japan and South-East Asia. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Kanpur: Combined Inter-Services Historical Section, 1958. 317 p.
43. *Sumner I.* Men at War 1914–1945. The Indian army 1914–1947. Oxford: Osprey Publishing, 1996. 17 p.
44. *Sumner I.* The Indian army 1914-1947. Oxford: Osprey Publishing, 2001. 65 p.
45. *Taylor J.* Air Supply in the Burma Campaigns. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University USAF Historical Division Study, 1957. 163 p.

46. The Official History of New Zealand in the Second World War 1939–1945 by Kippenberger H. Fairbrother M. Wellington: War History Branch, Department of Internal Affairs, 1949–1986.

47. *Thompson J.* Forgotten Voices of Burma. London: Ebury Press, 2009. 384 p.

References

1. *Avarin V.Ya.* Bor'ba za Tixij okean. Yaponno-amerikanskije protivorechiya. M.: Gospolitizdat, 1947. 470 s.

2. *Istoriya Vtoroj mirovoj vojny' 1939–1945: v 12 t.* M.: Voenizdat, 1973–1982.

3. *Kry'sin M.Yu.* Indijskaya armiya 1939–1945. M.: AST; Astrel', 2003. 65 s.

4. *Mitchem S., Rol'f D.* Vojna v Severnoj Afrike 1942–1943. M.: AST, 2002. 704 s.

5. *Mozhejko I.V.* Zapadny'j veter — yasnaya pogoda. M.: AST, 2001. 541 s.

6. *Mostyaev Yu.N.* Vklad Indii v obshhuyu pobedu soyuznikov nad stranami «osi» v gody' Vtoroj mirovoj vojny': dis. ... kand. ist. nauk. Ryazan', 2012. 273 s.

7. *Mostyaev Yu.N.* Uchastie indijskix vojsk v Arakanskoj nastupatel'noj operacii «Anakim» // Rossijskij nauchny'j zhurnal. 2011. № 5. S. 69–75.

8. *Mostyaev Yu.N.* Uchastie indijskix vojsk v nastupatel'noj operacii soyuznikov v Italii v xode boev za Monte-Kassino» // Rossijskij nauchny'j zhurnal. 2011. № 6. S. 38–43.

9. *Sekistov V.A.* Vojna i politika. Voенно-politicheskij oчерk voенny'x dejstvij v zapadnoj Evrope i bassejne Sredizemnogo morya. 1939–1945. M.: Voenizdat, 1970. 496 s.

10. *Sekistov V.A.* «Strannaya vojna» v Zapadnoj Evrope i v bassejne Sredizemnogo morya (1939–1943 gg.) M.: Voenizdat, 1958. 420 s.

11. *Barkawi T.* Culture and Combat in the Colonies: The Indian Army in the Second World War // Journal of Contemporary History. 2006. № 2. P. 325–355.

12. *Bhargava M., Sastri K.* Campaigns in South-East Asia, 1941–1942. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Kanpur: Combined Inter-Services Historical Section, 1960. 424 p.

13. *Bharucha P.* The North African Campaign, 1940–1943. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1956. 567 p.

14. *Blumenson M.* Salerno to Cassino. Washington: U.S. Army Center of Military History, 1969. 516 p.

15. *Brett-James A.* The Fifth Indian division in the Second World War. Aldershot: Gale Polden LTD, 1951. 481 p.

16. *Buffetaut Y.* La guerre du desert. Tobrouk. Première partie // Militaria Magazine. Les grandes batailles de la Seconde Guerre mondiale. 1992. № 3. 81 p.

17. *Chappell M.* The Gurkhas. Oxford: Osprey Publishing, 1995. 64 p.

18. *Collins D.* The Royal Indian Navy, 1939–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Agra: Combined Inter-Services Historical Section, 1964. 385 p.

19. *Dharm P.* Campaign in Western Asia. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1957. 570 p.

20. *Dunlop G.* Military Economics, Culture and Logistics in the Burma Campaign, 1941–1945. London: Pickering & Chatto, 2009. 272 p.

21. *Dharm P.* The Campaign in Italy, 1943–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1960. 699 p.
22. *Ford K.* El Alamein 1942. The Turning of the Tide. New York: Osprey Publishing, 2005. 96 p.
23. *Ford K.* Gazala 1942. Rommel's greatest victory. New York: Osprey Publishing, 2008. 96 p.
24. *Gupta S.* History of the Indian Air Force, 1933–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, 1961. 194 p.
25. History of the Second World War by Butler J. London: HMSO, 1949–1994.
26. *Hoyt E.* Backwater War: The Allied Campaign in Italy, 1943–1945. Westport, CT: Praeger Publishers, 2002. 225 p.
27. *Johnson R.* The Indian Army and Internal Security 1919–1946 // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
28. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. I. Divisions. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 161 p.
29. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. II: Brigades. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 108 p.
30. *Kempton C.* Loyalty & Honour: The Indian Army: September 1939 – August 1947: in III pts. Pt. III: Deployment of regiments & battalions, higher formations, forces & columns, the army in India, maps. Milton Keynes: The Military Press, 2003. 150 p.
31. *Khera P., Prasad S.* The Reconquest of Burma. Vol. II: June 1944 – August 1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1959. 566 p.
32. *Lyman R.* Kohima 1944. The battle that saved India. Oxford: Osprey Publishing, 2010. 96 p.
33. *Mackenzie C.* Eastern Epic. Vol. I: September 1939 – March 1943. Defence. London: Chatto & Windus, 1951. 623 p.
34. *Madan N.* The Arakan Operations, 1942–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. New Delhi: Combined Inter-services Historical Section, 1954. 371 p.
35. *Marston D.* The War in Burma: The 7/10th Baluch Experience // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
36. *Moreman T.* From the Desert Sands to the Burmese Jungle: The Indian Army and the Lessons of North Africa, September 1939 – November 1942 // The Indian Army in the Two World Wars by Roy K. Lieden & Boston: BRILL, 2011. 554 p.
37. Official Histories of Australia in the War of 1939–1945 by Long G. Canberra: Australian War Memorial, 1952–1977.
38. *Prasad B.* East African Campaign, 1940–1941. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, 1963. 180 p.
39. *Prasad S.* Expansion of the Armed Forces and Defence Organization, 1939–1945. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1956. 546 p.
40. *Prasad B.* The Retreat from Burma, 1941–1942. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. New Delhi: Combined Inter-Services Historical Section, Orient Longmans, 1954. 501 p.

41. *Prasad S., Bhargava K., Khera P.* The Reconquest of Burma. Vol. I: June 1942 – June 1944. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Calcutta: Combined Inter-Services Historical Section, 1958. 467 p.
42. *Singh R.* Post-War Occupation Forces: Japan and South-East Asia. The Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War, 1939–1945. Kanpur: Combined Inter-Services Historical Section, 1958. 317 p.
43. *Sumner I.* Men at War 1914–1945. The Indian army 1914–1947. Oxford: Osprey Publishing, 1996. 17 p.
44. *Sumner I.* The Indian army 1914-1947. Oxford: Osprey Publishing, 2001. 65 p.
45. *Taylor J.* Air Supply in the Burma Campaigns. Maxwell Air Force Base, Alabama: Air University USAF Historical Division Study, 1957. 163 p.
46. The Official History of New Zealand in the Second World War 1939–1945 by Kippenberger H. Fairbrother M. Wellington: War History Branch, Department of Internal Affairs, 1949–1986.
47. *Thompson J.* Forgotten Voices of Burma. London: Ebury Press, 2009. 384 p.

S.V. Averin

Indian Troops on WWII Fronts: Historiographical Review

The article is an attempt to describe in general terms major achievements in the research of India's military history during the period of WW II.

Keywords: World War II; Indian troops; army; history; military period; campaign.

Д.С. Коньков

Великобритания — это не Европа: образ Древнего Рима в образовательной политике ЕС и Великобритании¹

В статье сопоставляется образ Римской империи в образовательной программе ЕС и в среднем образовании Великобритании. Статью открывает характеристика Римской империи как объединяющего мемориального проекта в рамках ЕС. Затем дается обзор специфики британской системы среднего образования; рассматривается эволюция государственных образовательных стандартов; анализируются требования и программы итоговых квалификационных экзаменов.

Ключевые слова: европейская интеграция; образование в Великобритании; культурная память; Древний Рим.

Процессы целенаправленной политической и экономической интеграции в настоящий момент являются одним из важнейших приоритетов международных отношений в Европе. Формирование Европейского Союза было серьезным шагом в становлении общего европейского пространства. Однако проект конституции единой Европы, логически завершавший создание ЕС, не был принят из-за позиций отдельных государств. Экономический кризис 2008 года вскрыл существенные разногласия между странами — участниками ЕС. Перспективы Союза в связи с этим расцениваются не столь оптимистично, как на рубеже 1990–2000-х годов. Отсюда программный интерес, в последнее время проявляемый со стороны правительства ЕС не только к геополитическому, но и культурному, духовному и историческому образу единой Европы.

В данной статье рассматривается образ Римской империи в европейской образовательной программе и в среднем образовании Великобритании в контексте понимания Рима как общеевропейской цивилизации. Цель исследования — анализ образовательной позиции Великобритании в русле тренда на общий исторический фундамент, задаваемого правительством ЕС.

Римская империя признана Евросоюзом одной из ключевых исторических точек в формировании общеевропейской цивилизации. В 2011 году Парламент и Совет ЕС по инициативе Европейской Комиссии приняли решение о создании знака Европейского Наследия (*European Heritage Label*) (DECISION No 1194/

¹ Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

2011/EU OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 November 2011 establishing a European Union action for the European Heritage Label. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32011D1194&from=EN> (дата обращения 15.11.2014). Предполагается, что этим знаком будут отмечаться места, способные усилить в гражданах ЕС чувство принадлежности к единой Европе через историческую и культурную память. Эти места должны быть связаны с ключевыми интегрирующими современную Европу общественными ценностями — с «принципами свободы, демократии, уважением к правам человека, культурным и языковым разнообразием, толерантностью и солидарностью». В отличие от существующих программ сохранения исторического и культурного наследия, данный проект Еврокомиссии преследует в первую очередь образовательные, просветительские и воспитательные цели, и поэтому направлен на поощрение туристической активности в отмеченных знаком местах. Весной 2014 года состоялось первое вручение знака Европейского Наследия (4 sites are awarded the European Heritage Label. URL: http://ec.europa.eu/culture/news/2014/20140303-sites-awarded_en.htm (дата обращения: 15.11.2014)). Одним из четырех отмеченных мест памяти был археологический парк Карнунт в Австрии — реконструированный лагерь римского легиона (Archaeologischer Park Carnuntum. URL: http://www.carnuntum.co.at/home?set_language=en (дата обращения 15.11.2014)). Представители правительства ЕС официально заявили о признании римского исторического наследия как лежащего в основе единства Европы.

Через присвоение этого знака археологическому туристическому комплексу, посвященному Римской империи, Еврокомиссия определила свой курс на актуализацию памяти о Риме как о культуре, заложившей основы единой Европы. Выбор парка реконструкций римской повседневности особенно понятен в свете традиции изучения коллективной памяти. В этой логике большая наглядность и вещественность способствуют насыщению актуальным индивидуальным содержанием абстрактных исторических сведений; таким образом, преодолевается разрыв между исторической и коллективной памятью, происходит интеграция истории в живой контекст современности [1: с. 44–45; 7: с. 548–553; 9].

Обращение со стороны европейских политиков к историческим прецедентам как к основе формирования общей европейской идентичности оценивается исследователями с различных позиций. Так, П. Катценштейн и Дж. Чекел подчеркивают релятивизм и ситуативность идентификаций с историей [11: р. 213–226], а И.П. Каролевски уточняет, что подобные проекты со стороны политических элит ЕС противоречивы, манипулятивны и зачастую противоречат национальным мемориальным практикам [12: р. 70–71]. Ч. Боттичи, не отрицая существующих сложностей, подчеркивает, что появление собственно дискурса по поводу общей исторической памяти способствует оформлению соответствующей идентичности [10: р. 54–55].

В связи с этим возникает вопрос, существуют ли образовательные мемориальные стратегии британского правительства и общества, предполагающие

трактовку римской цивилизации как объединителя Европы [8]. При этом необходимо иметь в виду, что, как подчеркивается многими исследователями, британское общество традиционно дистанцируется от континентальной Европы, подчеркивая особую судьбу и историческую роль Островов. Отсюда доминирование прохладного отношения к общеевропейским проектам и идеологическим конструктам [13; 15: p. 85; 18: p. 150].

В среднем образовании Великобритании, в отличие от высшего, учебная программа формируется и контролируется соответствующим министерством в правительстве страны, хотя и, по сравнению с Россией, весьма рамочно. Это позволяет говорить о государственных приоритетах в данной сфере. Кроме того, среднее образование имеет более широкий охват и доступность, чем высшее. Поэтому фокус исследования сосредотачивается на среднем образовании Великобритании.

Образовательная система Великобритании характеризуется рядом черт, значительно отличающих ее от привычных российских алгоритмов преподавания в школе. Рассмотрению ее особенностей посвящен ряд отечественных работ, среди которых следует отметить развернутую статью Е.Е. Вяземского [2–6]. Однако эти работы носят описательный, а не аналитический характер, и недостаточно отчетливо прослеживают связь между политикой британского правительства и методами и содержанием школьного образования. Для понимания участия государства в формировании коллективной памяти следует рассмотреть эту связь более детально.

Система среднего образования Великобритании состоит из множества исторически сложившихся и имеющих собственные традиции частных, муниципальных, коммунальных и религиозных школ. Подобная ситуация не позволяет говорить даже о возможности директивной общеобязательной государственной образовательной политики. Кроме того, существует общественное противодействие попыткам правительства контролировать образование и преподавание в школах. Тем не менее серьезным шагом в расширении государственного присутствия стало принятие парламентом закона о реформе образования в 1988 году (Education Reform Act 1988 // URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/40/pdfs/ukpga_19880040_en.pdf (дата обращения: 15.11.2014)). Результатом этой реформы являлось создание национального рейтинга школ и, таким образом, подобия конкурентной рыночной среды в сфере школьного обучения.

Для обеспечения рейтингования требовалось упорядочить и унифицировать образовательные стандарты. В соответствии с законом весь период обучения был разделен на ключевые этапы (*Key Stages*); выделены базовые дисциплины (в число которых вошла история); был создан Национальный учебный план (*The National Curriculum*), в котором описывалось распределение и примерное содержание дисциплин по ключевым этапам обучения. В соответствии с ним история должна была изучаться на протяжении всех

четырёх ключевых этапов, то есть с 5 до 16 лет. Однако на первом этапе ученикам дается лишь общее понятие историчности как таковой на примере живой культурной памяти, отдельных выдающихся исторических событий и персоналий, а четвертый этап предусматривает самостоятельный выбор тематик, полезных для дальнейшей карьеры. Только на втором и третьем этапах планом определены конкретные тематики для изучения (National Curriculum in England: history programmes of study // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 15.11.2014)). Ими охвачен период от каменного века до современности, рубежной датой между двумя ключевыми этапами выступает 1066 год.

История Рима присутствует в Национальном учебном плане только в связи со становлением Англии. Формулировка темы, посвященной Риму, звучит так: «Римская империя и завоевание ею Британии», что подразумевает исключение из преподавания истории Рима республиканского периода. Эта тема является обязательной для второго ключевого этапа британского среднего образования (7–11 лет). В Национальном учебном плане предложены рекомендательные вопросы для раскрытия этой темы. В них идет речь о римском вторжении в Британию, сопротивлении бриттов и о романизации Британии на примере мест памяти и культурного влияния на автохтонное население — то есть, собственно Римская империя не рассматривается.

На третьей ключевой стадии обращение к истории Древнего Рима Национальным учебным планом не было предусмотрено, но до определенного времени были возможны экскурсии по выбору ученика, затрагивающие эту тему. Дело в том, что Национальный учебный план по преподаванию истории неоднократно корректировался (в 1991, 1994, 1995, 1998, 2000, 2008 (The Education (National Curriculum) (Attainment Targets and Programmes of Study in History) (England) // URL: <http://www.legislation.gov.uk/all?title=The%20Education%20%28National%20Curriculum%29%20%28Attainment%20Targets%20and%20Programmes%20of%20Study%20in%20History%29%20%28England%29> (дата обращения: 15.11.2014)), уточняя формулировки целей и задач преподавания. Это касалось и истории Античности. В учебном пособии 1999 года (основанном на программе редакции 1995 года) указывается на возможность выбора изучения Римской империи в категории «Эпоха, или Поворотная точка в европейской истории до 1914 года» [14: р. 6]. Но в современной редакции Национального учебного плана от 2013 года такой категории нет; ее заменяет региональная история (*local history*) (National Curriculum in England: history programmes of study // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 15.11.2014)).

Эти трансформации учебного плана связаны с государственной политикой, в числе прочего отражая позицию правительства по отношению к ЕС. Но, по сути, радикальных изменений в отношениях между Великобританией и ЕС,

несмотря на усилия лейбористских премьер-министров, не произошло [16: р. 93–94]. В частности, магистральное направление преподавания истории, в первую очередь национальной, осталось неизменным; в пропорциональном соотношении оно составляло 2/3 всего курса истории на третьем ключевом этапе; 1/6 приходилась на историю Европы и 1/6 — на историю неевропейских обществ [14: р. 6]. По состоянию на 2013 год соотношение изменилось — 5/7 курса посвящено национальной истории, 1/7 — локальной истории, 1/7 — мировой истории (National Curriculum in England: history programmes of study // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 15.11.2014)). История Европы как отдельный блок убрана, и акцент еще более, нежели раньше, сместился на изучение истории Великобритании и даже отдельных ее регионов.

Однако образ Римской империи в британском среднем образовании определяется не только государственным учебным планом. Итоговая аттестация школьников проводится негосударственными организациями. Поэтому программа выпускных экзаменов по дисциплине может содержать иные, по сравнению с Национальным учебным планом, тематики. В возрасте 14–16 лет ученики британских школ сдают экзамен на получение Всеобщего сертификата о среднем образовании (*General Certificate of Secondary Education, GCSE*). С рубежа 1990–2000-х годов этот сертификат имеют право выдавать пять экзаменационных советов (*examination boards*), каждый из которых предлагает свою программу экзаменов. Все варианты программ экзаменов GCSE по истории до недавнего времени исчерпывались темами, посвященными XX веку [17: р. 2–5]. В 2009 году экзаменационный совет «Экзамены Оксфорда, Кембриджа и Королевского общества искусств» (*Oxford, Cambridge and RSA Examinations*, далее — OCR) впервые ввел в предложенную выпускникам программу экзамена GCSE вопросы по древней истории (GCSE. Ancient History – J151, J051 (from 2009) // URL: <http://www.ocr.org.uk/qualifications/gcse-ancient-history-j151-j051-from-2009/> (дата обращения: 15.11.2014)).

Их тематика касается войн в Древней Греции, становления Рима, роли женщин в архаических обществах и изучения античных источников. Все перечисленные направления являются академическими, в них нельзя усмотреть сознательные мемориальные культурные стратегии или политический заказ. Это объясняется тем, что экзаменационный совет OCR, единственный среди подобных ему организаций, сохранил свой изначальный статус коллегии университетских экзаменаторов. Он не подчиняется общественным попечителям или местным властям и ориентируется на требования, которые предъявляет к выпускникам университетское обучение в Оксбридже. Отсюда внимание к древней и античной истории, сильная традиция изучения которой существует в этих университетах.

В то же время необходимо отметить, что в качестве цели введения тематики Рима в экзамен GCSE OCR указано стремление к пониманию роли римлян

в развитии Европы (GCSE. Ancient History. URL: <http://www.ocr.org.uk/Images/71497-specification.pdf> (дата обращения: 15.11.2014)). Такая формулировка наводит на мысль о попытке выхода OCR из рамок национальной и локальной памяти к евроинтегральной наднациональной парадигме. Однако при рассмотрении конкретных вопросов и требований к ответам, представленных в программе экзамена, можно понять, что заявленная цель исключительно декларативна, и на самом деле в экзамене реализуются иные приоритеты.

В рамках темы «Становление Рима» (*Unit A032: The rise of Rome*) на выбор предлагаются два блока вопросов: «Происхождение Рима: цари 753–508 гг. до н.э.» и «Вторжение и разгром Ганнибала 218–146 гг. до н.э.». Базовый источник для подготовки — фрагменты «Истории Рима» Тита Ливия, «Энеиды» Вергилия, работ Полибия и Плутарха. В соответствии с программой экзамена при ответе от учащегося требуется знание социальных, экономических, организационных, военных особенностей жизни Рима в соответствующие периоды, а также умение обоснованно критиковать и анализировать исторический источник (последнему аспекту уделено особое внимание). В официальном образце задания, приведенном OCR, три из пяти вопросов связаны с оценкой надежности и достоверности Тита Ливия как исторического источника (GCSE. Ancient History. A032. The rise of Rome. Specimen Paper // URL: <http://www.ocr.org.uk/Images/72985-unit-a032-the-rise-of-rome-specimen.pdf> (дата обращения: 15.11.2014)). Все эти знания, умения и навыки соответствуют требованиям к историку-антиковеду, однако никак не помогают понять европейскую значимость римской цивилизации, то есть достичь заявленной цели введения истории Античности в экзамен.

Явный диссонанс с этой целью представляет и список рекомендованной литературы для подготовки к экзамену GCSE OCR по древней истории. В него входят только исторические источники в существующих классических английских переводах конца XIX – начала XX века, изданные Оксфордским университетом. Данная особенность призвана укреплять самостоятельность мышления ученика и одновременно давать ему представление о специфике его возможной будущей профессии как историка, но опять же не дает возможности понять значение Римской империи в развитии европейской цивилизации. Таким образом, на практике актуализация исторической памяти вытесняется узкоспециальным академическим историзмом.

На формирование образа Римской империи в среднем образовании Великобритании оказывает влияние комплекс факторов, не позволяющий использовать однозначные и прямолинейные характеристики в описании места, которое занимает римская история в современной коллективной памяти англичан. Поскольку школы Великобритании в значительной степени самостоятельны в содержательном наполнении учебного процесса, привести все среднее образование к жесткому общему знаменателю вряд ли возможно. Однако Национальный учебный план, введенный и корректируемый правительством

Великобритании, задает рамки и единые требования по ключевым темам. Форма изучения по Национальному учебному плану Римской империи свидетельствует о безусловном доминировании британоцентристских взглядов в этом аспекте образования. Если ранее ригористичность такой позиции смягчалась возможностью выбора для изучения одной из общеевропейски значимых тем, в том числе и истории Римской империи, то в настоящее время эта возможность исчезла. Пришедшая ей на смену тематика локальной истории поощряет развитие исторического сознания учеников, делая прошлое более доступным и близким, но также и отражает тенденции евроскептицизма в британском правительстве. Система британской итоговой аттестации школьников по истории, формально негосударственная, вообще не включает блоки вопросов по древней и средневековой истории — за исключением Оксфордского экзаменационного совета. Однако и в случае Оксфорда, несмотря на декларирование значимости римской истории для развития Европы в целом, реальные требования к ответам подразумевают изучение Рима только как предмета исторической науки, в рамках замкнутого академического знания.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Бунькова Л.А.* Образование как одно из приоритетных направлений социальной политики лейбористского правительства Тони Блэра в Великобритании // Образование и наука. 2009. № 7. С. 88–94.
3. *Вяземский Е.Е.* Современная система образования в Великобритании // Проблемы современного образования. 2010. № 6. С. 68–84.
4. *Зарецкая С.Л.* Школьное образование в Великобритании: реформы финансирования и управления // Экономика образования. 2001. № 2. С. 20–31.
5. *Зубкова И.А.* Отвечая на вызовы века: современная парадигма школьного исторического образования в Великобритании // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 328–332.
6. *Пучков П.А.* История в системе школьного образования Великобритании // Преподавание истории в школе. 2007. № 2. С. 37–41.
7. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
8. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
9. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
10. *Bottici C.* Europe, war and remembrance // *The Search for European Identity.* Oxon: Routledge, 2008. P. 45–58.
11. *Checkel J.T., Katzenstein P.J.* Conclusion — European Identity in Context // *European Identity.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 213–227.
12. *Karolewski I.P.* Citizenship and Collective Identity in Europe. Oxon: Routledge, 2010. 253 p.
13. *Kumar K.* The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 367 p.
14. *Lane P., Lane C.* History: Key Stage 3 Study Guide. London: Letts, 1999. 192 p.

15. *McCormac U.* Being in Europe: pluralism and patriotism in England and Scotland // *Changing Face of European Identity*. Oxon: Routledge, 2005. P. 64–90.
16. *Novy L.* Britain and Germany Imaging Future of Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013. 288 p.
17. *Revise GCSE. Complete Study & Revision Guide*. London: Letts, 2009. 208 p.
18. *Spiering M.* British Euroscepticism // *Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration*. Amsterdam-New York: Rodopi B.V., 2004. P. 127–150.

References

1. *Assman Ya.* Kul'turnaya pamyat'. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury', 2004. 368 s.
2. *Bun'kova L.A.* Obrazovanie kak odno iz prioritetny'x napravlenij social'noj politiki lejboristskogo pravitel'stva Toni Ble'ra v Velikobritanii // *Obrazovanie i nauka*. 2009. № 7. S. 88–94.
3. *Vyazemskij E.E.* Sovremennaya sistema obrazovaniya v Velikobritanii // *Problemy' sovremennogo obrazovaniya*. 2010. № 6. S. 68–84.
4. *Zareczkaya S.L.* Shkol'noe obrazovanie v Velikobritanii: reformy' finansirovaniya i upravleniya // *E'konomika obrazovaniya*. 2001. № 2. S. 20–31.
5. *Zubkova I.A.* Otvechaya na vy'zovy' veka: sovremennaya paradigma shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v Velikobritanii // *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 2003. № 7. S. 328–332.
6. *Puchkov P.A.* Istoriya v sisteme shkol'nogo obrazovaniya Velikobritanii // *Prepodavanie istorii v shkole*. 2007. № 2. S. 37–41.
7. *Riker P.* Pamyat', istoriya, zabvenie. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury', 2004. 728 s.
8. *Skott Dzh.* Blagimi namereniyami gosudarstva. M.: Universitetskaya kniga, 2005. 576 s.
9. *Xal'bvaks M.* Social'ny'e ramki pamyati. M.: Novoe izd-vo, 2007. 348 s.
10. *Bottici C.* Europe, war and remembrance // *The Search for European Identity*. Oxon: Routledge, 2008. P. 45–58.
11. *Checkel J.T., Katzenstein P.J.* Conclusion — European Identity in Context // *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 213–227.
12. *Karolewski I.P.* Citizenship and Collective Identity in Europe. Oxon: Routledge, 2010. 253 p.
13. *Kumar K.* The Making of English National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 367 p.
14. *Lane P., Lane C.* History: Key Stage 3 Study Guide. London: Letts, 1999. 192 p.
15. *McCormac U.* Being in Europe: pluralism and patriotism in England and Scotland // *Changing Face of European Identity*. Oxon: Routledge, 2005. P. 64–90.
16. *Novy L.* Britain and Germany Imaging Future of Europe. London: Palgrave Macmillan, 2013. 288 p.
17. *Revise GCSE. Complete Study & Revision Guide*. London: Letts, 2009. 208 p.
18. *Spiering M.* British Euroscepticism // *Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration*. Amsterdam-New York: Rodopi B.V., 2004. P. 127–150.

D.S. Konkov

**Great Britain is not Europe:
Image of the Ancient Rome in Educational policy of EU and Great Britain**

The image of the Roman Empire in EU's educational program and Great Britain's secondary education are compared in the article. In the beginning of the article the Roman Empire is characterized as uniting memorial project in EU limits. Then the author gives the overview of specific character of British system of secondary education. He considers the evolution of state educational standards and analyses the demands and programs of final qualifying exams.

Keywords: integration of Europe; education in Britain; cultural memory; the Ancient Rome.

В.К. Титерина

**Рецензия на монографию:
Brian Glyn Williams. The sultan's raiders.
The military role of the Crimean tatars
in the Ottoman Empire. Washington, D.C.
Published in the United States
by The Jamestown Foundation.
2013. V, 62 p.**

Работа Брайяна Глина Вильямса «Всадники султана. Военная роль крымских татар в Османской империи» была написана по случаю шестидесятидевятiletия депортации крымских татар, однако вся работа посвящена отнюдь не истории депортации. Она представляет собой очерк по истории Крымского ханства в Средние века.

Автор данной работы — Брайян Глин Вильямс, известный «американский ученый, специализирующийся на истории крымских татар» (р. IV).

Б.Г. Вильямс не пишет об актуальности своей работы, однако президент издательского фонда Глен. Е. Говард утверждает, что актуальность работы выражается в важности «продемонстрировать историю татар для профессиональных историков и политиков» (р. III).

У работы четкая структура, содержание охватывает практически все боевые кампании, в которых татарские военные силы принимали активное участие.

К сожалению, автор не говорит о цели, а также не определяет напрямую задач своего исследования работы, однако четко очерчивает географические и временные рамки. Объектом исследования автора является «изучение роли крымских татар в военных кампаниях, которые предпринимала Османская империя по отношению к своим соседям», а также анализ того, «насколько противоречива была дружба» между Крымом и Османской империей (р. 1).

Кажется весьма удивительным, что автор, не анонсируя никаких исследовательских задач, тем не менее в конце работы подводит обширные итоги по следующим проблемам: оценка военной мощи Крымских татар; эффективность

помощи татар османам в разных военных кампаниях; обзор крымско-татарской кооперации с Портой на разных «фронтах»: Кавказском, Русском, Польском, Западном; изучение союза Крыма и Порты как такового.

Б.Г. Вильямс подчеркивает, что султан имел в Крыму широчайший спектр прав, в том числе именно он утверждал на Крымский престол того или иного хана (р. 3), апеллируя к тому, что это было малым ущемлением автономии ханства, ведь Порта предлагала взамен свою защиту.

Однако автор опускает тот факт, что подобное положение дел позволяло Порте иметь контроль над сменой династий внутри ханства, а значит, отсеивать претендентов, недовольных политикой Порты. Вдобавок Крымское ханство не имело права объявлять войну своим соседям без разрешения султана. Таким образом, свобода Ханства по отношению к Порте была иллюзорной, и утверждение Б.Г. Вильямса, что «татары были не подчиненными, но союзниками» (р. 4), кажется весьма сомнительным.

Любопытно, что Б.Г. Вильямс сравнивает оттомано-татарский альянс с польско-литовским (р. 3). Однако, как было сказано ранее, у татар не было права самостоятельно начинать военные действия, в то время как Порта имела на это полное право. Как упоминает сам автор, Порта не позволяла татарам пересекать сопредельные с русскими территориями границы даже в случае явной угрозы для ханства (р. 13). А значит, в данном контексте сравнение татаро-османского «союза» с польско-литовским неприемлемо, ведь подобных взаимоотношений в польско-литовском союзе не было, обе стороны должны были обсуждать военные планы сообща.

Автор дает краткие очерки действий крымских военных сил на различных фронтах. В части «Кавказский фронт» Б.Г. Вильямс утверждает, что помощь Порте от Крыма была жизненно необходимой для проведения там военных действий (р. 11).

Главной целью участия татар в походах на этом фронте был захват материальных ценностей и рабов, так как растущая мощь России не позволяла им продолжать свои прежние набеги на старые территории (р. 10).

Весьма специфическим в этой части исследования видится взгляд автора на некое «Русское правительство» (р. 13), существовавшее якобы во времена Ивана Грозного, начавшего активную экспансию на Кавказ. В этот исторический период крайне сложно говорить о наличии «правительства», которое могло принимать решения касательно войн и походов. Россия была монархическим государством, где все решения принимались единолично царем, а не каким-то несуществующим «правительством».

В завершении этой части работы автор приходит к выводу, что именно жажда наживы мешала татарам быть полезными для Порты союзниками на Кавказе.

Рассуждая о «Русском фронте», Б.Г. Вильямс говорит, что в течение долгого времени татары совершали не санкционированные властями «вторжения на территорию России на регулярной основе» (р. 15), т. е. набеги на соседние

территории являлись для них обычным источником дохода. Именно в этом автор видит главную ценность крымских татар для Оттоманской армии — умение противостоять русским, подкрепленное опытом многолетних набегов.

В этой части работы Б.Г. Вильямс вновь странно высказывается касательно русских исторических реалий. Он ведет линию рассуждения о неких «русских генералах». Принимая во внимание его рассуждения о «русском правительстве» времен Ивана Грозного, можно прийти к выводу, что Б.Г. Вильямс не очень хорошо разбирается в терминологии, связанной с русской историей. В то же время у автора нет проблем с применением корректных терминов по отношению к институтам власти и военным званиям у других народов (р. 24, 25, 29).

Линия авторского дискурса о нерешительности русских военных, которые не хотели организовывать полномасштабные походы в крымские степи, звучит разумно, русские могли легко потерпеть поражение на территории врага, имевшего там колоссальное преимущество (р. 17).

Набеги с целью захвата рабов были обыденным военным предприятием татар на территории России, однако Б.Г. Вильямс делает предположение, что эти действия не были продиктованы исключительно жадной наживой, а были по природе своей джихадом в отношении неверных (р. 21).

Это утверждение кажется более чем сомнительным, так как крымские татары, невзирая на свое исламское вероисповедание, были весьма веротерпимы не только к соседям, но и к обитателям собственного ханства. Вряд ли активные проповедники и исполнители джихада могли бы сосуществовать с христианами (греками и армянами) и с иудеями, которые жили под властью Ханства, имели особое законодательство, строили свои церкви и занимались активной торговлей.

Именно поэтому заявление автора о «джихаде» в массе веротерпимых крымских татар кажется неверным. Набеги за рабами и наживой имели под собой только экономическую подоплеку, но никак не религиозную.

В части, посвященной «Польскому фронту», автор говорит о том, что Оттоманская империя была с Польшей не в лучших отношениях (р. 22), однако позднее оттоманы позволили татарам создать союз с Польшей, чтобы ослабить русское влияние на границах. Тем не менее этот союз просуществовал недолго (р. 23), так как вскоре подкупленная русскими Порта приказала татарам, при поддержке оттоманской армии, начать военные действия против самой Польши. Однако Польша, имея на тот момент мобильную армию (р. 24), смогла противостоять татарской коннице, в результате чего помощь союзников османам на этой территории стала неэффективной (там же).

«Западный фронт» — единственное направление, где автор строго определяет территориальные границы. В них он включает: Молдавское княжество, Трансильванию и Империю Габсбургов (р. 25). Б.Г. Вильямс утверждает, что на этих землях крымские татары и их конница играли значительную роль и обеспечивали Порте контроль над территориями (р. 35). Мобильные отря-

ды были способны быстро останавливать восстания местных жителей (р. 29). Акты усмирения сопровождались массовыми захватами непокорных в рабство (р. 32). Утверждение о важной роли татар на этих территориях кажется верным, так как, в отличие от Польши или России, эти страны никогда ранее не сталкивались с татарами и не имели многовекового опыта противостояния им (р. 30).

В целом Б.Г. Вильямс приходит к выводу, что татары были малоэффективны на кавказском и польском «фронтах», но оказывали немалую поддержку Порте на русском и западном направлениях.

В «Послесловии» Б.Г. Вильямс пишет, что «татары использовали свои боевые навыки, чтобы склонить битву в сторону Оттоманов» (р. 40), и это утверждение выглядит верным. Если не слишком придавать значение частым нарушениям приказов своих оттоманских командиров и увлечению грабежами, татары были весьма преданными воинами на службе Порты.

В заключение стоит отметить, что, невзирая на посредственное владение терминологией, связанной с историей России, крайне сомнительное приписывание веротерпимым татарам мотивации «джихада», скудное использование источников и отсутствие историографического обзора, работа Б.Г. Вильямса в целом дает относительно объемное описание роли крымских татар на службе у Оттоманской империи и ее военной мощи.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2015, № 2 (18)**

Аверин Сергей Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (averin157@yandex.ru).

Алигаджиева Заира Алиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства (blondinka_zaira@mail.ru).

Васин Иван Вячеславович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rome2009@list.ru).

Войтенко Антон Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН (cesras@cesras.ru).

Карезина Инна Павловна — соискатель Центра изучения религий РГГУ (1357917@gmail.com).

Коньков Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (dkonkov@mail.ru).

Крыкин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета (smkrykin@mail.ru).

Перевозников Александр Александрович — соискатель общеуниверситетской кафедры истории (perev_alex@mail.ru).

Разумовский Игорь Владимирович — аспирант кафедры отечественной истории и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова (edwardrazum@yandex.ru).

Титерина Варвара Константиновна — магистрант кафедры всеобщей истории МГПУ (blue-ink@mail.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры всеобщей истории Московского городского педагогического университета (marinaio0707@mail.ru).

«MCTTU Vestnik» / Authors,
Series «Historical Studies», 2015, № 2 (18)

Averin Sergei Vladimirovich — postgraduate, World History department, MCU (averin157@yandex.ru).

Aligadzhieva Zaira Alievna — Ph.D. (History), docent, Humanities Disciplines department, Dagestan State Institute of National Economy (blondinka_zaira@mail.ru)

Vasin Ivan Vjacheslavovich — postgraduate, World History department, MCU (rome2009@list.ru).

Voytenko Anton Anatolievich — Ph.D. (History), senior research fellow, Center of Egyptological Studies of Russian Academy of Sciences (cesras@cesras.ru).

Karezina Inna Pavlovna — postgraduate, Center for the Study of Religion RSUH (1357917@gmail.com).

Konkov Dmitriy Sergeevich — Ph.D. (History), docent, department of Ancient, Medieval History and Methodology in History, Tomsk State University (dkonkov@mail.ru).

Krykin Sergei Mikhailovich — Ph.D. (History), docent, World History department, MCU (smkrykin@mail.ru).

Perevoznikov Aleksandr Aleksandrovich — postgraduate, History of Russia department, MCU (perev_alex@mail.ru).

Razumovskiy Igor Vladimirovich — postgraduate, History of Russia and culturology department, Sholokhov MSHU (edwardrazum@yandex.ru).

Titerina Varvara Konstantinovna — master's student, World History department, MCU (blue-ink@mail.ru).

Furtsev Roman Vitalievich — Ph.D. (History), postgraduate, World History department, MCU (marinaio0707@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (18), 2015

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГБОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 17.06.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 7 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.